Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Почтовый индекс журнала 24820

Юридическая наука: история и современность

2012, № 9

Санкт-Петербург
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Александров А.И., Первый заместитель председателя комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Антонов И.А., доктор юридических наук, доцент

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор

Григорьев В.Н., заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального института, доктор юридических наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Керимов Д.А., член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Коваленко А.Г., профессор кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Поволжской академии государственной службы, доктор юридических наук, профессор

Пашенцев Д.А., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор

Пылин В.В., доктор юридических наук, профессор

Рохлин В.И., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации

Свистунов А.А., советник ректора Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутакина, заместитель Председателя УМО по юридическому образованию в вузах России, Председатель правления Ассоциации юридического образования в Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор

Соболь И.А., профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

Степашин С.В., председатель Счетной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Чибинев В.М., декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований преступлений МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Щендрыгин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2012

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская империя: уголовно-правовая политика и борьба с преступностью 7

Бабаджанов И.Х. Правовой статус человеческого эмбриона: несколько подходов к анализу 10

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность. Информационное право

Мирзоев С.Б. Конституционный суд республики Таджикистан: создание и начало деятельности 29

Хабибулина А.А. Актуальность административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России с иными федеральными органами исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности 44

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Бондаренко В.В. Перспективы развития сервитута как института вещного права 49

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право.

Бадалов Ш.К. Теоретические проблемы определения источников экологического права в современной юриспруденции 54

Тарайко В.И. Аргументация теории предупреждения экологических преступлений 60

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Александров Р.А., Кондрат И.Н., Ретунская Т.П. Следственные ошибки и эффективность доказывания 67

Вашкевич А.В. К вопросу о специфических экспертизах, проводимых при расследовании дорожно-транспортных происшествий 73

Нефёдов И.В. Теоретические вопросы компонентного состава уголовно-правовой характеристики рейдерства как преступления 79

Шулепов И.Н. Уголовно-правовые последствия причинения вреда при неисполнении приказа или распоряжения 84

Малуева Е.С. Некоторые особенности преступлений, связанных с хищением средств государственных внебюджетных фондов 92

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

Зуева А.С. Легализация доходов, полученных незаконным путем, на рынке ценных бумаг 94

Кондрат Е.Н. Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации: состав и структура 107

Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования 121

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат.

Кондрат И.Н. Процессуальные принципы уголовного судопроизводства и права человека 126

Иванов А.В. Направления совершенствования правореализующей деятельности в адвокатуре 135

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право

Мамедов С.К. Реализация принципа территориальной целостности в контексте обеспечения права народов государства на самоопределение 138

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология.

Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции, кадры полиции и юридическая наука 142

Информация для авторов 159

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

Artamonova G.K., Mukhortov A.A. Russia Empire: criminal legal policy and fight against crime 7

Babadzhanov I.Kh. The legal status of human embryo: several approaches to the analysis 10

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities. Data protection law

Mirzoev S.B. The Constitutional court of the Republic of Tajikistan: creation and beginning of the activity .. 30

Khabibulina A.A. The relevance of administrative and legal regulation for interaction of the Federal Security Service of the Russian Federation with other Federal Executive Authorities in the sphere of ensuring the financial security 44

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Bondarenko V.V. Development prospects of easement as an institute of right to thing 49

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law

Badalov Sh.K. Theoretical problems of determining the sources of environmental law in modern jurisprudence 54

Tarayko V.I. Argumentation of the environmental crimes prevention theory 60

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities.

Aleksandrov R.A., Kondrat I.N., Retunskaya T.P. Investigatory errors and efficiency of proof 68

Vashkevich A.V. On the specific examinations conducted during the investigation of traffic accidents 73

Nefedov I.V. Theoretical issues related to component constituents of criminal and legal characteristic of raiding as a crime 79

Shulepov I.N. Criminal and legal consequences of harm-doing under non-execution of order or instruction 84

Malueva E.S. Some features of crimes related to the theft of financial assets belonging to the state non-budgetary funds 92

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law.

ZuevaA.S. Legalization of incomes gained illegally in the market of securities 94

Kondrat E.N. Control and accounting bodies of constituent entities of the Russian Federation: composition and structure 107

Viktorov G.V. To a question on perfection of the mechanism of suppression of channels of financing of terrorism and extremism 121

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Kondrat I.N. Procedural principles of criminal justice and human rights 126

Ivanov A.V. Areas of law-implementation activity improvement in the advocacy legal profession 135

International relations and foreign policy. International and European law

Mamedov S.K. Implementation of the principle of territorial integrity in the context of ensuring the right to self-determination for the peoples of the state 138

Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology.

Aliev Ya.L., Sal'nikov P.P. Traditions, police personnel and legal science 142

Information for the authors 159

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

МУХОРТОВ Анатолий Александрович,
начальник кафедры управления органами внутренних дел Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: mukhortov_aa@yandex.ru

Специальность 12.00.01– Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. *В статье рассмотрены различные аспекты уголовно-правовой политики Российской империи, исследовано состояние правопорядка, проведен анализ данных по приговорам судов.*

Авторы затрагивают вопросы проведения полицейских реформ и привлечения в полицию более грамотных кадров, делают выводы о необходимости развития юридической системы в целом.

Ключевые слова: *агенты; полицейские; дознание; следствие; наказание; полиция; уголовное наказание; агенты полиции; правопорядок.*

ARTAMONOVA G.K.
MUKHORTOV A.A.

RUSSIA EMPIRE: CRIMINAL LEGAL POLICY AND FIGHT AGAINST CRIME

The summary. *The article considers the drawbacks of procedural legislation on crimes against the State in the Russian Empire, the state of law and order is studied, the analysis on the judgments of courts is performed.*

The author touches upon the range of problems related to introduction of reforms and engaging a more competent staff in the police, the conclusion on the need for development of the legal system as a whole is made.

Key words: *agents; police officers; inquiry; investigation; punishment; police; criminal penalty; police agents; law and order.*

В конце XIX – начале XX вв. в Российской Империи наблюдаются определенные проблемы в деятельности полиции. Полицейские, желая выслужиться, сделать карьеру, иногда шли на нарушение закона. Так, министр юстиции Н.В. Муравьев направил на имя императора докладную записку, в которой указывал на недопустимость подобных действий. Следствие вынуждено было по его выражению: «одновременно заниматься разоблачением не только преступных деятелей, но и тайн правительственной агентуры… Внутренние агенты полиции, не ограничиваясь личиной сочувствия, оказывают этим деятелям существенное содействие в осуществлении их замыслов… Подобные агенты не только стараются войти в преступные планы, уже задуманные и сформировавшиеся, но и дают мысль о новых, вовлекая к участию в них возможно большее число лиц» [1].

Как отмечается в юридической литературе того времени полицейское дознание: «…не обставлено никакими формальностями, не имеет судебного характера и всегда должно быть производством тайным» [2, стр. 346], его целью является обнаружение деяний, носящих преступный характер, а «дальнейшие действия по разыскиванию и обличению преступника» должны осуществлять следователи [8, стр. 286].

Думается, что уровень правовых гарантий после осуществления правовых реформ был существенно выше и с такой категорической точкой зрения нельзя согласиться. Кроме того, следствие, как в прошлом, так и в настоящее время сталкивается с проблемой, как не возбуждая подозрений террористов, преступников, освободить от уголовной ответственности полицейских агентов, внедренных в преступные организации.

Основной формой уголовных наказаний было тюремное заключение либо каторга. О степени тяжести санкций по приговорам в конце XIX в. (на 1893 г.) можно судить, в частности, основываясь на данных А.Д. Марголиса, о приговорах судов по 397 обвиняемым по политическим делам. Из них 118 (29,7%) были каторжными первого разряда, то есть были осуждены на 20 лет или без срока, 171 человек – второго разряда – от 8 до 20 лет и только 108 политкаторжан (27,2%) осуждены на срок до 8 лет. 93 человека (23,45) были приговорены первоначально к смертной казни, а затем «помилованы» вечной или срочной каторгой. Большинство из них было осуждено военно-окружными и военными судами, которые осуществляли правосудие по «государственным преступлениям». Причем из них 118 человек (36%) погибли на каторге и поселении, 25 – сошли с ума. Это свидетельствует о тяжелом положении политкаторжан [7, стр. 190].

На заседании Государственного Совета отмечалось, что: «…недостатки процессуального законодательства по государственным преступлениям сказываются теперь еще резче ввиду значительного усиления за последние годы социально-революционной пропаганды, вызывающей, в свою очередь, чрезвычайное повышение числа возникающих ежегодно дел о государственных преступлениях. За десятилетие, с 1894 по 1904 год, их число увеличилось более чем в 12 раз» [9].

Российские правоведы полагали: «Главный вид наказания при современной системе это – тюремное заключение…может приносить только вред; людей больных, с расстроенными нервами, с плохим питанием, с неправильным или безнравственным воспитанием, собирают всех в одно место, лишают воздуха, здоровых условий жи́зни и питания, устраивают искусственные очаги порока. А главное, придают…тюрьме такой позорящий характер, что из вышедшего из тюрьмы затем невозможна никакая реабилитация, он раз навсегда обесчещенный, опозоренный человек» [3, стр. 215]. Возрастало количество совершаемых преступлений и число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Исследуя состояние правопорядка в тот период в России, Е.Н. Трубецкой указывал на необходимость реформ. Реформирование, в основе которого должен быть компромисс общественных сил, должна проходить сверху и осуществляться мирным путем [6, стр. 576].

Исследователи [4, стр. 130], обобщая недостатки организации и деятельности полиции, указывали на: ее малочисленность относительно количества населения империи, огромное число обязанностей возложенных на нее, зачастую не имеющих прямого отношения к обеспечению правопорядка, отсутствие полицейского устава, необходимого единства координации и управления, слабое материальное обеспечение.

Кроме того, неудачи в борьбе против террористов объяснялись следующими причинами: «весь революционный мир, зная

технику политического розыска, был организован для борьбы с ним и для работы к достижению своих целей... Розыскной государственный аппарат боролся с очень сильным, организованным и опытным противником, который при том имел то преимущество, что не стесняясь никакими законоположениями, поставил своего врага вне закона, тогда как охранительный аппарат власти должен был действовать в строгих рамках, предусмотренных законами, хотя эти законы и не могли, конечно, предвидеть всех особенностей такой борьбы» [5, стр. 92]. При достижении революционных целей все средства признавались приемлемыми.

Полиция в пореформенной России в большей степени стала ориентирована на функцию поддержания правопорядка. Создавались новые подразделения, исходя из повышения криминогенной опасности в городах, повышения количества миграционных потоков населения. Повышалась степень специализации полицейских формирований.

Следовало привлечь в полицию более грамотные кадры, создать более эффективный механизм отбора и перемещения на полицейские должности, что и было сделано. В результате можно сформулировать вывод, что процесс формирования более развитой юридической системы требует соответствующего уровня полицейского законодательства, уровня полицейских органов.

Следовательно, полицейским необходимо именно в широком смысле юридическое образование, позволяющее, в отличие от специального, внедрить в полицейский менталитет уважение к правам личности, законности и другим достижениям мировой юридической мысли.

Не удалось в полной мере наладить социальное партнерство между полицией и складывающимися институтами гражданского общества. В общественном сознании доминировал стереотип о полицейском как ограниченном и культурно отсталом человеке, о полиции как мало полезной для общества организации.

Список литературы

1. Всеподданнейшая записка министра юстиции о порядке расследования дел по политическим преступлениям и неправильных действиях МВД по их раскрытию // РГИА. Ф.1405.Оп.539.Д.240.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1997.
3. Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюрьмоведения. – СПб., 1906.
4. Горожанин А.В. Государство и полиция. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001.
5. Заварзин П.П. Жандармы и революция. Воспоминания. – Париж, 1930.
6. История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Зерцало-М, 2002.
7. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. – М.: Лантерна, 1995.
8. Российское законодательство X – XX веков. Т. 8. – М., 1994.
9. РГИА. Печатные записки. №680. Док. №4.

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: bobojonov-_i@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЭМБРИОНА: НЕСКОЛЬКО ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ

Аннотация. *В статье предлагается несколько подходов к анализу правового статуса человеческого эмбриона. Автор изучает законодательство России и Таджикистана, в первую очередь уголовное и гражданское, привлекает нормативно-правовые акты Австрии, Испании, Польши, США, других государств, исторические памятники права различных стран. Он внимательно изучил юридическую литературу по общей теории и отраслям права, имеющую отношение к теме. Пришел к выводу, что эта проблема не только юридическая, но и глубоко нравственная. Она предполагает и влечет существенные противоречивые изменения в человеческой психологии, культуре, нравственности.*

XXI век связан существенными достижениями в сфере биомедицинских технологий, активно практикуются трансплантация органов и тканей человека, часто раздаются голоса об использовании стволовых клеток для продления человеческой жизни. Благие намерения все чаще сталкиваются с криминальными целями отдельных лиц и преступных синдикатов, для достижения которых порой используются человеческие эмбрионы. В данной ситуации определение правового статуса этих эмбрионов приобретает еще большую значимость и актуальность.

Ключевые слова: *правовой статус; человеческий эмбрион; биомедицинские технологии; трансплантация органов и тканей человека; стволовые клетки; аборт; плод; стерилизация; нормативно-правовые акты; закон; норма; инструкция; право; мораль; психология; культура.*

BABADZHANOV I.Kh.

THE LEGAL STATUS OF HUMAN EMBRYO: SEVERAL APPROACHES TO THE ANALYSIS

The summary. *The article proposes several approaches to the analysis of the legal status of human embryo. The author studies the legislation of Russia and Tajikistan, primarily criminal and civil, involves regulatory legal acts of Australia, Spain, Poland, USA, other states, historical monuments of various countries law. He carefully studied the legal literature on general theory branches of law related to the subject. The author comes to the conclusion that this issue is not only of legal character but also deeply moral. It implies and results in considerable contradictory changes in human psychology, culture, morality.*

XXI century is associated with significant achievements in the area of biomedical technologies, transplantation of human organs and tissues is in common practice, the use of stem cells for the extension of human life are often called for. Good intensions are increasingly faced with criminal purposes of individuals and criminal syndicates for achievement of which human embryos are sometimes used. In this situation the determination of legal status of these embryos is becoming even more significant and relevant.

Key words: *legal status; human embryo; biomedical technologies; transplantation of human organs and tissues; stem cells; abortion; fetus; sterilization; regulatory legal acts; statute; norm; instruction; law; morality; psychology; culture.*

Проблемы человеческого эмбриона с позиции гуманитарного видения продолжают оставаться, пожалуй, одной из самых мало разработанных в обществознании. Правовой же статус его привлекает крайне редко исследователей, хотя работ, имеющих отношение к этому научному направлению становится все больше и больше [2; 5; 7; 24; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 39; 42; 44; 46; 51; 52; 56; 63; 64; 66; 67; 72; 73; 74; 75; 76; 77; 79; 81; 82; 84; 88; 89; 90; 92; 93; 94; 95; 96; 97; 98; 99; 100; 107; 110; 111; 112; 117; 119]. В качестве примера приведем, в частности, дискуссию по поводу аборта.

Попытаемся сформулировать несколько подходов к анализу правового статуса эмбриона, учитывая законодательство России, Таджикистана и других государств.

В Таджикистане, одно из самых либеральных законодательств об аборте. Вопреки положениям ст. 38 Конституции Республики Таджикистан [16], которые провозглашают государственную охрану материнства и детства, ст. 33 Закон Республики Таджикистан «Об охране здоровья населения» от 15 мая 1997 г. [19] создает все возможные условия для безответственного отношения женщин к беременности и к уничтожению своих детей.

«Статья 33. Право матери на охрану здоровья

…Женщине предоставляется право самой решать вопрос о материнстве.

В целях охраны здоровья женщине по ее желанию могут быть рекомендованы современные контрацептивные (противозачаточные) средства и методы, направленные на предупреждение нежелательной беременности. Порядок оказания контрацептивной помощи определяется Министерством здравоохранением Республики Таджикистан.

Медицинская (хирургическая) стерилизация как необратимый метод контрацепции может быть проведена женщине по добровольному письменному согласию супругов, а женщине, не состоящей в браке – по ее добровольному письменному согласию.

Перечень показаний и порядок проведения медицинской (хирургической) стерилизации определяются Министерством здравоохранения Республики Таджикистан.

Незаконное проведение медицинской (хирургической) стерилизации влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством Республики Таджикистан.

Искусственное прерывание беременности, в том числе по социальным и медицинским показаниям, проводится по желанию женщины в сроки беременности, установленные Министерством здравоохранения Республики Таджикистан согласованно с Министерством юстиции Республики Таджикистан.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности определяется Министерством здравоохранения Республики Таджикистан, а перечень социальных показаний – положением, утверждаемым Правительством Республики Таджикистан.

Порядок проведения операций искусственного прерывания беременности устанавливает Министерство здравоохранения Республики Таджикистан.

Незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством Республики Таджикистан».

Таким образом, совершенно четко можно сказать, что на данном этапе в Республики Таджикистан, а также во многих других странах человеческий плод, независимо от стадии его развития, не обладает правом на жизнь и другими естественными правами. Именно эта позиция положена в основу законодательства, предоставляющего женщине право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Комментируемая статья Закона Республики Таджикистан «Об охране здоровья населения» позволяет производить искусственное прерывание беременности «по просьбе» при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям – при сроке беременности до 22 недель, а по медицинским показаниям и согласии женщины – независимо от срока беременности.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности определяется Министерством здравоохранения [например, 15]. Если у беременной имеется заболевание, не указанное в перечне, вопрос о прерывании беременности решается индивидуально комиссией. Перечень социальных показаний предусмотрен положением, утвержденным Правительством РФ. Последний включает в себя следующие основания: наличие инвалидности 1-2-й группы у женщины или ее мужа, а также наличие ребенка-инвалида; смерть мужа во время беременности; пребывание женщины или ее мужа в местах лишения свободы; лишение родительских прав; признание женщины или ее мужа безработными; отсутствие у женщины мужа; расторжение брака во время беременности; беременность в результате изнасилования; отсутствие жилья, проживание в общежитии, на частной квартире; наличие у женщины статуса беженца или вынужденного переселенца; многодетность (более трех детей); доход на одного члена семьи менее, прожиточного минимума, установленного для данного региона. В то же время в приведенном выше перечне не нашлось места такому оправданию аборта, как инцест.

Если обратиться к уголовно-правовому регулированию охраны человеческой жизни, можно отметить, что в разных странах решение этого вопроса не отличается единством [23, стр. 8; 40; 42; 43, стр. 5; 50; 59; 60, стр. 9; 61; 63; 64; 70; 78; 88; 91; 100; 109, стр. 1; 113, стр. 32; 116].

В юридической литературе относительно начала уголовно-правовой охраны человеческой жизни были высказаны различные мнения.

По мнению М.Д. Шаргородского, если преступление было направлено против еще не родившегося (плода), деяние рассматривается не как убийство, а как аборт, ибо началом самостоятельной жизни младенца следует считать наступление дыхания. В то же время М.Д. Шаргородский делал оговорку: если умышленное лишение ребенка жизни произошло во время родов, иногда возможно квалифицировать это как убийство, если часть тела ребенка находится уже вне утробы матери (например, размозжение уже появившейся наружу головки) [115, стр. 15].

О.В. Лукичев определяет начало уголовно-правовой охраны человеческой жизни с момента появления в процессе родов какой-либо части тела ребенка вне утробы матери. По его мнению, «если лишение жизни младенца происходит вне утробы матери, то это убийство, если внутриутробно – аборт» [71, стр. 32].

В уголовно-правовой литературе встречаются и другие подходы. Так, А.Н. Красиков полагает, что прежние споры в теории уголовного права о том, какой момент считать началом жизни, в настоящее время разрешены. Имеются Приказ Минздрава РФ и постановление Государственного комитета РФ по статистике от 4 декабря 1992 г. «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения» [11], а также разработанная на их основе Инструкция «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода». В последней, в частности, указывается, что «живорождением является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, причем плод после такого отделения дышит или проявляет другие признаки жизни, такие, как сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры, независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента» [60, стр. 9].

Поэтому, по мнению А.Н. Красикова, начальным моментом жизни человека следует считать момент, когда констатируется полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма беременной, т. е. когда плод отделился от утробы роженицы, за исключением пуповины, которая не перерезана, и у плода имеется дыхание или сердцебиение, пульсация пуповины либо произвольные движения мускулатуры [60, стр. 10].

А.Н. Красиков не одинок в своем мнении о моменте возникновения уголовно-правовой охраны жизни человека. В.Ф. Караулов также отождествляет этот момент с началом внеутробной жизни новорожденного, а манифестацией этого момента считает первый вздох новорожденного и его первый крик [104].

По определению Л.О. Красавчиковой, «право на жизнь» – это совокупность уголовных и гражданско-правовых норм, направленных на охрану жизни человека, устанавливающих недопустимость произвольного лишения жизни, запрет активной эвтаназии, дозволенность искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, а также самостоятельное решение женщиной вопроса о материнстве, в том числе об искусственном прерывании беременности [57,

стр. 25].

В исследовании Т.В. Кондрашовой систематизированы различные подходы к определению момента начала человеческой жизни в отечественной уголовно-правовой литературе: отделение плода от тела матери; выход плода из тела матери; начало самостоятельного дыхания; начало родов; момент перерезания пуповины [54, стр. 12-13].

Однако несколько непонятную трактовку момента начала человеческой жизни дает сама Т.В. Кондрашова, считающая, что в нормативных актах Минздрава содержится правильная позиция и необходимо при определении момента начала человеческой жизни основываться на данных документах. Но при этом Т.В. Кондрашова утверждает, что, поскольку в данных медицинских документах речь идет об убийстве новорожденного, а не рождающегося, то понимание момента начала жизни должно остаться прежним. Ведь, по ее мнению, с отделением плода от тела матери процесс родов еще не завершен. Т.В. Кондрашова рекомендует действия, направленные на прекращение жизнедеятельности рождающегося ребенка, когда он еще полностью не отделился от тела матери, квалифицировать как покушение на убийство [54, стр. 13].

С позицией А.Н. Красикова и Т.В. Кондрашовой не согласен Р. Шарапов. Он полагает, что жизнь продукта рождения в период его изгнания из организма роженицы не должна выпадать из-под уголовно-правовой охраны жизни человека, а намеренное умерщвление ребенка во время его рождения путем непосредственного воздействия на его организм может признаваться убийством [114, стр. 33].

По мнению А.Н. Попова, жизнь человека начинается задолго до его рождения. Об этом свидетельствуют последние научные достижения. Так, на Сессии Совета Европы по биоэтике в декабре 1996 г. ученые утверждали, что эмбрион является человеком уже на 14-й день после зачатия. В настоящее время проводятся уникальные операции по спасению детей, находящихся еще в организме матери [86, стр. 12].

По убеждению А.Н. Попова, посягательство на жизнь плода есть посягательство на жизнь человека.

Т.А. Лаврентьева отмечает влияние уголовного законодательства на понятие искусственного аборта в медицинской литературе. Оно претерпевало изменения в зависимости от изменений в уголовной ответственности за аборт [68, стр. 15-16].

В период запрещения производства абортов искусственный аборт классифицировался в медицинской литературе двумя видами: 1) аборт, производимый по медицинским показаниям; 2) аборт криминальный (запрещенный, наказуемый).

При легализации государством искусственного аборта определение его понятия в медицинской литературе было сужено. Оно стало формулироваться так: «Прерывание беременности по желанию женщины или по рекомендации врача».

Как видно из приведенных положений, медицинское понятие искусственного аборта в значительной степени зависело от динамики государственно-правового регулирования общественных отношений, связанных с производством аборта. Так, в США право на жизнь признается и защищается с момента зачатия. И это отнюдь не ортодоксальное представление церкви, а решение Американской конвенции о правах человека [1]. Дж. Буш 2 апреля 2004 г. подписал указ о том, что если совершено убийство беременной женщины, то преступник будет осужден за убийство 2-х человек.

Это находит свое преломление в американском уголовном законодательстве.

Так, в УК штата Калифорния [22] (ст. 187) тяжкое убийство определяется как противоправное умерщвление человеческого существа или зародыша (имеется в виду fetus - неродившийся жизнеспособный зародыш от 3 месяцев беременности) с заранее обдуманным злым умыслом. При этом указывается на правомерность действий, приведших к смерти зародыша при наличии обстоятельств, оправдывающих аборт [83, стр. 44; 122].

В УК штата Иллинойс [21] (ст. 5/9 – 2.1) простым умышленное убийство может быть признано только в случае умерщвления ребенка во чреве матери, то есть умерщвления неродившегося жизнеспособного ребенка (в отличие от плода, еще не способного жить вне чрева матери). И так же, как и в УК Пенсильвании, предусмотрен другой случай простого умышленного убийства: субъект намеренно или, по крайней мере, заведомо умерщвляет неродившегося ребенка и во время умерщвления необоснованно предполагает наличие обстоятельств, оправдывающих умерщвление. Простое умышленное убийство

неродившегося ребенка является фелонией 1-го класса, за которую суд может по закону назначить тюремное заключение на срок от четырех до пятнадцати лет [120, p. 252-253,866].

Аналогичное положение установлено в штате Миссури. Верховный суд штата постановил, что мертворожденный плод приравнивается к живому человеку. В штате Миннесота причинение телесных повреждений беременной женщине, влекущее смерть плода, рассматривается как убийство. В то же время Верховный суд Северной Каролины постановил «незаконное умерщвление жизнеспособного плода не считать убийством». Эта точка зрения была поддержана Верховным судом Коннектикута [53, стр. 66].

В УК Испании 1995 г. защите плода посвящена глава IV «Повреждения плода». За причинение плоду повреждения или травмы, нанесшей серьезный вред развитию или вызвавшей серьезный физический или психический недостаток, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от года до четырех лет с лишением права на занятие лечебной практикой (ст. 157) [105, стр. 55].

Уголовный кодекс Польши 1997 г. причисляет к преступлениям прерывание беременности, когда плод достиг способности к самостоятельной жизни вне организма матери. При этом наказание предусматривает лишение свободы от 6 месяцев до 8 лет [106, стр. 126].

Современное российское уголовное законодательство защищает ребенка с момента начала родов. Ст. 106 Уголовного кодекса РФ, посвященная детоубийству, предусматривает уголовную ответственность за лишение жизни новорожденного ребенка во время или сразу после родов. Однако сам термин «во время родов» закон не объясняет. Уголовно-правовая доктрина имеет несколько подходов к этому вопросу.

Право на жизнь рождающегося ребенка признают: 1) с начала физиологических родов, то есть либо с момента появления какой-либо части тела ребенка вне утробы матери, либо с момента появления первых схваток или с момента первых потуг (М.М. Гродзинский [47], А.А. Жижиленко [48, стр. 7], Н.И. Загородников [49, стр. 32], С. Мокринский [80], А.А. Пионтковский [85, стр. 22], Ш.С. Рашковская [87, стр. 9], Б.С. Утевский [108, стр. 23]); 2) с момента перерезания пуповины и начала самостоятельного дыхания (Ю.Н. Кругов [62, стр. 13], М.Д. Шаргордский [116, стр. 59]).

Ряд медиков предлагают рассматривать родившегося ребенка как человека (с юридической точки зрения) только с началом самостоятельного дыхания. В этот момент меняются и качество обмена веществ, и органы, его осуществляющие. В утробном периоде питание и дыхание происходят через кровь матери и плаценты (плацентарное кровообращение). Во внеутробном периоде, благодаря включению легких, плацентарное кровообращение сменяется легочным [26, стр. 33]. Однако данная позиция противоречит вышеприведенным данным, в соответствии с которыми человеческое существо появляется уже в момент зачатия.

Представляется, что проводить границу между абортом и убийством наиболее верным было бы по моменту, с которого плод признается жизнеспособным вне тела матери. Уничтожение жизнеспособного плода (даже при условии нахождения его в организме матери) должно быть признано детоубийством. Исключением из этого правила должны быть случаи, когда операция по извлечению живого плода не может быть проведена по состоянию здоровья матери. При этом надо отметить, что предложенная граница между абортом и детоубийством вовсе не означает момент возникновения права на жизнь. Граница между бытием и небытием человека, а значит, и между отсутствием прав и их наличием, как уже говорилось раньше, однозначно может быть определена только по моменту оплодотворения. Именно здесь прослеживается та самая необходимая причинно-следственная (каузальная) связь, которая позволяет четко выявить причину и условие появления человека – оплодотворение и правильно протекающую беременность [100, стр. 182].

Следует отметить в данном случае важный факт. Позиция относительно разграничения аборта и убийства, предложенная в настоящей работе, уже рассматривалась несколько десятилетий назад в уголовно-правовой доктрине. В частности, известный российский специалист уголовного права Н.И. Загородников писал в 1961 г. о том, что довольно закономерным является стремление отсчитывать момент начала жизни человека с момента достижения эмбрионом жизнеспособности вне утробы матери. Он также заявлял о неприменимости данного тезиса к конструкции уголовного права, поскольку человек,

осуществляющий уничтожение плода, не осознает факт существования субъекта права. Таким образом, с его точки зрения, не прослеживается наличие субъективной стороны преступления [49, стр. 32].

Указанную точку зрения нельзя признать справедливой. Однако совершенно очевидно, что абсолютное большинство людей (имеющих возможность по своему физическому состоянию или служебному положению участвовать в операции прерывания беременности) воспринимают жизнеспособный плод, по крайней мере, как живое человеческое существо. При этом следует отметить, что в подобных ситуациях обыденное сознание никогда не ставит перед собой вопрос о правосубъектности плода, а исходит из определенной традиции, стереотипа.

Согласно нормам Всемирной организации здравоохранения, живорождением является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, причем плод после такого отделения дышит или проявляет другие признаки жизни, такие как, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры, независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента. Каждый продукт такого рождения рассматривается как живорожденный.

Критерий временного продолжения беременности в 28 недель влияет на регистрацию в органах ЗАГС. Все родившиеся живыми или мертвыми с массой тела 1000 г и более подлежат регистрации в органах ЗАГС, а вот для новорожденных с массой тела от 500 до 1000 г установлен некий «инкубационный период» жизни. Регистрируются они только в том случае, если прожили более 168 часов после рождения (7 суток). Этот беспрецедентный подход – хорошая иллюстрация существующей в отечественной нормативно-творческой деятельности разницы между жизнью в биологическом смысле и жизнью формализованной, юридически оформленной. Какую оценку можно дать этим «жизням»? К какой из этих разновидностей жизней относится право на жизнь? Когда наступает момент уголовно-правовой охраны права на жизнь? Сразу после рождения или спустя 7 суток? Как ни цинично это звучит, но напрашивается аналогия условной сделки с жизнью. Причем эта сделка – с отлагательным условием. Из курса гражданского права известно, что в ряде случаев при заключении сделки бывает затруднительно достаточно определенно установить возможность возникновения прав и обязанностей. В подобных случаях прибегают к заключению условной сделки [45, стр. 209].

Терминологические неточности, полиномные значения вышеуказанных дефиниций выходят за границы исключительно теоретических проблем и вносят существенные сложности в процесс квалификации преступлений связанных с определением критериев начала человеческой жизни.

Наше правовое поле далеко от идеала, некоторые известные правоведы, в частности, Ю.А. Тихомиров воплощает идею формирования коллизионного права [102; 103]. Попытка применять в коллизионных отношениях право того или иного иностранного государства, механическое перенесение на российскую почву законодательных норм здравоохранительного характера, в частности, рекомендованных Всемирной организацией здравоохранения критериев, порождает серьезные проблемы нормативного отраслевого регулирования. Так, А.Н. Красиков несколько гипертрофирует критерий «живорождения», связывая с ним не только начальную точку отсчета внеутробной жизни, но и момент начала уголовно-правовой ее защиты [58; 59]. Некоторые исследователи подчеркивают: «Умышленное или неосторожное лишение жизни такого живорожденного должно рассматриваться как посягательство на право человека на жизнь» [70, стр. 82].

«В праве гражданском человек является субъектом права только с момента окончания акта родов, но уже и там весьма нередко закон признает лицом и зародыш в утробе. Когда, например, речь идет о правах, приобретаемых им рождением. В сфере права уголовного человек является личностью с момента зачатия, так как с этого момента за ним признается неприкосновенное право на существование и на дальнейшее беспрепятственное развитие. Уничтожение его существа... будет противозаконное убийство. Государство охраняет существование этого плода до восприятия им самостоятельного бытия вне утробы матери, также как охраняет оно его и после родов» [101, стр. 253].

По нашему мнению, законодательная база по этому жизненно важному (в буквальном смысле)

вопросу в РТ не лишена пробелов. Существующая нормативная база искусственного прерывания беременности, по размножению, по проблеме генетических манипуляций в зарубежных странах вплетена в ткань западноевропейского законодательства, разительно отличающегося от нашего законодательства по подходам к вопросу регламентации репродуктивных прав. Критерии Всемирной организации здравоохранения не могут быть искусственно частями перенесены на почву нашего права. В определенных моментах эта законодательная ткань чужеродна таджикскому правовому организму. Примером служит возникшая серьезная коллизия при переходе РТ на принятую в международной практике «Систему болезней ВОЗ X пересмотра»: в ней отсутствует определение «абортуса», живорожденным рассматривается продукт зачатия независимо от срока внутриутробного развития.

Такая коллизия выбивает почву из-под уголовного законодательства -отсутствует четкий критерий объекта уголовно наказуемого деяния при незаконном производстве аборта и убийстве, а в гражданско-правовых отношениях делает легко уязвимым правовую регламентацию медицинских и социальных показаний для прерывания беременности, особенно на поздних сроках, порождает серьезные проблемы в правовом обеспечении активно практикующегося экстракорпорального оплодотворения.

Момент начала уголовно-правовой охраны жизни применительно к составу незаконного производства аборта представляется очень важным. Расширительное толкование, отсутствие четких критериев, отправной точки отсчета метронома человеческой жизни «размывает» классификацию преступного деяния и не позволяет четко отграничить по объекту такие уголовно наказуемые деяния, как убийство (ст. 104 УК РТ) [18], убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 105 УК РТ), причинение смерти по неосторожности (ст. 108 УК РТ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 110 УК РТ), причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью (ст. 118 УК РТ), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 122 УК РТ), неоказание помощи больному (ст. 128 УК РТ), оставление в опасности (ст. 127 УК РТ).

Если отвлечься от состава конкретного уголовно наказуемого деяния, то дело в абсолютно недопустимом положении с законодательством, существующем в настоящее время в Республики Таджикистан. Среди громадного массива законодательных актов нет ни одного, который бы четко позволил определить момент начала жизни и, следовательно, момент возникновения правосубъектности и точку отсчета уголовно-правовой охраны жизни. Этот непреходящий, наиважнейший вопрос решается с помощью ведомственных нормативно-правовых актов, а не в законодательных актах.

В идеале – блок законодательных документов по вопросу происхождения физического лица, как естественным путем, так и путем вмешательства соответствующих специалистов, корректирующих человеческое естество, должен быть концептуально, системно и логически взаимосвязан с имеющейся нормативно-правовой базой уголовного, гражданского и семейного права и не противоречить существующим международным нормам по этим вопросам, одновременно создавая правовую основу научной интеграции по этой теме, жизненно важной для всего человечеств а в целом.

Таким образом, долгое время важнейший вопрос о моменте возникновения права на жизнь эмбриона и/или плода человека уголовно-правовая доктрина решала, основываясь на условных и недостаточно обоснованных критериях.

Говоря о биомедицинских экспериментах, следует отметить, что в них используются не только «лишние» эмбрионы, но и гаметы (половые клетки) человека, живые и мертвые предимплантационные эмбрионы, постимплантационные эмбрионы или живые утробные плоды, находящиеся как вне, так и внутри матки, мертвые эмбрионы и плоды. Эксперименты на эмбрионах являются очень «удобными» для исследователей по двум причинам. Во-первых, человеческие эмбрионы являются живым человеческим организмом. В связи с этим выводы, сделанные в результате опытов на эмбрионах, обладают большей научной достоверностью, по сравнению с результатами экспериментов на животных и мертвых плодах. Во-вторых, постоянное осуществление операций по прерыванию беременности, искусственному оплодотворению обеспечивает постоянное пополнение источника биоматериала. Создавшаяся ситуация привела к тому, что в конце 80-х гг. XX столетия международными организациями начал всерьез обсуждаться вопрос о единственном

призвании эмбриона – быть рожденным в качестве ребенка. В частности, Рекомендация Совета Европы 1046 (1986 г.) [9] об использовании человеческих эмбрионов и утробных плодов для диагностических, терапевтических, научных, промышленных и коммерческих целей в пункте 5 преамбулы указывала на то, что с момента оплодотворения яйцеклетки человеческая жизнь развивается непрерывно и нет возможности отделить первую фазу ее развития (эмбриологическую) от других фаз. Заявлялось, что понятие эмбриологической фазы существует лишь условно. Документ обращал внимание европейских стран на острую необходимость дать определение биологическому статусу эмбриона. При этом подразумевалась узкая трактовка понятия «эмбрион». В частности, указанное требование не распространялось наутробный плод, то есть уже имплантированный и достигший более поздней стадии своего развития. В связи с этим его онтологический статус считается менее спорным, чем статус эмбриона. (Спорные вопросы о его праве на жизнь обсуждаются в рамках законодательства об искусственном аборте). Относительно исследований на эмбрионах и плодах существуют два основных документа, принятых в рамках Совета Европы [91, стр. 71-72]:

- Рекомендация 1046 (1986 г.) [10] по использованию человеческих эмбрионов и утробных плодов для диагностических, терапевтических, научных, индустриальных и коммерческих целей;
- Рекомендация 1100 (1989 г.) [8] по использованию человеческих эмбрионов и утробных плодов в научных исследованиях.

Эти документы гласят, что прогресс в области биологии и медицины сделал рискованным юридическое положение эмбрионов и плодов. Ввиду неясности вопроса о законности экспериментов на эмбрионах и плодах, эти рекомендации требовали срочного регулирования проведения подобных экспериментов национальными властями. Подчеркивалось, что обращение с эмбрионами и плодами во всех случаях должно осуществляться с уважением к их человеческому достоинству. Далее актами предлагалось строго ограничить и урегулировать законом использование эмбрионов и плодов, а также их тканей для диагностических и терапевтических целей. В связи с этим правительствам стран-членов Совета Европы предписывалось либо запретить создание эмбрионов для научных целей, манипуляций и нежелательных отклонений, либо усилить контроль за исследованиями с помощью создания уполномоченных центров или учреждения специальных комитетов. Такие комитеты рассматривались в Рекомендациях в качестве органов, которые должны были консультировать властные структуры по проблемным вопросам биомедицины либо стимулировать и поощрять исследования в этой области. В указанных актах также содержался призыв создать единый международный многодисциплинарный орган для координации национальных мер по урегулированию данной проблемы. В качестве таких мер Рекомендация 1986 г., в частности, предлагала государствам запретить следующие виды деятельности:

- исследования на жизнеспособных эмбрионах;
- эксперименты на живых эмбрионах (жизнеспособных или нежизнеспособных);
- содержание эмбрионов in vitro свыше 14 дней после зачатия (за исключением времени заморозки), а также искусственное сохранение эмбрионов исключительно с тем, чтобы позже использовать его ткани.

В данном акте также обосновывалась необходимость определения степени юридической защиты, предоставляемой человеческому эмбриону с момента его зачатия.

В Таджикистане нет специального законодательства по регулированию экспериментов и исследований на эмбрионах. Однако методы репродуктивной технологии широко внедряются в медицинскую практику. Расширяется использование тканей и органов плодов человека.

Документом, имеющим косвенное отношение к упомянутому вопросу, например, является Положение о порядке проведения патолого-анатомических вскрытий, утвержденное Приказом Минздравмедпрома России от 29 апреля 1994 г. № 82 [12]. Пункт 2 гл. IV гласит: «Абортусы и мертворожденные в сроки беременности до 22 недель и массой менее 500 г вскрываются выборочно в научно-практических целях без оформления свидетельства о перинатальной смерти», то есть данный документ лишь признает возможность осуществления экспериментов на мертворожденных детях и абортусах

(презюмируется, что последние также мертвы, хотя на практике возможно извлечение ребенка живым). Однако в любом случае данное положение относится к плоду, уже имплантированному в матку и находящемуся на позднем этапе развития. Указаний о возможной судьбе так называемых «лишних» эмбрионов, развившихся в результате ЭКО (и не имплантированных в матку), в законодательстве не содержится [100].

Юридической основой исследований на эмбрионах, а также абортов явились положения большинства международно-правовых документов, в частности Всеобщей декларации 1948 г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др. Указанные документы признают наличие достоинства, а значит, и права на жизнь, за уже рожденными людьми. Более того, в соответствии с указанными документами, даже для рожденных людей это право не является абсолютным (предполагаются некоторые изъятия: смертная казнь, необходимая оборона и т. д.).

В то же время в ряде международно-правовых документов закреплена совершенно иная точка зрения на статус нерожденного человеческого существа. Примером документа с совершенно иным пониманием права на жизнь может послужить Американская декларация прав человека 1969 г. [1]. Ст. 4 этой Декларации гласит: «Каждый человек имеет право на уважение его жизни. Это право защищается законом и, как правило, с момента зачатия».

Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. [3] также указывает, что «ребенок, ввиду его физической и умственной неполноценности, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [6] определяет ребенка как «каждое человеческое существо до достижения 19-летнего возраста, если по закону, примененному к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее». В этой связи, если толковать данное положение буквально, Конвенция расширяет понятие «ребенка», а значит, и «человека». В такой трактовке ребенком может считаться не только рожденный ребенок, как это презюмируется в законодательстве большинства государств (в том числе и России), но и не рожденный – находящийся в утробе матери. При этом признание нерожденного ребенка человеческим существом не может быть оспорено ни с медицинской, ни с философской позиций.

Еще одним косвенным подтверждением отношения некоторых законодателей к неродившемуся ребенку как субъекту, имеющему право на жизнь, является указание во многих международно-правовых и национально-правовых документах на то, что смертный приговор не может быть исполнен в отношении беременной женщины.

В связи с анализом международного законодательства о статусе эмбриона необходимо также обратить особое внимание на формулировку права на жизнь Европейской конвенции 1950 г. [4]. Ст. 2 указанного документа гласит: «Право каждого лица на жизнь охраняется законом». Применение этого положения породило много споров. Дело в том, что в течение предварительных обсуждений Конвенции не выяснялось значение терминов «каждый» и «жизнь». Поэтому в случае абортов возникал вопрос о нарушении положений Конвенции. Комиссия, готовившая текст Конвенции, отмечала, что возможная оговорка «Высоких Договаривающихся Сторон», в соответствии с которой разрешается осуществлять аборты даже в целях охраны жизни и здоровья матери, противоречила бы предмету и целям Конвенции. Решения национальных судов, применяющих ст. 2 данной Конвенции, были немногочисленны, чтобы положить конец этой дискуссии. Но, наконец, Конституционный суд Австрии признал, что формулировка ст. 2 Конвенции не распространяется на нерожденного ребенка. Этот прецедент был положен в основу правового регулирования процедуры искусственного прерывания беременности во многих странах.

Проведенное исследование вопроса о статусе эмбриона позволяет сделать вывод о том, что эта проблема на протяжении уже многих веков – нравственная. Эмбриогенез изучается издавна, и многие данные были известны еще Гиппократу и его современникам. За последние десятилетия в медицинской науке и, в частности, в эмбриологии были открыты многие закономерности развития. Однако среди новых открытий нет ничего, что бы могло кардинально изменить отношение общества к человеческому эмбриону. Изменение законодательного регулирования этой проблемы, по нашему мнению, объясняется наличием соответствующей времени концепции сущности

человека, уровнем культуры, ценностями, признаваемыми обществом. В то же время отдельные исследователи высказывались в пользу зависимости нормативной базы по этому вопросу от экономических, демографических, социальных условий. Данная позиция, безусловно, справедлива при той оговорке, что указанная тенденция была характерна в основном последнему периоду развития законодательства о статусе эмбриона (XX в.). При этом надо учитывать, что основанием для этой тенденции послужило учение Ч. Дарвина, которое повлекло как революцию в науке, так и революцию в человеческой психологии, культуре, нравственности [100, стр. 187].

Характерной чертой развитого культурного человеческого общества является тенденция к расширению класса существ, за которыми признается право на жизнь, человеческое достоинство. «Самым верным доказательством того, что некий народ дошел до крайней точки своего падения, будут те времена, когда аборт станет считаться делом обычным и абсолютно приемлемым», – писал сто лет назад итальянский юрист Рафаэль Баллестрини [44, стр. 122].

Нужно отметить, что современное право в этом отношении очень противоречиво. С одной стороны, как в международном, так и в национальных законодательствах расширяется перечень прав человека, увеличивается количество документов, направленных на защиту разнообразных социальных групп населения. С другой стороны, установление юридических критериев какой-либо социальной группы, нуждающейся в особой защите, как правило, сужает фактическое понятие этой категории. Следствием этого является исключение из сферы особой защиты многих людей, реально в ней нуждающихся.

Сейчас во всем мире признаются права за умственно неполноценными людьми. При этом в перечень их прав входит право на уважение человеческого достоинства. В то же время, по законодательству многих стран, эмбрион и уже рожденный, но недоношенный ребенок не имеют права на жизнь и уважение человеческого достоинства.

В целях выяснения юридического статуса человеческого эмбриона необходимо проанализировать соотношение возможных прав эмбриона и признанных прав рожденных людей. Как указывалось, предметом спора, прежде всего, выступает право эмбриона на жизнь. Этому возможному праву нерожденного ребенка противостоят определенные признанные права женщины-матери. В частности, имеются в виду следующие категории:

- право самостоятельно решать вопрос о материнстве (беременность и появление ребенка связано с различными трудностями финансового, психологического и иного порядка);
- право на охрану здоровья (беременность и акт рождения, безусловно, отражаются на здоровье женщины) и жизни (в случае, если беременность представляет непосредственную угрозу жизни женщины).

Первое названное право фактически означает, что женщина сама решает вопрос – дать или не дать жизнь ребенку. Следует отметить, что подобная формулировка возможна, только если жизни как таковой еще нет. Однако в случае наличия беременности жизнь уже есть: плод живет в утробе матери в течение всего срока беременности или умирает и рождается на свет уже мертвым. Именно поэтому в медицинской науке существуют критерии живорождения и мертворождения. Таким образом, право самостоятельно решать вопрос о материнстве на самом деле подразумевает право женщины решать вопрос о лишении или сохранении жизни развивающегося в ней организма.

В данной ситуации важно также учитывать причины, по которым женщина решается на такой шаг. К сожалению, в настоящий момент поводом для прерывания беременности, как правило, выступают факторы, которые с моральной и юридической точки зрения не могут оправдать уничтожение жизни. Например, это может быть незаконченная карьера, отсутствие надлежащих жилищных условий, нежелание себя обременять и некоторые другие факторы. Данные обстоятельства никогда не являлись оправданием убийства любого уже рожденного человека или человека старого и беспомощного. Более того, убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, всегда считалось в уголовном законодательстве совершенным с отягчающим обстоятельством и предусматривало более суровое наказание [100, стр. 190].

В рамках проблемы самостоятельности женщины в вопросах материнства дополнительно необходимо проанализировать еще один аспект.

Дело в том, что общественное сознание часто исходит из ложной презумпции, согласно которой эмбрион – часть тела матери. Однако в медицине давно научно доказано, что, хотя эмбрион тесным образом связан с материнским организмом, питается и дышит только через него, он все-таки является самостоятельным организмом. Его кровь никогда не смешивается с материнской [41, стр. 456]. В связи с этим утверждение о праве собственности матери на эмбрион не может считаться корректным. В данной ситуации речь может идти только о законном представительстве интересов эмбриона.

Таким образом, при сопоставлении значимости интересов эмбриона и матери в первом случае приоритет должен быть отдан интересам эмбриона.

Теперь, в контексте исследуемого аспекта, необходимо обратиться ко второму праву женщины, которое с точки зрения позитивного права стоит выше прав эмбриона. Это право фактически предполагает охрану здоровья женщины «от беременности». Однако, по логике, это состояние является естественным для нее. Одновременно следует отметить, что российский перечень медицинских показаний для прерывания беременности (независимо от срока!) включает в себя много таких болезней, которые не влекут серьезного риска для здоровья [100, стр. 191].

В то же время действительно возможны такие ситуации, когда беременность серьезно угрожает здоровью и даже жизни женщины. В этом случае с юридической точки зрения мать и ребенок находятся в равных положениях. Вследствие этого «конфликт интересов» должен быть решен женщиной самостоятельно без правового вмешательства.

Анализ законодательства, имеющего отношение к моральному и правовому статусу человеческого эмбриона, позволяет сделать также вывод о том, что юридическая позиция в данной области основывалась на медицинской традиции определения жизнеспособности плода, то есть имеется в виду та граница в его внутриутробном развитии, когда он уже в состоянии выжить вне организма матери с учетом возможностей, предоставляемых медицинскими технологиями выхаживания недоношенных.

В нашей стране до начала 90-х гг. XX в. такой границей считались – срок беременности 28 недель и масса тела плода от 1000 г. Когда в 1992 г. акушерская служба Российской Федерации перешла на рекомендованные ВОЗ критерии живорождения и мертворождения, граница жизнеспособности была снижена до 22 недель беременности, показателя массы плода до 500 г. Кроме того, есть документированные случаи выживания детей, родившихся с массой тела в 450, 420, 340 г. [107, стр. 28-29].

Таким образом, граница жизнеспособности является условным показателем. В данной ситуации уместно будет сравнение положения эмбрионов с положением беспомощных коматозных больных. Последние ни одной минуты не могут существовать без подключенных искусственных органов или других медицинских приборов поддержания жизни. Эти люди нежизнеспособны, их сознание не работает (как и у еще не рожденных детей). Тем не менее, законодательство (ст. 57 Закона РТ об охране здоровья населения) защищает их право на жизнь путем запрещения эвтаназии. Из этого можно сделать вывод, что в юридическом отношении жизнеспособность и отсутствие полноценной сознательной деятельности не являются достаточными основаниями для отказа в основополагающих человеческих правах.

В данной связи интересно отметить, что в законодательстве некоторых государств дореволюционного времени (Черногория, Сербия, Швейцарский кантон Шафгаузен) в качестве обязательного условия для осуждения умерщвления родившегося младенца также предусматривалась его жизнеспособность. Однако законодатели осудили такой подход в связи с тем, что: 1) жизнеспособность определяется трудно; 2) минуты и часы, в течение которых будет жить ребенок, могут иметь огромную ценность как для него, так и для его близких. М.Н. Гернет писал: «Человеческая жизнь разделяется на утробную и внеутробную и представляет одинаковую ценность во все ее моменты. Но если женщина смотрит на носимый ею плод, как на кусок мяса, и если законодательства считают возможным видеть в этом основание к смягчению ее ответственности за истребление плода, то аналогичные основания имеются в большинстве случаев при убийстве матерью ее новорожденного ребенка» [43, стр. 237].

Другим более важным аргументом оправдания абортов, манипуляций эмбрионами является нечувствительность плода к боли и отсутствие

развитой психической деятельности. Данную позицию занимают многие медики. Однако последние научные данные утверждают следующее:

- на 18-й день после зачатия у плода возникает сердцебиение;
- на 21-й день у него имеется замкнутая система кровообращения;
- на 40-й день обнаруживаются электрические импульсы головного мозга;
- на 6-7-й неделе плод начинает самостоятельно двигаться, у него сформированы внутренние и внешние органы;
- в 8 недель он начинает сосать палец;
- в 11-12 недель он активно дышит в околоплодных водах. В этот период ребенок так мал, что мог бы стоять на мизинце своего отца, но при этом у него уже можно снять отпечатки пальцев [38, стр. 211-214; 55; 65, стр. 156].

Следует подчеркнуть особую значимость трех из названных фактов: начало сердцебиения и самостоятельного дыхания (в медицине считается, что с утратой именно этих функций человек умирает), а также появление электрической активности мозга (согласно действующему законодательству, смерть мозга человека является достаточным критерием для констатации смерти человека). На основании только этих факторов эмбрион должен быть юридически признан человеком в 11-12 недель своего существования.

Вопреки многим медицинским сведениям законодательство не только не признает в эмбрионе человека, но, наоборот, содержит крайне жестокие по отношению к нему положения. Если обратиться к методическим рекомендациям Минздрава СССР 1988 г. «Обезболивание операции искусственного прерывания беременности» [14, стр. 208], то указания об обезболивании для плода здесь не содержится – в рекомендациях речь идет только о беременной женщине. В то же время даже при проведении биомедицинских экспериментов на животных обезболивание предусматривается [14, стр. 208]. Данная ситуация приводит к ужасающему выводу о том, что человеческий эмбрион в настоящий момент вызывает меньшее сострадание, чем животные.

В отношении психической активности и вовлеченности эмбриона в социальные отношения важно отметить следующее. Большинство сторонников абортов и других манипуляций с эмбрионом используют тезис о его психической неразвитости, пытаясь обосновать то, что последний не является личностью. С этой точки зрения их логика понятна. Однако непоследовательность указанной позиции заключается в том, что она не учитывает одного общеизвестного факта: по-настоящему психическая деятельность развивается у рожденного ребенка только к двум годам.

Некоторые юристы полагают, что эмбрион обладает неповторимостью и целостностью с момента зачатия. Именно с этого момента его следует рассматривать как представителя человеческого рода. Так, значительные силы в конгрессе США добиваются сейчас, по словам А. Миллера, федерального статута, который бы определил начало жизни с момента зачатия [121, p. 253]. Но неясно, каковы могут быть последствия такого решения. Будет ли это означать, что средства контроля над рождаемостью могут быть запрещены? Будут ли введены законы, запрещающие беременным женщинам курить, употреблять алкоголь или совершать что-либо, что может повредить «личности» эмбриона, возможно, нарушая его конституционное право на жизнь? Что произойдет, если беременная женщина попадет в дорожно-транспортное происшествие и в судебном порядке потребует возмещение ущерба? Сможет ли она получить компенсацию от имени эмбриона? Сейчас в большинстве штатов США эта процедура разрешима, если зародыш «ощутим». Но если эмбрион будет признан «человеком», все значительно усложняется [100, стр. 194].

Формулируя предварительные выводы, можно сказать, что аборт, биомедицинские эксперименты, проводимые на эмбрионах, а также искусственное оплодотворение в пробирке (in vitro) представляют посягательство на жизнь и здоровье эмбриона. При этом во многих странах есть определенный интерес в «разрешенности» и распространенности этих технологий. Помимо использования тканей плода для трансплантации, в научных исследованиях, а также при изготовлении медикаментов и косметических препаратов эмбрионы служат источником стволовых эмбриональных клеток (ЭСК). В резолюциях ВОЗ выражалось беспокойство по поводу того, что некоторые женщины беременеют специально для производства фетального материала [53, стр. 63].

При этом аборт по серьезным медицинским показаниям (когда жизни и здоровью матери

угрожает непосредственная опасность) в принципе допустим, так как в данном случае речь идет о равнозначных ценностях – о жизни матери и ребенка. Однако во всех остальных случаях: аборт на ранних стадиях беременности, аборт по социальным показаниям – есть не что иное, как дискриминация человеческих существ по признаку биологического (физиологического) развития или по возрасту [118, стр. 8]. Известные исследователи проблемы аборта также говорят о дискриминации по признаку места жительства (материнская утроба) [107, стр. 42].

Парадоксально, что общество строго осуждает женщин, которые отказались от своих детей, которые тем самым лишили их самого главного для ребенка – материнской ласки, пренебрегли своим долгом – заботиться о своем чаде. Часто объектом осуждения являются женщины, которые курят или употребляют спиртные напитки во время беременности – они сознательно вредят здоровью своих детей, обрекая их на тяжелые болезни. Тем не менее, ситуацию, когда мать убивает свое дитя, лишая его самого главного – жизни, общество считает совершенно нормальной.

Итак, сегодня наше право признает человека с момента его рождения (точнее с момента начала физиологических родов). С этого момента уголовное законодательство рассматривает посягательство на плод как посягательство на человека. Ограничения на манипуляции с эмбрионами, которые предусматриваются в законодательстве многих иностранных государств (например, 14-дневный срок для экспериментов, согласие родителей на распоряжение судьбой «лишних» эмбрионов), в наше нормативно-правовой базе не содержатся.

В ст. 18 ГК РТ [17] сказано, что гражданская правоспособность возникает в момент рождения гражданина. Этот момент рождения определяется в соответствии с данными медицинской науки и подлежит обязательной регистрации в органах записи актов гражданского состояния в соответствии с Законом Республики Таджикистан от 29 апреля 2006 г. «О государственной регистрации актов гражданского состояния» [20]. Данная регистрационная запись имеет удостоверительное значение. Таким образом, никто не наделяет человека, и никто не лишает его правоспособности. Она естественно вытекает из факта его существования. Государство в лице органов ЗАГС всего лишь подтверждает этот факт. Именно эта запись о регистрации является бесспорным доказательством факта рождения человека и возникновения его правоспособности. Моментом, имеющим силу правопорождающего юридического факта, является рождение.

В соответствии с Приказом Минздравмедпрома Российской Федерации от 11 июня 1996 г. № 242 «О перечне социальных показаний и утверждении инструкций по искусственному прерыванию беременности» (зарегистрировано в Минюсте РФ 5 июля 1996 г., регистрационный № 1118) [13] на женщин, прерывающих беременность в сроке 22 недели (угроза прерывания, начавшиеся преждевременные роды) и более, заводится «История родов».

Таким образом, при прерывании беременности на поздних сроках в медицинских документах фиксируется факт родов. Ребенок (плод) в этот период часто уже жизнеспособен. Однако, что должно происходить с жизнеспособными абортусами после их извлечения из тела матери, в законодательстве не сказано*. Учитывая положения уголовного законодательства, акушерская практика идет по пути разрушения (а проще говоря – убийства) плода во время его нахождения в организме матери. Однако бывают случаи, когда по каким-то причинам плод извлекается из тела матери живым. Что в этом случае должно происходить с плодом, в законодательстве не сказано.

Научные данные биологии и медицины свидетельствуют о том, что с момента оплодотворения эмбрион живет и является человеком (в онтологическом смысле). Поскольку эмбрион есть продукт человеческого зачатия, он не может не быть человеком. Установлено также, что эмбрион не может считаться частью тела матери.

На основании этих данных эмбрион должен быть признан человеком, как в моральном, так и в юридическом отношении. Другие критерии определения человека (жизнеспособность вне тела матери, уровень сознательности и др.) не могут считаться объективными в таком жизненно важном вопросе.

Тем не менее, в настоящий момент эмбрион не признается человеком в юридическом отношении в большинстве государств мира.

Такие технологии, как аборт и эксперименты на эмбрионах, посягают на жизнь, здоровье, целостность этого уязвимого человеческого существа. Использование эмбрионов в качестве

материала для медицинских исследований демонстрирует грубое нарушение принципа уважения человеческого достоинства.

Данная ситуация свидетельствует о недостаточной обоснованности и разработанности юридических норм.

В целях устранения указанных недостатков необходимо изменение законодательства, регулирующее искусственное прерывании беременности, искусственное оплодотворение и эксперименты на эмбрионах с позиций, оговоренных выше.

Безусловно, эмбрион отличается от родившегося плода человека не только по биологическому строению, но и интеллектуально и нравственно**. В связи с этим его статус не может приравниваться к статусу уже рожденного человека. Следует также учесть сложность, с формальной точки зрения, ввести в круг субъектов права существо, хоть и объективированное в виде некоей материальной единицы, но, как правило, не имеющее отдельного существования (в случае эмбрионов in vitro ситуация несколько упрощается).

Создание эмбрионов in vitro (в пробирке) – это один из медицинских методов поддержки рождаемости. Медицинская помощь в зарождении жизни охватывает клинические и биологические действия, делающие возможным оплодотворение in virto, трансфер (перенесение) эмбрионов, искусственное оплодотворение и иные средства такого рода, позволяющие добиться эффекта зачатия ненатуральным путем. Заметим, что сама мысль о том, что люди больше не «зачинаются», а «делаются», ставит под сомнение взаимоотношения женщин и мужчин. Стоит ли рисковать, делая вызов Природе? В истории уже предпринимались попытки «покорить» Природу. Казалось бы, история никого и ничему не учит. Однако она жестоко наказывала тех, кто не извлекал уроков из нее.

Сегодня следует констатировать, что правовое обеспечение тех или иных отношений в сфере репродуктивной деятельности оставляет желать лучшего. Право иметь ребенка является основным в системе репродуктивных прав граждан. Субъектами этого права могут быть не только женщина, но и мужчина. Нужно признать в равной мере и его право на доступ к новым методам, в частности к программе суррогатного материнства.

Нам представляется, что если признать внутриутробный плод субъектом права, он также обладает правом на рождение (то есть жизнь вне утробы), и ему безразлично, к каким репродуктивным технологиям прибегнут его родители. Считаем, что в Семейном кодексе следует предусмотреть общие правила установления происхождения детей при применении репродуктивных технологий. По нашему мнению, правовое регулирование отношений, связанных с применением новых репродуктивных технологий, должно осуществляться отдельным законодательным актом, поскольку оно затрагивает основное и важнейшее право человека – право на жизнь.

Правовой статус эмбриона и внутриутробного плода должен рассматриваться с позиции их правосубъектности, что будет способствовать неприемлемости рассмотрения и оценки их как уникального биологического материала для продажи. Говоря о правах утробных плодов, мы, прежде всего, имеем в виду права, связанные с поддержанием жизни, здоровья и их телесной целостности. Сюда также можно отнести права, связанные с действиями или бездействиями других лиц, если эти действия или бездействия затрагивают интересы утробных плодов. В современных международных договорах, конституциях и статутах были сформулированы и закреплены различные права человека: право на жизнь, свободу, неприкосновенность частной собственности и частной жизни, право на труд, гарантированный государством минимальный размер оплаты труда. Кроме того, теоретиками и философами права были проанализированы такие права, как права-требования, неприкосновенные права и права-полномочия [25; 69, стр. 113-116].

Все они могли бы подойти к плодам утробных плодов, за исключением прав-полномочий. В научной литературе, по словам А.В. Ланга, можно встретить теорию, которая проводит различие между актуальными и будущими правами утробного плода. Под актуальными правами, прежде всего, понимаются права, которыми субъект пользуется в настоящее время, под будущими – понимается категория прав, которые будут иметь юридическую силу, только если в будущем произойдет определенное событие, например рождение. В качестве примера можно привести право собственности утробного плода, основанного на нормах наследственного права. Будущие права плода следует отличать

от прав будущих поколений, которые являются непредвиденными правами будущих людей. Будущие люди смогут пользоваться правами в случае их появления на свет. Будущие люди – возможные люди. Утробные же плоды в ряде государств (например, в Чехии, Польше) признаются уже существующими, то есть потенциальными людьми [100, стр. 200].

Важным элементом для анализа прав утробных плодов являются различия в понимании онтологии (греч. on, ontos – сущее, logos – учение) прав, а именно: феноменологические и лингвистические.

Рассматривая феноменологические взгляды на онтологию права, А.В. Ланг исходит из того, что право на что-либо является понятием, которое указывает на явления, существующие независимо от норм, правил, принципов и нормативных систем. Эта точка зрения получила свое развитие в философско-правовой, идеалистической, натуралистической, психологической и социологической версиях. Соответственно право рассматривается как неотъемлемый элемент человеческой природы, как идеальное бытие, не имеющее пространственных и временных параметров, как духовный опыт, как социальное явление.

Натуралистическая, идеалистическая и социологическая концепции прав имеют отношение к правам утробных плодов. Исходя из этих концепций, права предшествуют нормам поведения и открываются разумом или интуицией вне нормативных систем. Право может только провозглашать права индивидов или каких-либо групп, при этом, не создавая этих прав, а принимая статуты или используя другие средства правового регулирования. Психологическая концепция права не имеет отношения к данной проблематике, так как в соответствии с данной концепцией права существуют только в сфере субъективного духовного опыта отдельного индивида, следовательно, дискуссия о правах утробных плодов является бессмысленной в рамках этой концепции [100, стр. 200].

Лингвистические взгляды заключаются в рассмотрении прав в качестве элементов содержания определенного лингвистического выражения. Данная точка зрения предполагает нормоориентированную концепцию права. Права не существуют за пределами норм и нормативных систем, являющихся областью языка и культуры. Права указывают на идеальные отношения между правообладателями и некоторыми частями природной и социальной среды. Этого рода отношения прямо или косвенно определяются нормами и принципами. Нам представляется, что дискуссию о правах нерожденных можно вести с различных позиций. Но следует исходить из того, что вопрос о правах утробного плода и, особенно, о праве на его жизнь фактически является вопросом о его правовом статусе на различных стадиях развития, включая эмбриональный, фетально-плодный и перинатальный периоды онтогенеза человека. Специфической чертой юридических прав в сравнении с другими правами является то, что юридические права не только декларируются, но и имеют юридические гарантии. Необходимо сделать вывод о том, что утробный плод является человеческим существом. Его юридическая защита несколько отличается от защиты человеческих существ, которые квалифицируются в праве как физические лица, однако и человеческий плод in utero должен быть под защитой закона. В силу этого, исходя из гуманистических принципов, предлагается приступить к разработке и принятию юридического статуса о соответствующих правах утробных плодов.

Примечания

* Вообще, как видно из медицинских документов, а также нормативно-правовых актов, регулирующих ведение этих документов, врачи используют следующие термины, относящиеся к человеческому существу, но не всегда к человеку: плод, новорожденный, продукт зачатия, эмбрион, выкидыш, абортус, ребенок, младенец.

** Под термином «эмбрион» понимают оплодотворенную, способную к росту и развитию человеческую яйцеклетку с момента слияния ядер (т. е. через 24 часа после оплодотворения).

Список литературы

1. Американская конвенция о правах человека // Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов. – М., 1990.
2. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (международные документы и аналитические материалы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml
3. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.kodeks.ru/document/1901035
4. Европейская конвенция о защите прав и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.memo.ru/prawo/euro/eucnv.htm
5. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://conventions.coe.int
6. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 45. – Ст. 955.
7. Рекомендации № 14\8 о защите прав человека и достоинства терминально больных и умирающих. Одобрены 25 июня 1999 г. Парламентской ассамблеей Совета Европы // Проблема прав тяжело больных и умирающих в отечественном и зарубежном законодательствах. – М., 2002.
8. Рекомендация 1100 (1989 г.) по использованию человеческих эмбрионов и утробных плодов в научных исследованиях // Ibid. – P. 22-29.
9. Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 16 сентября 1986 г. №R (86) 12 «Комитет министров – государствам-членам относительно мер по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды» // Российская юстиция. – 1997. – № 7.
10. Рекомендация Совета Европы 1046 (1986 г.) по использованию человеческих эмбрионов и утробных плодов для диагностических, терапевтических, научных, индустриальных и коммерческих целей // Ibid. P. 17-22.
11. Приказ Минздрава РФ и постановление Государственного комитета РФ по статистике от 4 декабря 1992 г. «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения» [Электронныц ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70058046/
12. Приказ Минздравмедпрома России от 29 апреля 1994 г. № 82 «О порядке проведения патологоанатомических вскрытий» // Российские вести. – 1994. 15 июня.
13. Приказ Минздравмедпрома Российской Федерации от 11 июня 1996 г. № 242 «О перечне социальных показаний и утверждении инструкций по искусственному прерыванию беременности» (зарегистрировано в Минюсте РФ 5 июля 1996 г., регистрационный № 1118) // Российские вести. – 1996. 18 июля.
14. Методические рекомендации Минздрава СССР 1988 г. «Обезболивание операции искусственного прерывания беременности» // Введение в биоэтику: Учебное пособие / Ред. Б.Г. Юдин. . – М.: Прогресс-Традиция, 1998.
15. Перечень медицинских показаний для прерывания беременности: Утвержден Приказом Министерства здравоохранения РФ от 28 декабря 1993 г. № 302 // Вестник «Медицина для Вас». – 1996. – № 15. Август.
16. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012.
17. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012.
18. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012.
19. Закон Республики Таджикистан от 15 мая 1997 г. «Об охране здоровья населения» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 1997, № 9, ст. 115; 2003, № 4, ст. 149; 2004, № 2, ст. 45; 2005, № 12, ст. 651; 2009, № 5, ст. 339.
20. Закон Республики Таджикистан от 29 апреля 2006 г. «О государственной регистрации актов гражданского состояния» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2006. – № 4.
21. Уголовный кодекс штата Иллинойс США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://katod.com.ua/android-program/smartleges-4-6
22. Уголовный кодекс штата Калифорния США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://california.0pk.ru/viewtopic.php?id=130
23. Авдеева И.М. Расследование преступных абортов. – М., 1970.
24. Акопов В.И., Маслов Е.Н. Право в медицине. – М., 2002.
25. Александров А.И., Кузнецов Э.В. Вызов закону XXI века: Сб. науч. ст. – М.: Граница, 1998.
26. Анатомия человека: Учебник в 3-х тт. – М., 2008.
27. Антипова Н.Д. Этические коллизии вокруг проблемы аборта в рамках различных ценностно-мировоззренческих ориентации // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. – 2005. – № 1.
28. Бабаджанов И.Х. Возникновение правосубъектности человека: некоторые дискуссионные вопросы истории и

современности // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 122-129.
29. Бабаджанов И.Х. Гносеология правовой танатологии (теоретико-правовые аспекты учения о смерти). – Душанбе, 2009.
30. Бабаджанов И.Х. Государственная политика в области охраны права внутриутробного ребенка на жизнь: законодательство России, Республики Таджикистан и других стран // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 40-53.
31. Бабаджанов И.Х. Гражданско-правовые проблемы права на жизнь и здоровье. – Душанбе, 2004.
32. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
33. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 20-26.
34. Бабаджанов И.Х. Право человека на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
35. Бабаджанов И.Х. Правовое регулирование статуса эмбриона человека: светский и религиозный аспекты // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 14-26.
36. Бабаджанов И.Х. Человек и человеческое существо: проблемы общетеоретического и легального определения понятий // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 34-48.
37. Бабаджанов И.Х. Человеческое достоинство и тело человека: некоторые политико-правовые проблемы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 136-154.
38. Балахонов А.В. Преодоление бесплодия. – СПб.: СПбГУ, 1999.
39. Беседкина Н.И. Конституционно-правовая защита прав неродившегося ребенка в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
40. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. – 2004. – № 4.
41. Вилли К. Биолория. – М.: МИР, 1964.
42. Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. – 2004. – № 4.
43. Гернет М. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. – М., 1911.
44. Гиацинтов А.Н. Аборт и его социальные последствия // Церковь и медицина на пороге третьего тысячелетия. – Минск: Изд-во Белорусского экзархата; М.: Новая книга, 1999.
45. Гражданское право. Часть первая / Под ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. – М., 1998.
46. Григорович Е.В. Гражданско-правовая ответственность при использовании искусственных методов репродукции // Юрист. – 1999. – № 10, № 11.
47. Гродзинский М.М. Советское уголовное право. Часть особенная. Т. 2. – М.-Л., 1928.
48. Жижиленко А.А. Преступления против личности. – М.; Л., 1927.
49. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. – М.: Юрид. лит., 1961.
50. Иванюшкин Л.Я. Морально-этические проблемы аборта и контрацепции // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. – 1999. – № 3. – С. 39-42.
51. Игумен Гавриил (Вардаев). Аборт – убийство беззащитных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravoslavye.org.ua/in-dex.php?r_type=article&action=fu]Jinfo&id=5351
52. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.
53. Квачадзе М.О. Вопросы защиты прав человека в современной медицине (международно-правовые и внутригосударственно-правовые аспекты): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Тбилиси, 1999.
54. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. – Екатеринбург, 2000.
55. Коновалова Л.В. Правила и исключения. Дискуссии об этических проблемах аборта // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред. Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УССР, 1998.
56. Коновалова Л.В. Прикладная этика. – М.: ИФРАН, 1998.
57. Красавчикова Л.О. Права и свободы человека и гражданина. – Екатеринбург, 1998.
58. Красиков А.Н. Преступления против личности. – Саратов, 1999.
59. Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata u lege ferenda. – Саратов, 1999.
60. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов, 1996.
61. Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. – М., 2005. – № 3.
62. Кругов Ю.Н. Убийство при смягчающих обстоятельствах по советскому уголовному праву: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1967.
63. Крылова Н.Е. Об уголовно-правовой защите прав человека от общественно опасных нарушений биоэтики // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2003. – № 1.
64. Крылова Н.Е. Ответственность за незаконное производство аборта и необходимость уголовно-правовой защиты

«будущей» жизни // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2002. – № 6.
65. Курило Л. Ф. Право родиться // Человек. – 1995. – № 4.
66. Курило Л.Ф. Некоторые этические вопросы технологии эмбриональных стволовых клеток // Проблемы репродукции. – 2000. – № 3.
67. Курило Л.Ф. Развитие эмбриона человека и некоторые моральные этические проблемы методов вспомогательной репродукции // Проблемы репродукции. – 1998. – № 3.
68. Лаврентьева Т.А. Ответственность за незаконное производство аборта по советскому уголовному праву: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 1974.
69. Лапг А.В. Концепция прав человека и права нерожденных // Александров А.И., Кузнецов Э.В. Вызов закону XXI века: Сб. науч. ст. – М.: Граница, 1998.
70. Лозанович Л.А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. … канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004.
71. Лукичев О.В. Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. – СПб., 2000.
72. Маккьюсик В. Размышления о социальных, юридических и этических аспектах «Геном человека» // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (международные документы и аналитические материалы) / Сост. В.И. Иванов, Б.Г. Юдин. – М.: Медицина, 1998.
73. Малеин Н.С., Малеина М.Н. Закон и охрана здоровья граждан. – М.: Прогресс, 1986.
74. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном мире. – М.: БЕК, 1995.
75. Маленина М.Н. О праве на жизнь // Государство и право. – 1992. – № 12.
76. Материалы «круглого стола» на тему «Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования» (Москва, 30 июня 2000 г.). – М., 2000.
77. Матюшин И.А. и др. Геонтология медико-биологического эксперимента. – М., 1987.
78. Мендельсон Г.А. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву. – М., 1957.
79. Михайлова И.А. Возникновение и прекращение правоспособности физических лиц: новые аспекты // Российский судья. – 2004. – № 10. – С. 21-22.
80. Мокринский С. Преступления против личности. – Харьков, 1928.
81. «Не хотим быть клонами!» Проблемы современной евгеники // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред. Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
82. Нежметдинова Ф.Т., Исланова Н.Н. Право и медицина: биоэтические основы. – Казань: Дом печати, 1998.
83. Никифоров А.С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. – М., 2000.
84. Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2005.
85. Пионтковский А.А., Ромашкин П.С, Чхиквадзе В.М. Курс советского уголовного права: В 6-ти тт. Т. 5. – М.: Наука, 1970.
86. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. – СПб., 2001.
87. Рашковская Ш.С. Преступления против жизни, здоровья, свобод и достоинства личности. – М.: ВЮЗИ, 1959.
88. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб., 2003.
89. Романовский Г.Б. Юридическое определение момента возникновения права на жизнь // Государство и право. – 2007. – № 11. – С. 71-78.
90. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
91. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
92. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.В. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
93. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование) / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
94. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования / Под ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.
95. Силуянова И.В. Клонирование – болевая точка культуры // Православная беседа. – 1998. – № 2.
96. Сиуянова И.В. Биоэтика в России: ценности и законы. – М., 1997.
97. Сиуянова И.В. Искушение клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Пассад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1998.
98. Слюсарев А.А. Биология с общей генетикой. – М.: Медицина, 1978.
99. Спаси и сохрани (Против абортов): Сборник публикаций. – М., 1997 (сборник издан Православным медико-

просветительским центром «Жизнь» // ht-tp.7/www.zavet.ru/abortsb.htm).
100. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и вступ. ст. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
101. Таганцев Н.С. О преступлении против жизни по русскому уголовному праву по Уложению 1866 г. Т. 2. – СПб., 1870-1871.
102. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: Учебное и научно-практическое пособие. – М.: Юринформцентр, 2000.
103. Тихомиров Ю.А. О коллизионном праве // Журнал российского права. – 1997. – № 2.
104. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1990.
105. Уголовный кодекс Испании / Ред. Н.В. Кузнецова, Ф.М. Решетников. – М., 1998.
106. Уголовный кодекс Польши / Ред. А.И. Лукашев, Н.Ф. Кузнецова; Пер. Д.А. Барилович. – СПб., 2001.
107. Уилки Дж., Уилки Б. Аборт. Вопросы и ответы. – М.: МНПП НИИ, 1994.
108. Утевский Б.С. Уголовное право. – М., 1950.
109. Фабрице Г. Учение об изгнании плода и детоубийстве. – СПб., 1906.
110. Фомиченко Т.М. Конституционно-правовые проблемы обеспечения в РФ права на жизнь в свете правовых стандартов Совета Европы: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004.
111. Хазова О.А. Биомедицинская этика: Проблема научного использования человеческого эмбриона и зародышевых тканей // Московский центр гендерных исследований. Материалы «круглых столов» (http://www.gender.ru). – М., 2001.
112. Хазова О.А. Стволовые клетки: Законодательство, исследования и инновации // Международные перспективы сотрудничества. Материалы «круглых столов» (http://www.gender.ru). – М., 2007.
113. Шарапов Р. К вопросу о начале уголовно-правовой охраны жизни человека // Уголовное право. – 2000. – № 1.
114. Шарапов Р. К вопросу о начале уголовно-правовой охраны жизни человека // Уголовное право. – 1999. – № 4.
115. Шаргородский М.Д. Ответственность за преступления против личности. – Л., 1953.
116. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. – М., 1948.
117. Швейцер А. Благовение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992.
118. Шервин У. Международная ситуация в области защиты жизни // Право на жизнь. – М., 1994.
119. Юдин Б.Г. Клонирование человека: предварительные уроки дискуссии // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред. Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
120. Criminal Law and Procedure Handbook of Illinois. Gould Publications, Inc. – 1995. – Specific Offenses. - 5/9-2,1.
121. Miller A. R. Op. cit. – P. 253.
122. West’s California Codes. Penal Code. – 1995. – Pp. 51-953.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО.

МИРЗОЕВ Саломатшо Бозорбоевич,
ассистент кафедры судебного права и прокурорского надзора Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук
E-mail: mirzoeff@gmail.com

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: СОЗДАНИЕ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье исследуется процесс становления, создания и начало деятельности Конституционного суда Республики Таджикистан. Тщательно анализируются моменты, которые характеризуют первый этап становления и развития специализированного судебного конституционного контроля в республике. Изучается Конституция Таджикистана 1994 г. и Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан» 1995 г., которые составили правовую основу для создания суда. Особое внимание обращается на принятые в этот период постановления, их было тринадцать, и определения Конституционного суда.*

Делается вывод о формировании правовых традиций судом на первом этапе его функционирования, которые сыграли большую роль в привидении отдельных норм законодательства в соответствие с Конституцией. В то же время подчеркивается мысль о том, что деятельность суда в этот период была недостаточно активной. Высказываются причины этой слабой активности.

Несмотря на замечания по поводу деятельности суда на первом этапе его функционирования, автор считает, что Конституционный суд все же сыграл важную роль в обеспечении верховенства Конституции и конституционной законности. Решения суда и сформированные им правовые позиции имели большое значение для защиты прав и свобод человека и гражданина, привидения законодательных актов республики в соответствие с конституционными нормами и требованиями международно-правовых актов.

Определенный интерес вызывает внимание автора к дискуссии, которая развернулась в этот период по поводу существующих в мире моделей конституционного контроля. Он тщательно относится к позициям своих соотечественников, изучает публикации российских ученых, юристов других стран. Показывает, как эти положения нашли отражение в дополнениях и изменениях Конституции, Конституционном законе «О Конституционном Суде Республики Таджикистан», других законодательных актах.

Ключевые слова: *конституционный суд; конституционный контроль; конституционный надзор; правовые основы; конституция; конституционный закон; законодательный акт; правовые позиции; постановление; определение; соответствие; судебные органы; судебная система.*

MIRZOEV S.B.

THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: CREATION AND BEGINNING OF THE ACTIVITY

The summary. *The article studies the process of formation, creation and beginning of the activity of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan. The points which characterize the first stage of the formation and development of the specialized judicial constitutional review in the republic are analyzed in detail. The study involves the Constitution of Tajikistan of 1994 and Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan» of 1995 which made the legal foundation for the court creation. A special consideration is given to the decrees which were made in that period of time, there were thirteen of them, and the Constitutional Court rulings.*

The conclusion is made of the formation of legal traditions by the court at the first stage of its functioning which played a big role in bringing specific norms of the law to conformity with the Constitution. At the same time the thought that court activity during this period was insufficiently active is emphasized. The reasons of this weak activity are expressed.

Despite the comments about on activities of the court at the first stage of its functioning the author of the author of article believes that the Constitutional Court after all played an important role in ensuring the supremacy of the Constitution and the constitutional legitimacy. The court decisions and the legal proposition made by it were of great importance for protection of rights and liberties of man and citizen, bringing legislative instruments of the republic to conformity with the constitutional provisions and the requirements of international legal acts.

A certain interest is aroused by the author's attention to the discussion which was developed in this period concerning the models of the constitutional control existing in the world. He carefully refers to the standpoints of his compatriots; studies published papers of Russian scientists, lawyers of other countries. The author shows how these provisions were reflected in the amendments and changes in the Constitution, Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan», other legislative instruments.

Key words: *Constitutional Court; constitutional control; constitutional supervision; legal foundations; Constitution; Constitutional Law; legislative instrument; legal propositions; decree; ruling; conformity; judicial agencies; judicial system.*

Конституционный суд Республики Таджикистан, создание которого было предусмотрено Конституцией Республики Таджикистан 1994 г. [3; 12], был создан в ноябре 1995 г. Хотя правовые основы специализированного конституционного контроля были созданы в 1994 – 1995 гг. [33; 44; 53; 54; 55; 60; 65; 66; 68; 72; 76; 77; 78; 80; 82], фактически деятельность Конституционного суда Республики Таджикистан началась в ноябре 1995 года. В апреле 2000 – апреле 2002 гг. был сформирован второй состав Конституционного суда. Третий состав Конституционного суда был сформирован в 2005 – 2007 гг.

Первый этап становления и развития специализированного судебного конституционного контроля в Республике Таджикистан характеризуется следующими моментами:

Во-первых, на данном этапе создаются необходимые правовые основы для введения в стране специализированного судебного конституционного контроля посредством создания Конституционного суда Республики Таджикистан. Правовую основу для создания Конституционного суда Республики Таджикистан составили Конституция Республики Таджикистан 1994 г. и Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан» 1995 г. [5]. Конституционный суд Республики Таджикистан приступил к своей работе в ноябре 1995 года.

Во-вторых, на данном этапе накапливался первый опыт в сфере специализированного

судебного конституционного контроля в Республике Таджикистан. Параллельно с введением специализированного конституционного контроля возникла потребность в доработке Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан».

В-третьих, начальные годы создания и деятельности Конституционного суда Республики Таджикистан пришелся на период обострения политической обстановки в стране. Конституционный суд Республики Таджикистан приступил к работе в разгар гражданской войны в Таджикистане (1992 – 1997 гг.). Соответственно осложнившаяся политическая и социальная обстановка в стране, нарушение нормальной деятельности властных структур, законности и правопорядка, разгул преступности, углубление правового нигилизма не могли не сказаться на нормальном функционировании Конституционного суда Республики Таджикистан.

Лишь к концу 1997 г., в условиях заключения и поэтапной реализации Соглашения о мире и национальном согласии были созданы нормальные условия для успешной деятельности Конституционного суда Республики Таджикистан. Соответственно была начата работа по совершенствованию Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан».

Созданный Конституционный суд Республики Таджикистан сразу же приступил к своей работе посредством проверки конституционности ряда законов Парламента. В этот период были приняты следующие постановления Конституционного суда Республики Таджикистан:

1. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 26 марта 1996 г. по делу «О соответствии Конституции Республики Таджикистан Указа Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан от 14 ноября 1993 г. № 34 «О приостановлении действия статей 6, 28, 48, 49, 53, 85, 90, 92, 97, 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан», утвержденного Законом Республики Таджикистан от 28 декабря 1993 г. № 944 «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты», в части обжалования в суд ареста или продления срока содержания под стражей и судебной проверки обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» [23].

2. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 23 мая 1996 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ст. 226 Кодекса законов о труде Республики Таджикистан» [21].

3. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 8 апреля 1997 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан частей 2 и 3 ст. 23 Закона Республики Таджикистан «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 1994 года и ч. 2 и 3 ст. 26 Закона Республики Таджикистан «О выборах депутатов в местные Маджлисы народных депутатов» от 1 декабря 1994 г. [29].

4. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 27 мая 1997 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ст. 32 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» об окончательности решений Конституционного суда» [24].

5. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 16 октября 2001 года по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ч. 1 ст. 303 и ч. 1 ст. 337 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан» [19].

6. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 12 июня 2001 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ч. 5 ст. 329 и ч. 2 ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан [16].

7. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 23 ноября 2004 г. по делу «Об определении соответствия частей 1 и 2 ст. 192 и ч. 1 ст. 323 Гражданского кодекса Республики Таджикистан ч. 2 ст. 1, частям 1 и 2 ст. 5, ч. 1 ст. 10, ч. 2 ст. 12, частям 1 и 2 ст. 14, ч. 1 ст. 17, ч. 3 ст. 18, ст. 19, ч. 1 ст. 32 и ст. 36 Конституции Республики Таджикистан» [22].

8. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 30 ноября 2004 г. по делу «Об определении соответствия пункта 2 ст. 13 Уголовного кодекса Республики Таджикистан частям 1 и 3 ст. 10, статьям 14, 20 и 84 Конституции Республики Таджикистан» [27].

9. Постановление Конституционного

суда Республики Таджикистан от 20 января 2005 г. по делу «Об определении соответствия ст. 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 17, 19 и ч. 2 ст. 88 Конституции Республики Таджикистан» [20].

10. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 12 мая 2006 г. по делу «Об определении соответствия статей 4 и 41 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 12, 17, 19, 93 и 95 Конституции Республики Таджикистан» [17].

11. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 8 июня 2006 г. по делу «Об определении соответствия статей 341 и 342 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан ч. 1 ст. 17, ч. 1. ст. 19, ч. 2 ст. 88 Конституции Республики Таджикистан» [30].

12. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 8 мая 2007 г. по делу о ходатайстве граждан Фатхиддиновой Х.У. и Икболшоева Н. «Об определении соответствия ч. 1 ст. 220 и ст. 221 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, а также п. 24 Постановления Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 16 декабря 2004 года «О судебной практике по применению судами законодательства при рассмотрении споров, связанных с признанием договоров купли-продажи жилого дома (квартиры) недействительными» статьям 5, 10, 14, 21, 22, ч. 2 ст. 32 и ст. 36 Конституции Республики Таджикистан» [31].

13. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 12 декабря 2007 г. по делу о ходатайстве гражданина Рахмонова М. «Об определении соответствия п. 2 ч. 1 ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан ч. 1 ст. 10, ч. 1 ст. 17, ст. 19, ч. 2 ст. 88 Конституции Республики Таджикистан» [18].

Были приняты также определения Конституционного суда о прекращении конституционного судопроизводства и об отказе в возбуждении конституционного судопроизводства.

В восьми случаях постановлениями Конституционного суда Республики Таджикистан соответствующие нормы Уголовно-процессуального кодекса, Гражданского процессуального кодекса, Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан, часть ст. 32 Конституционного закона «О Конституционном суде», ч. 2 ст. 26 Закона «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан», ч. 2 ст. 26 Закона «О выборах депутатов в местные Маджлисы народных депутатов», ст. 226 Кодекса законов о труде Республики Таджикистан были признаны несоответствующими Конституции Республики Таджикистан и утратили силу. Остальными постановлениями Конституционного суда нормы законодательства республики были признаны соответствующими Конституции Республики Таджикистан.

Таким образом, на первом этапе Конституционный суд Республики Таджикистан сформулировал правовые позиции, сыгравшие большую роль в приведении отдельных норм законодательства в соответствие с Конституцией. На первом этапе правовые позиции Конституционного суда, особенно в отношении отмены неконституционных норм были сформулированы в период, когда в Таджикистане происходило существенное обновление законодательства на фоне действия старых кодексов иных законодательных актов. Этим можно объяснить отмену неконституционных норм законодательства республики.

В то же время деятельность Конституционного суда республики на первом этапе была не активной. Так, за 1995 – 2007 гг. были приняты всего 13 постановлений Конституционного суда. В 1998, 1999, 2000, 2002 и 2003 гг. Конституционным судом не было принято ни одного постановления по существу. В этом сказалось в большей мере отсутствие опыта работы, особенно в начальные годы. Этим также можно объяснить неоднозначную интерпретацию норм Конституции в отдельных постановлениях Конституционного суда. Так, в Постановлении Конституционного суда от 27 мая 1997 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ст. 32 Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан» об окончательности решений Конституционного суда» разъясняя ст. 89 Конституции сформулировано следующее правоположение: «в статье 89 Конституции Республики Таджикистан слово «окончательный» относится только к постановлениям Конституционного суда, а к другим актам – заключениям и определениям – не относится» [25,

стр. 307]. Конституционный суд, интерпретируя статью 47 Конституционного закона «О Конституционном суде» (в прежней редакции), где речь шла о формах актов Конституционного суда, установил, что «Конституционный суд принимает решения в виде постановлений, заключений и определений, которые в совокупности являются постановлением суда и в соответствие с Конституцией являются обязательными» [25, стр. 308].

Одновременно Конституционный суд, пытаясь определить соотношение заключений Конституционного суда и комиссии Парламента, выносимых по поводу освобождения Президента от должности в случае совершения им государственной измены, сформулировал следующее положение: «… окончательное решение Конституционного суда не означает его преимущество перед заключением специальной комиссии Маджлиси Оли». Помимо того в данном Постановлении было установлено, что «Конституционный суд Республики Таджикистан в системе органов судебной власти находится на первом месте» [25, стр. 308-309].

Однако ни Конституция, ни Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде» не ставят Конституционный суд на первое место в судебной системе. Конституционный суд занимает автономное положение в судебной системе, не связан организационно и иным образом с иными судебными органами.

Следует отметить, что в отечественной литературе середины 1997 гг. была начата дискуссия по поводу процедуры дачи заключения Конституционного суда по факту государственной измены Президента. Причиной дискуссии послужило то, что в соответствии со ст. 39 Регламента совместных заседаний Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 27 апреля 2000 г. (с изменениями от 1 мая 2005 г.) создаваемая Парламентом специальная комиссия вправе принять или отклонить заключение Конституционного суда Республики Таджикистан. В связи данным обстоятельством в литературе прозвучало мнение о том, что нормы указанного выше Регламента «являются неконституционными и подлежат немедленной отмене», поскольку противоречат «ч. 4 ст. 89 Конституции Республики Таджикистан 1994 г., которая гласит, что акты Конституционного суда являются окончательными, … следовательно, постановления, заключения и даже определения Конституционного суда являются в равной мере обязательными к исполнению» [74, стр. 74].

В начальные годы функционирования Конституционного суда неоднозначную реакцию отечественных авторов вызвали также акты Конституционного суда и порядок их оформления. Так, в ряде случаев по вопросам, не относящимся к конституционному судопроизводству, Конституционным судом принимались постановления. Ими был в частности, постановления Конституционного суда об избрании секретаря Конституционного суда, об утверждении регламента данного органа и др. Хотя ч. 4 ст. 47 Конституционного закона «О Конституционном законе» предусматривала, что иные акты Конституционного суда принимаются в форме протокольного или отдельного определения. Звучали также предложения о признании посланий Конституционного суда Парламенту республики о состоянии конституционной законности актами Конституционного суда [74, стр. 78-79]. Изложенные факты свидетельствует о том, что в начальные годы в деятельности Конституционного суда не был еще накоплен необходимый опыт работы.

Как известно, интерпретационная деятельность является неразрывной частью конституционного контроля, как и иной юридической деятельности. По справедливому замечанию ряда авторов, при «разработке правовых актов не всегда удается достичь легкого и точного стиля, понятного языка, т.е. адекватного использования средств юридической техники. Эти недостатки могут быть устранены посредством интерпретации правового акта» [50, стр. 7]. Однако анализ постановлений Конституционного суда Республики Таджикистан, принятых на первом этапе показал, что лишение Конституционного суда права толкования Конституции сковывало его деятельность, негативно сказывалось на эффективности его постановлений, мешало формулированию правовых позиций. Ввиду этого Конституционный суд республики нередко в своих постановлениях указывал, что по причине отсутствия у него необходимого полномочия не может официально толковать соответствующие конституционные нормы. Так, Конституционный суд в своем Постановлении от 12 мая

2006 г. по делу «Об определении соответствия статей 4 и 41 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 12, 17, 19, 93 и 95 Конституции Республики Таджикистан» установил следующее: «Так как Конституционный суд не имеет права толкования, поэтому он воздерживается от дачи разъяснений о полномочности или не полномочности прокурора для предъявления исков в интересах фирм и коммерческих организаций. В соответствии со ст. 71 Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» [4] в случае обнаружения неясностей и разного понимания нормативных правовых актов, противоречивой практики их применения, орган, принявший соответствующий акт, дает необходимое толкование его норм в специальном официальном акте» [15, стр. 276].

Тем не менее, Конституционный суд Республики Таджикистан, несмотря на то, что был новым политико-юридическим институтом в Таджикистане и не обладал в начальные годы необходимым опытом в сфере специализированного судебного конституционного контроля, все же сыграл большую роль в обеспечении верховенства Конституции и конституционной законности. Постановления Конституционного суда республики и сформулированные им правовые позиции имели большое значение для защиты прав и свобод человека и гражданина, приведения законодательных актов республики в соответствие с конституционными нормами и требованиями международных правовых актов. В ряде постановлений Конституционного суда были сформулированы его правовые позиции по поводу прямого действия конституционных норм о правах и свободах человека, верховенства Конституции в системе нормативных правовых актов, приоритета международных правовых актов перед законами республике. Неоценимой является также заслуга Конституционного суда в корректировке судебной практики.

Первый этап завершился формированием Конституционного суда Республики Таджикистан и накоплением первоначального и необходимого опыта судебного конституционного контроля. В Республике Таджикистан, находящейся в постсоветском правовом пространстве, была ведена европейская модель специализированного конституционного контроля по образу конституционных судов, учрежденных в других государствах-членах СНГ. Конституционный суд Республики Таджикистан учреждается как специализированный орган судебного конституционного контроля в порядке конституционного правосудия с правом отмены неконституционных актов.

На первом этапе функционирования Конституционного суда Республики Таджикистан отечественные авторы не придавали существенного значения анализу сложившихся в мире моделей конституционного контроля. Особенности и различия американской и европейской моделей судебного конституционного контроля, тенденции к формированию смешанных моделей конституционного контроля [34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 46; 47; 48; 49; 51; 52; 56; 57; 58; 59; 62; 63; 64; 67; 69; 70; 71; 72; 73; 81; 83; 84; 85; 86; 87] также не стали предметом специального научного анализа отечественных авторов. В литературе в основном анализировались создание и деятельность Конституционного суда республики. Понятие и особенности специализированного судебного конституционного контроля по европейской модели, который уже был введен в Республике Таджикистан, не привлекали внимание исследователей на первом этапе. В связи с данными обстоятельствами в литературе анализ судебного конституционного контроля осуществлялся без учета особенностей европейской модели. А некоторые авторы высказали идеи в поддержку американской модели судебного конституционного контроля, не учитывая специфику введенной в Таджикистане европейской модели. Этому способствовали в немалой степени и законодательные новеллы, воспринятые в Таджикистане под влиянием правовой глобализации, и почему-то оставшиеся тогда незамеченными. Лишь на втором этапе (после 2008 г.) были скорректированы нормы и положения, относящиеся к деятельности Конституционного суда. Качественные изменения претерпели также научные исследования в республике. Этому в немалой степени способствовали правовая интеграция в рамках СНГ, усилившиеся контакты Конституционного суда Республики Таджикистан с аналогичными органами стран СНГ и Европы, а также накопленный в данный период опыт работы.

Однако на первом этапе выдвинутые в отечественной литературе идеи были неоднозначными. Так, Х.М. Гафуров,

предприняв анализ правовой природы судебного конституционного контроля в Республике Таджикистан, судебный конституционный контроль определяет как «осуществляемую в рамках надлежащей правовой процедуры юрисдикционную деятельность Конституционного суда по обеспечению соответствия нормативных актов, а также действий органов государственной власти Конституции» [45, стр. 77], что характерно в большей мере для американской системе судебного конституционного контроля. Боле того, автор, анализируя соответствующие нормы Конституции Республики Таджикистан приходит к выводу, что «суд любого уровня и вида обязан отказаться от применения закона, который он сочтет неконституционным» [45, стр. 79]. Было высказано также мнение о том, что Конституционный суд Республики Таджикистан не является «монопольным носителем, обладателем полномочий по признанию неконституционными законы и иные правовые акты» [45, стр. 79].

В первые годы принятия Конституции Республики Таджикистан в литературе звучала идея о необходимости усиления в целом судебной власти в сфере контроля за конституционностью актов. Так, Ф. Абдуллаевым в середине 1990-х годов прозвучала мысль о целесообразности нормативного изложения следующего определения понятия судебной власти: «Судебная власть в Республике Таджикистан – это государственная власть, являющаяся гарантом законности в обществе и в целях защиты прав и свобод личности, интересов государства, предприятий, организаций, независимо от форм собственности, законности и справедливости, осуществляет в пределах, предоставленных законом, надзор за правильным применением законов всеми органами государственной власти Республики Таджикистан» [32, стр. 138].

Ф. Абдуллаев выступал за усиление функции судебного надзора в целом, поскольку не только Конституционный суд, но и иные судебные органы на местах были наделены полномочиями «по отмене актов государственной власти в случае их несоответствия закону и ущемления прав и интересов граждан» [32, стр. 138].

Выдвижение такого положения имеет под собой весомую основу. В соответствии с ч. 2 ст. 79 Конституции Республики Таджикистан: «В случае несоответствия Конституции и законам актов представительных органов и их председателя они отменяются вышестоящими органами, самими органами, председателем и судом». В соответствии с ч. 1 ст. 77 Конституции Республики Таджикистан органом местной представительной власти в областях, городах и районах является Маджлис народных депутатов, которым руководит председатель. Таким образом, противоречащие Конституции и законам Республики Таджикистан акты представительных органов и председателя могут быть отменены судом. При этом ч. 2 ст. 79 Конституции не уточняет термин «суд». Можно предположить, что таковым может быть суд в целом. В то же время, учитывая факт закрепления указанной конституционной нормы в главе Конституции под названием «Местная власть», можно предположить, что речь идет о местных судах, действующих в пределах областей, городов и районов. Последнее предположение представляется более весомым. В любом случае неточная формулировка указанной конституционной нормы служит основой для разночтения при его толковании.

Указанная выше конституционная норма, наделяющая суды правом отмены неконституционных, а также незаконных актов местных представительных органов и председателей областей, городов и районов явствует о том, что Конституция Республики Таджикистан правом отмены неконституционных актов наделяет не только Конституционный суд, но и местные суды. В российской литературе ряд авторов, в частности О.В. Брежнев, на основании факта наделения Конституцией Российской Федерации конституционных (уставных) судов субъектов федерации, а также общих и арбитражных судов правом отмены неконституционных актов, высказывает мнение о смешанной модели конституционного контроля [41].

Конституционный закон Республики Таджикистан «О судах Республики Таджикистан» не наделяет Верховный Суд, Высший экономический суд, а также суды Горно-Бадахшанской области, областей, городов и районов правом отмены неконституционных актов. Конституционная норма о праве конституционного контроля судов (ч. 2 ст. 79) не нашли отражение в указанном Конституционном законе. Поэтому конституционный контроль, осуществляемый Конституционным судом республики, является специализированным. Конституционный суд

республики является единственным органом судебной власти, который уполномочен проверять конституционность законов, иных нормативных правовых актов, а также не вступивших в силу международных договоров Республики Таджикистан. Это дает повод утверждать, что в Таджикистане сложилась европейская модель специализированного конституционного контроля на основе создания Конституционного суда. Изложенное в ч. 2 ст. 79 Конституции Республики Таджикистан положение о праве конституционного контроля судов не получило нормативного воплощения в текущем законодательстве республики. Законодатель попросту не отреагировал на конституционную норму. Законодательное воплощение вышеуказанной конституционной нормы и ее последующее осуществление послужило бы основой в пользу смешанной модели судебного конституционного контроля в Республике Таджикистан.

Внесенные на первом этапе изменения в Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан» (1997, 1998, 2000, 2001, 2004, 2006, 2007 гг.) [7] были вызваны изменением и дополнением Конституции республики в 1999 и 2003 гг. Так, в соответствии с Конституцией Республики Таджикистан до внесенных изменений и дополнений максимальный возраст судьи Конституционного суда был определен в 60 лет. Впоследствии он был увеличен в до 65 лет. Соответственно была изменена также аналогичная норма Конституционного закона «О Конституционном суде».

Ряд изменений был связан с расширением полномочий Конституционного суда. Первоначально Конституционный суд республики обладал полномочиями в сфере проверки конституционности нормативных правовых актов, договоров Таджикистана, решения споров о компетенции между органами государственной власти, защиты прав и свобод человека и гражданина, дачи заключения в случае совершения Президентом государственной измены. Конституционный суд Республики Таджикистан, в сравнении с конституционными судами других постсоветских стран, не обладал важными полномочиями в сфере толкования Конституции, защиты Конституции от противоправных действий Президента, Парламента и иных должностных лиц, проверки конституционности выборов и референдумов, организации и деятельности политических партий. Впоследствии некоторые из указанных полномочий Конституционного суда были закреплены за ним в Конституционном законе «О Конституционном суде Республики Таджикистан». Однако право толкования Конституции так и не было закреплено в указанном Конституционном законе.

В результате изменений и дополнений Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан» был продлен срока деятельности судей Конституционного суда с пяти до десяти лет. Кроме того, Конституционный суд республики был лишен права законодательной инициативы. Кстати, проект Конституционного закона «О Конституционном законе Республики Таджикистан» был представлен данным органом в порядке законодательной инициативы. Лишение Конституционного суда права законодательной инициативы произошло не сразу. В ст. 60 Конституции Республики Таджикистан было закреплено право законодательной инициативы Конституционного суда [1]. В результате изменений и дополнений Конституции республики 26 сентября 1999 г. данное право Конституционного суда было ограничено вопросами, относящимися к ведению Конституционного суда [2]. Последовавшие 22 июня 2003 г. изменения и дополнения Конституции лишили Конституционный суд права законодательной инициативы. Ряд авторов сожалели, что Конституционный суд республики был лишен права законодательной инициативы и соответственно участия в законодательной деятельности [75, стр. 4].

Ряд изменений и дополнений Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан» также вызвал неоднозначную реакцию среди отечественных исследователей. Так, указанный Конституционный закон был дополнен статьей 15, в соответствии с которой Конституционный суд осуществляет иные полномочия в сфере принятия Регламента, приостановления полномочий судей Конституционного суда, избирания секретаря Конституционного суда. В связи с этим в литературе было высказано мнение о том, что указанные полномочия Конституционного суда «имеют организационный характер и никак не связаны с осуществлением конституционного судопроизводства» [75, стр. 6].

В то же время имевшие место на данном первом

этапе изменения и дополнения Конституции и Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан», с одной стороны, расширили полномочия Конституционного суда, укрепили его правовой статус. С другой стороны, Конституционный суд был лишен некоторых своих полномочий. Так, Конституционный суд, помимо его права законодательной инициативы, был лишен также иных полномочий. В соответствии с ч. 2 ст. 37 Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Таджикистан» Конституционный суд имел право рассматривать вопросы по своей инициативе. Впоследствии в результате изменений и дополнений указанного Конституционного закона Конституционный суд был лишен данного полномочия.

Деятельность Конституционного суда Республики Таджикистан регламентировалась также Регламентом Конституционного суда, принятым 29 ноября 1995 г. [26]. По словам В.А. Кряжкова и Л.В. Лазарева, Регламент Конституционного суда призван уточнять правила конституционного судопроизводства, а также регулировать внутренние вопросы организации деятельности данного органа [61, стр. 72]. Однако Регламент Конституционного суда Республики Таджикистан «предусматривал полномочия Конституционного суда, не связанные с конституционным судопроизводством» [75, стр. 7]. Тем не менее, Регламент Конституционного суда, включавший 6 глав и 47 статей, регламентировал важные организационные и процессуальные полномочия Конституционного суда.

В 2004 г. был принят новый Регламент Конституционного суда Республики Таджикистан [28]. Действующий регламент Конституционного суда состоит из 5 глав и 45 статей. Он регулирует в соответствующих главах порядок возбуждения конституционного судопроизводства, требования к рассмотрению дел, порядок рассмотрения дел, принятие актов Конституционным судом, рассмотрение других вопросов, отнесенных к его компетенции.

В 1995 – 1996 гг. были приняты также иные акты Конституционного суда, регламентирующие отельные стороны его деятельности. В их числе Инструкция о делопроизводстве в Конституционном суде Республики Таджикистан от 29 ноября 1995 г. [8, стр. 117-150], Положение об аппарате Конституционного суда Республики Таджикистан от 29 ноября 1995 года [8, стр. 142-144], Положение о научно-консультативном совете Конституционного суда Республики Таджикистан [8, стр. 145-150], Постановление Конституционного суда «Об утверждении временного Положения о заработной плате работников аппарата Конституционного суда и награждении судей и работников аппарата Конституционного суда» от 2 января 1996 г.

На данном этапе деятельность Конституционного суда Республики Таджикистан регламентировалась также иными нормативными правовыми актами. В середине 1990-х гг. были приняты также Конституционный закон Республики Таджикистан «О судоустройстве» [13] и Конституционный закон «О статусе судей в Республике Таджикистан» [14]. Позднее, 6 августа 2001 года, принимается Конституционный закон Республики Таджикистан «О судах Республики Таджикистан» [9], отдельные нормы которого непосредственно относятся к Конституционному суду республики. В последующем в связи с конституционной реформой данный Конституционный закон неоднократно – в 2003, 2004, 2006, 2007, 2008, 2010 гг. – подвергается изменениям и дополнениям [10]. Параллельно были изменены и дополнены его нормы, имеющие непосредственное отношение к Конституционному суду республики.

Регламентация отдельных сторон деятельности Конституционного суда в Конституционном законе «О судах Республики Таджикистан» обусловлен тем, что Конституция Республики Таджикистан включает Конституционный суд в судебную систему. Статья 20 данного Конституционного закона включает Конституционный суд вместе с другими судебными органами в судебную систему республики.

При этом Конституционный закон «О судах Республики Таджикистан» содержит нормы, которые дополняют конституционные нормы, регулирующие организацию и деятельность Конституционного суда республики. Так, часть 4 ст. 2 Конституционного закона «О судах Республики Таджикистан» содержит положение о том, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, экономического, административного и уголовного судопроизводства. Эта норма существенно дополняет общую конституционную норму о том, что судебная власть осуществляется Конституционным судом и иными судебными

органами, перечисленными в ч. 2 ст. 84 Конституции.

В ч. 4 ст. 9 Конституционного закона «О судах Республики Таджикистан» содержится положение о том, что судья Конституционного суда не может быть привлечен к уголовной ответственности, заключен под стражу без согласия Маджлиси милли Республики Таджикистан. Нормы данного Конституционного закона о задачах суда, независимости судьи, недопустимости вмешательства в деятельность судьи, обязательности судебных актов, неприкосновенности судьи, обеспечения безопасности судей (статьи 3 – 10) также относятся к судьям Конституционного суда.

Ряд норм указанного Конституционного закона касаются только Конституционного суда. При этом они повторяют конституционные нормы о требованиях, предъявляемых к лицам, избираемым в состав Конституционного суда, о порядке избрания судей Конституционного суда со стороны Маджлиси милли Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 11, ч. 1 ст. 14). Ряд норм конституционных законов «О судах Республики Таджикистан» и «О Конституционном суде Республики Таджикистан», регламентирующие порядок отзыва, отставки судьи и др., повторяют друг друга. Отдельные нормы Конституционного закона «О судах Республики Таджикистан» являются отсылочными на Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан».

Глава вторая Конституционного закона «О судах Республики Таджикистан» под названием «Конституционный суд Республики Таджикистан» содержит единственное положение о том, что Конституционный суд является органом судебной власти по защите Конституции Республики Таджикистан (ст. 21). Конституционный закон «О судах Республики Таджикистан» закрепляет право Верховного Суда на обращение в Конституционный суд для проверки конституционности примененного закона по конкретному делу (ч. 3 ст. 23), полномочие Пленума Верховного Суда о внесении в Конституционный суд представлений о соответствии законов, иных нормативных правовых актов и не вступавших в законную силу договоров Таджикистана Конституции Республики Таджикистан (ч. 3 ст. 27), а также аналогичные полномочия Высшего экономического суда и его Пленума (ст. 46 и 50). Закреплено также полномочие военного суда гарнизона на обращение в Конституционный суд о конституционности примененного закона по конкретному делу (ч. 3 ст. 67). Право суда Горно-Бадахшанской автономной области, областных судов, суда города Душанбе, городских и районных судов, экономического суда Горно-Бадахшанской автономной области, областных экономических судов, экономического суда города Душанбе на обращение в Конституционный суд о конституционности примененного закона в конкретном деле закреплено в ч. 2 ст. 76, ч. 2 ст. 87, ч. 2 ст. 92 указанного Конституционного закона.

Отдельные стороны деятельности Конституционного суда Республики Таджикистан регламентируются в Конституционном законе «О Маджлиси Оли Республики Таджикистан» от 19 апреля 2000 г. [11]. Прямое отношение к деятельности Конституционного суда имеют нормы указанного Конституционного закона о порядке избрания и отзыва судей Конституционного суда, о лишении неприкосновенности Председателя, его заместителя и судей Конституционного суда (п. 2 и з ст. 19), о порядке принятия совместного постановления Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон о лишении неприкосновенности Президента Республики Таджикистан на основании Заключения Конституционного суда (ч. 2 ст. 13).

Отдельные стороны деятельности Конституционного суда были регламентированы указами Президента Республики Таджикистан и Постановления Правительства республики. Так, Указом Президента Республики Таджикистан от 15 мая 1995 г. «Об организационной деятельности Конституционного суда Республики Таджикистан» [6] предусматриваются положения о необходимости направления в Конституционный суд нормативных правовых актов государственных органов, о численности работников аппарата Конституционного суда, расходах на содержание Конституционного суда, материальных условиях функционирования данного органа. Правительством Республики Таджикистан 26 мая 1997 г. принято Постановление «Об утверждении описания и образцов специальной формы одежды и нагрудного знака судей Конституционного суда Республики Таджикистан» [6].

Принятый в 1998 и 2003 гг. Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» предусматривал положение об опубликовании постановлений Конституционного суда в

официальном печатном органе Парламента республики – Ахбори Маджлиси Оли. Причем в соответствии со ст. 57 Закона «О нормативных правовых актах» от 8 декабря 2003 г. в Ахбори Маджлиси Оли должны были публиковаться постановления Конституционного закона, дающие толкование актов Маджлиси Оли. В 2009 г. принимается новый Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах», в соответствии с которым во втором разделе Ахбори Маджлиси Оли публикуются постановления Конституционного суда, официально разъясняющие правовые акты совместных заседаний Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон (п. 4 ст. 54).

Указом Президента Республики Таджикистан от 23 июня 2007 г. была утверждена Программа судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан. В ней было предложено расширить полномочия Конституционного суда в сфере дачи заключения по проектам изменений и дополнений в Конституцию, а также по проектам законов и другим вопросам, выносимых на всенародный референдум. В дальнейшем были внесены изменения и дополнения в Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан», закрепившие указанные выше полномочия.

Список литературы

1. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 1995.
2. Конституция Республики Таджикистан. С изменениями и дополнениями, внесенными 26 сентября 1999 года. – Душанбе, 1999.
3. Конституция Республики Таджикистан. Принята 6 ноября 1994 года на всенародном референдуме. С изменениями и дополнениями, внесенными на всенародном референдуме 26 сентября 1999 г. и 22 июня 2003 г. – Душанбе, 2003.
4. Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. №506 «О нормативных правовых актах» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 3. – Ст. 99.
5. Закон Республики Таджикистан от 3 ноября 1995 г. № 84 «О Конституционном суде Республики Таджикистан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5872
6. Указ Президента Республики Таджикистан от 15 мая 1995 г. «Об организационной деятельности Конституционного суда Республики Таджикистан» // Сборник нормативных правовых актов и решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе, 2002.
7. Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» (1997, 1998, 2000, 2001, 2004, 2006, 2007 гг.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1997. – № 9. – Ст. 110; 1998. № 10. Ст. 111, 115; 2000. № 6. Ст. 349; 2001. № 4. Ст. 200; 2004. № 2. Ст. 43; 2006. № 3. Ст. 142; 2007. № 7. Ст. 650.
8. Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан». – Душанбе, 1996.
9. Конституционный закон Республики Таджикистан от 6 августа 2001 г. «О судах Республики Таджикистан» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2001. – № 7. – Ст. 490.
10. Конституционный закон Республики Таджикистан 6 августа 2001 г. «О судах Республики Таджикистан» (в ред. 2003, 2004, 2006, 2007, 2008, 2010 гг.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2003. – № 12. – Ст. 685; 2004. № 5. Ст. 347; 2006. № 3. Ст. 143; 2007. № 7. Ст. 651; 2008. № 3. Ст. 181; № 6. Ст. 443; № 12. Ст. 982; 2010. № 1. Ст. 1; № 12. Ст. 799.
11. Конституционный закон Республики Таджикистан от 19 апреля 2000 г. «О Маджлиси Оли Республики Таджикистан» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2000. – № 4. – Ст. 108.
12. Конституционный закон Республики Таджикистан от 20 июля 1994 г. «О конституционной реформе в Республике Таджикистан, порядке принятия и введения в действие Конституции Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан» // Ахбори ШУрои Олии Чумхурии Точикпстон. – 1994. – № 13. – Ст. 194.
13. Конституционный закон Республики Таджикистан от 3 ноября 1995 г. «О судоустройстве» // Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1995. – № 21. – Ст. 225; 1997. № 23-24. Ст. 356; 1998. № 23-24. Ст. 334; 2000. № 6. Ст. 352.
14. Конституционный закон Республики Таджикистан от 3 ноября 1995 г. «О статусе судей в Республике Таджикистан» // Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1995. – № 21. – Ст. 231; 2000. № 6.

Ст. 353.
15. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 12 мая 2006 г. по делу «Об определении соответствия статей 4 и 41 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 12, 17, 19, 93 и 95 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
16. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 12 июня 2001 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ч. 5 ст. 329 и ч. 2 ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
17. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 12 мая 2006 г. по делу «Об определении соответствия статей 4 и 41 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 12, 17, 19, 93 и 95 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
18. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 12 декабря 2007 г. по делу о ходатайстве гражданина Рахмонова М. «Об определении соответствия п. 2 ч. 1 ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан ч. 1 ст. 10, ч. 1 ст. 17, ст. 19, ч. 2 ст. 88 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
19. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 16 октября 2001 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ч. 1 ст. 303 и ч. 1 ст. 337 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
20. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 20 января 2005 г. по делу «Об определении соответствия ст. 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 17, 19 и ч. 2 ст. 88 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
21. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 23 мая 1996 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ст. 226 Кодекса законов о труде Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
22. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 23 ноября 2004 г. по делу «Об определении соответствия частей 1 и 2 ст. 192 и ч. 1 ст. 323 Гражданского кодекса Республики Таджикистан ч. 2 ст. 1, частям 1 и 2 ст. 5, ч. 1 ст. 10, ч. 2 ст. 12, частям 1 и 2 ст. 14, ч. 1 ст. 17, ч. 3 ст. 18, ст. 19, ч. 1 ст. 32 и ст. 36 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
23. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 26 марта 1996 г по делу «О соответствии Конституции Республики Таджикистан Указа Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан от 14 ноября 1993 года № 134 «О приостановлении действия статей 6, 28, 48, 49, 53, 85, 90, 92, 97, 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан», утвержденного Законом Республики Таджикистан от 28 декабря 1993 № 944 «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты», в части обжалования в суд ареста или продления срока содержания под стражей и судебной проверки обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
24. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 27 мая 1997 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ст. 32 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» об окончательности решений Конституционного суда» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
25. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 27 мая 1997 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан ст. 32 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
26. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 29 ноября 1995 г. «О Регламенте Конституционного суда // Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан». – Душанбе, 1996.
27. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 30 ноября 2004 г. по делу «Об определении соответствия пункта 2 ст. 13 Уголовного кодекса Республики Таджикистан частям 1 и 3 ст. 10, статьям 14, 20 и 84 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.

28. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 4 апреля 2004 г. «Об утверждении Регламента Конституционного суда Республики Таджикистан» // Делопроизводство Конституционного суда Республики Таджикистан за 2004 г. – Душанбе, 2005.
29. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 8 апреля 1997 г. по делу «Об определении соответствия Конституции Республики Таджикистан частей 2 и 3 ст. 23 Закона Республики Таджикистан «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 1994 года и ч. 2 и 3 ст. 26 Закона Республики Таджикистан «О выборах депутатов в местные Маджлисы народных депутатов» от 1 декабря 1994 г. // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
30. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 8 июня 2006 г. по делу «Об определении соответствия статей 341 и 342 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан ч. 1 ст. 17, ч. 1. ст. 19, ч. 2 ст. 88 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
31. Постановление Конституционного суда Республики Таджикистан от 8 мая 2007 года по делу о ходатайстве граждан Фатхиддиновой Х.У. и Икболшоева Н. «Об определении соответствия ч. 1 ст. 220 и ст. 221 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, а также п. 24 Постановления Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 16 декабря 2004 года «О судебной практике по применению судами законодательства при рассмотрении споров, связанных с признанием договоров купли-продажи жилого дома (квартиры) недействительными» статьям 5, 10, 14, 21, 22, ч. 2 ст. 32 и ст. 36 Конституции Республики Таджикистан» // Сборник решений Конституционного суда Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
32. Абдуллаев Ф. К вопросу о судебной власти // Государство и право. – Душанбе, 1996. – № 1.
33. Алиев З. Государственная независимость Республики Таджикистан: предпосылки провозглашения // Государство и право. – Душанбе, 1996. – № 1.
34. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Конституционный контроль в странах Латинской Америки: процедура ампаро как основная процессуальная форма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 55-57.
35. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Органы федеральной судебной власти Мексиканских Соединенных Штатов: юрисдикция по разрешению коллизий конституционно-правового характера // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 27-31.
36. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Система судебного и квазисудебного конституционного контроля в Европе (континентальная модель): некоторые вопросы становления и развития // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 35-39.
37. Арутюнян Г. Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). Ереван: Изд-во Центра конституционного права Республики Армения, 2011.
38. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Казань, 2004.
39. Боботов С.В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ). – М., 1994.
40. Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. – М., 1997.
41. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2006.
42. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991 – 2001 гг.): Очерки теории и практики. – М., 2001.
43. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2011.
44. Гафуров Х.М. К вопросу о порядке формирования структуры Конституционного суда Республики Таджикистан // Государство и право. – Душанбе, 2004. – № 2.
45. Гафуров Х.М. К вопросу о правовой природе судебного конституционного контроля в Республике Таджикистан // Государство и право. – Душанбе, 2004. – № 1.
46. Гуценко К.Ф. Судебная система США и ее классовая сущность. – М.: Госюриздат, 1961.
47. Дадонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
48. Евдокимов В.Б. Конституционное судопроизводство в США. – Екатеринбург, 1996.
49. Жидков О.А. Верховный суд США: право и политика. – М., 1985.
50. Жимиров В.Н., Сальников В.П., Вележев С.И. Интерпретация правовых текстов: структурно-функциональный анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 2 (22).
51. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
52. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
53. Имомов А. Конституция как юридическое и социально-политическое явление // Государство и право. – Душанбе,

2008. – № 4.
54. Имомов А. Роль Конституции в создании национального государства таджиков (на тадж. яз.). – Душанбе, 2011.
55. Имомов А.И. Толкование Конституции и законов // Джунбиш. – 1998. 2 февр. – № 4.
56. Интервью Председателя Конституционного Суда Республики Армения Г.Г. Арутюняна Евразийскому юридическому журналу // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26).
57. Клеандров М. Совершенствование конституционного правосудия в Российской Федерации; новый этап // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). – Ереван: Изд-во Центра конституционного права Республики Армения, 2011.
58. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. – М., 2004.
59. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. В.В. Еремяна. – М.: Международные отношения, 2007.
60. Конституционный суд Республики Таджикистан: становление и деятельность / Под ред. З.М. Алиева. – Душанбе, 2005.
61. Кряжков В.А., Лазарев Г.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: БЕК, 1998.
62. Ломцева М.Л. Российская и американская системы конституционного судебного контроля: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
63. Маклаков В.В. Верховный Суд США: дело W. Marburi v J. Madicon // Конституции зарубежных государств. – М., 1996.
64. Медушевский А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы // Конституционное правосудие в постсоветских странах: Сб. докл. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999.
65. Мирзоев С.Б. Зарождение идей конституционного контроля в Таджикистане // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 32-38.
66. Мирзоев С.Б. Историко-правовые предпосылки развития конституционного надзора и контроля в России и Таджикистане // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 59-70.
67. Мирзоев С.Б. Конституционный контроль: некоторые современные модели // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 22-29.
68. Мирзоев С.Б. Становление и развитие специализированного судебного конституционного контроля в Республике Таджикистан (1995 – 2008 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 31-38.
69. Несмеянов С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
70. Никифорова М.А. Проблемы конституционного права в практике Верховного суда США // Практика буржуазного конституционализма. Критические очерки. – М., 1982.
71. Овсепян Ж.И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. – Ростов-на-Дону: Литера-Д, 1992.
72. Пулбере Д. Соблюдение прав человека и контроль конституционности законов в общем и на примере Республик Молдова // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). – Ереван: Изд-во Центра конституционного права Республики Армения, 2011.
73. Сафьян М. Роль конституционных судов в процессе создания конституционного права // Конституционное правосудие на рубеже веков. Материалы международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (1 – 2 ноября 2001 г., г. Москва). – М., 2002.
74. Холиков К.Н. Виды актов Конституционного суда Республики Таджикистан и их классификация // Государство и право. – Душанбе, 2006. – № 3.
75. Холиков К.Н. Законодательство Республики Таджикистан в сфере компетенции Конституционного суда // Государство и право. – Душанбе, 2006. – № 2.
76. Холиков К.Н. Конституционный суд в Республике Таджикистан: статус, организация, деятельность. – М., 2009.
77. Холиков К.Н. Конституция Республики Таджикистан 1994 года и образование Конституционного суда // Государство и право. – Душанбе, 2004. – № 4.
78. Холиков К.Н. Состав, порядок избрания и структура Конституционного суда Республики Таджикистан // Государство и право. – Душанбе, 2001. – № 1.
79. Холиков К.Н. Становление и развитие института конституционного надзора в Таджикистане. – Душанбе, 1998.
80. Холиков К.Н., Якубова С.Н. Маджлиси Оли и Конституционный суд Республики Таджикистан: правовое положение и их взаимодействие // Государство и право. – Душанбе, 2004. – № 2. – С. 8-16.
81. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
82. Шодиев И.Р. Развитие судебной системы Таджикистана после приобретения независимости: история,

современность и перспективы // Государство и право. – Душанбе, 2007. – № 2.
83. Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. – М., 1998.
84. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. – М., 1995.
85. Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции. – М., 1991.
86. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
87. Юдин Б.А., Шульженко Ю.Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве (сравнительно-правовое исследование). – М., 2000.

ХАБИБУЛИНА Алена Аликовна,
кандидат экономических наук
E-mail: aakhabibulina@yandex.ru

Специальность 12.00.14 – Административное право; административный процесс

АКТУАЛЬНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФСБ РОССИИ С ИНЫМИ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *Автором рассмотрены теоретические и практические основы взаимодействия ФСБ России с иными федеральными органами исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности. Обоснована актуальность административно-правового регулирования взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по противодействию криминальным угрозам финансовой безопасности. Предложены меры по совершенствованию совместной деятельности ФСБ России, МВД России, ФНС России, ФСФМ России и других органов по обеспечению финансовой безопасности, как составной части национальной безопасности государства.*

Ключевые слова: *административно-правовое регулирование; финансовая безопасность России; взаимодействие; федеральные органы исполнительной власти; угрозы финансовой безопасности.*

KHABIBULINA A.A.

THE RELEVANCE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION FOR INTERACTION OF THE FEDERAL SECURITY SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH OTHER FEDERAL EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE SPHERE OF ENSURING THE FINANCIAL SECURITY

The summary. *The author considers the theoretical and practical foundations for interaction of the Federal Security Service of the Russian Federation with other Federal Executive Authorities in the sphere of ensuring the financial security. The relevance of administrative and legal regulation for interaction of Federal Executive Authorities to combat criminal threats to the financial security is justified. The measures aimed at improving the joint activities of the Federal Security Service of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Federal Tax Service of the Russian Federation, the Federal Financial Monitoring Service of the Russian Federation and other bodies for ensuring the financial security as a component of the national security of the State are proposed.*

Key words: *administrative and legal regulation; financial security of Russia; interaction; Federal Executive Authorities; threats to financial security.*

В современных условиях негативное влияние на социально-экономическую сферу оказывают последствия мирового финансового кризиса, так как сохраняется высокий уровень криминализации и коррупционной пораженности ключевых сфер бюджетной и кредитно-банковской отраслей.

Сегодня системный подход исследования правоохранительного механизма противодействия экономическим преступлениям в целях обеспечения финансовой безопасности предпринимаются А.Г. Хабибулиным [17; 18; 19], А.Е. Городецким [3; 5; 6], А.Т. Алиевым [2], С.Б. Вепревым [4], Р.В.

Илюхиной [7], Р.Ф. Исмагиловым [8; 9], Н.П. Купрещенко [12; 13], С.Г. Мещеряковым [14], А.В. Молчановым [15] и др. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в своих трудах раскрывают В.Н. Ушаков и И.Л. Трунов [16].

Вместе с тем, необходимо отметить, что еще не достаточно полно исследованы вопросы административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России и иных органов исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности государства.

В России существуют несколько органов власти участвующие в обеспечении финансовой безопасности страны, в том числе ФСБ России и МВД России. Данными органами пресекается деятельность межрегиональной организованной группы, осуществившей хищение миллионов рублей путем оформления на подставных физических лиц кредитов. Возбуждаются уголовные дела в отношении организаций, мошенническим путем привлекающих денежные средства граждан под различные «высокодоходные проекты», в результате их противоправной деятельности причиняется ущерб тысячам граждан на сумму нескольких миллиардов рублей.

Кроме того, увеличивается число выявленных фактов легализации доходов, полученных преступным путем. Пресекается деятельность организованных групп, занимающихся незаконным обналичиванием денежных средств, их конвертацией и выводом за рубеж. Так, в 2009 г. органами внутренних дел раскрыто 8,4 тысяч таких преступлений.

Комплекс мер государственного контроля был направлен на предотвращение и выявление преступлений, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств.

В числе первоочередных задач стоит защита от криминально-коррупционных угроз финансовых средств, выделяемых на реализацию приоритетных национальных проектов, крупных инвестиционных и федеральных целевых программ.

Также ФСБ России и МВД России осуществляется комплекс мероприятий, направленный на защиту бюджетных средств, выделенных на организацию и проведение саммита АТЭС-2012 во Владивостоке, 37-й Всемирной летней универсиады в Казани, 22-ых Олимпийских и 11-ых Паралимпийских зимних игр 2014 г. в Сочи.

Вместе с тем, на практике остается открытым вопрос эффективного взаимодействия данных органов в области обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации, в особенности это касается правового регулирования отмеченной сферы.

При этом необходимо отметить, что административно-правовое регулирование обеспечения финансовой безопасности России является эффективным средством в деле защиты экономических интересов государства, создания условий устойчивого, надежного функционирования финансовой системы страны, предотвращающее возникновение финансового кризиса, дефолта, деструкцию финансовых потоков, сбои в обеспечении основных участников экономической деятельности финансовыми ресурсами, нарушение стабильности денежного обращения.

В соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [1], основными направлениями обеспечения безопасности в повышении уровня защищенности российских граждан, общества и государства, определяющими приоритеты в сфере обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации, являются: снижение уровня организованной преступности, коррупции и наркомании; противодействие преступным формированиям в легализации собственной экономической основы; достижение социально-политической стабильности и положительной динамики развития Российской Федерации, устойчивость финансово-банковской системы.

Исходя из выявленных особенностей и специфики исследуемого феномена криминальных финансов, а также с учетом обратного действия государственной власти на экономическое развитие троякого рода (положительного, отрицательного и смешанного), можно заключить, что одним из основных направлений организации адекватного противодействия криминальным денежным отношениям является совершенствование взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при обеспечении финансовой безопасности Российской Федерации и, прежде всего, взаимодействия Генпрокуратуры России, Следственного комитета Российской

Федерации, МВД России, ФСБ России, ФСКН России, ФТС России, Следственного комитета Российской Федерации, Росфинмониторинга, ФНС России, ФАС России и Банка России.

На основе обобщения практики противодействия криминальным угрозам финансовой безопасности Российской Федерации и руководящих документов, принятых федеральными органами власти, следует определить следующие основные направления межведомственного взаимодействия в рассматриваемой сфере деятельности:

- организация в рамках компетенции заинтересованных федеральных органов власти регулярного обмена информацией по всем вопросам, отнесенным к сфере противодействия криминальным угрозам финансовой безопасности Российской Федерации;
- планирование, организация и проведение совместных мероприятий по проверке коммерческих и некоммерческих организаций, предприятий в целях выявления, предупреждения и пресечения антиконкурентных действий, нарушений антимонопольного законодательства, законодательства о естественных монополиях и законодательства о рекламе;
- осуществление взаимных консультаций по вопросам, входящим в компетенцию каждого федерального органа власти, проведение совместных рабочих встреч и тематических семинаров в целях выработки предложений по совершенствованию взаимодействия;
- издание межведомственных организационно-распорядительных актов, разработка методических рекомендаций;
- формирование и внесение необходимых изменений в состав межведомственных рабочих групп по координации действий и оперативному решению текущих вопросов, связанных с обеспечением финансовой безопасности Российской Федерации;
- организация взаимодействия органов власти по субъектам Федерации;
- выработка согласованной позиции по вопросам, возникающим в сфере организации противодействия криминальным угрозам финансовой безопасности Российской Федерации;
- подготовка согласованных предложений, направленных на повышение эффективности борьбы с преступлениями и иными правонарушениями в сфере экономики;
- организация сбора и анализа информации о состоянии законности в рассматриваемых сферах отношений определяет тенденции в динамике и структуре правонарушений в экономической сфере и вопросы, требующие решения;
- подготовка предложений по внесению изменений в действующее законодательство о банках и банковской деятельности, налоговое, бюджетное и иное законодательство в целях недопущения финансирования терроризма, наркобизнеса, коррупции, иной преступной деятельности, незаконного вывода финансовых средств за пределы Российской Федерации, легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и т. д.;
- разработка рекомендаций по вопросам совершенствования банковского надзора и регулирования деятельности органов, уполномоченных на осуществление государственного контроля движения финансовых потоков, исполнения бюджетного, налогового законодательства, законодательства о противодействии коррупции и др.;
- согласование действия правоохранительных органов, федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов контроля и надзора, а также Банка России при исполнении принимаемых государственными органами решений;
- подготовка рекомендаций федеральным органам исполнительной власти, органам власти субъектов Федерации, органам контроля и надзора, Банку России по вопросам противодействия правонарушениям в сфере экономики, в том числе по вопросам планирования, выработки критериев определения банковских и иных финансовых операций, вызывающих сомнения в законности;
- выработка в необходимых случаях рекомендаций и предложений Делегациям федеральных органов исполнительной власти на международных переговорах и

российским представителям в международных организациях по проблемам, связанным с противодействием преступлениям и иным правонарушениям в сфере экономики, в том числе незаконным перемещением финансовых средств через государственную границу Российской Федерации и т. д.

Важными факторами обеспечения финансовой безопасности страны также являются организация и осуществление борьбы с организованной преступностью экономической направленности, противодействие процессам развития, укрупнения и объединения организованных преступных групп и превращения их в преступные сообщества (преступные организации) с использованием уголовно - правовых и иных мер. Организация этой работы основана на отработке оперативной информации о подготовке и реализации различных финансовых, налоговых и экономических правонарушений, хищений, мошенничества, незаконного предпринимательства, незаконного возмещения налога на добавленную стоимость, преднамеренного банкротства финансово-кредитных организаций и иных предприятий, отмывания (легализации) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, хищения и нецелевого использования бюджетных (государственных) средств, вывода средств из-под государственного контроля и налогообложения, других преступлений финансово-экономической и коррупционной направленности.

Несмотря на полученные результаты в рамках научных исследований регулирования взаимодействия ФСБ России и иных органов исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности государства, требуется дальнейшая разработка предложений и рекомендаций, направленных на повышение уровня финансовой безопасности России на основе совершенствования административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России и других государственных органов. Поэтому первоочередными задачами для регулятора являются:

- определение основ финансовой безопасности государства как объекта административно-правового регулирования;
- характеристика административно-правового механизма регулирования обеспечения финансовой безопасности страны;
- анализ административно-правового статуса ФСБ России и иных органов исполнительной власти как участников обеспечения финансовой безопасности государства;
- разработка предложения по совершенствованию российского законодательства в области административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России и иных органов исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности государства.

Решение выше обозначенных задач вносят существенный вклад в развитие теории административного права. Конкретные предложения, полученные в процессе деятельности правоохранительных органов, позволят оценить угрозы финансовой безопасности, обосновать направления развития и совершенствования правового регулирования обеспечения финансовой безопасности России. Разработанные автором рекомендации представляют практический интерес с точки зрения использования экономических и финансовых регуляторов, инструментов контроля при разработке новой и совершенствовании существующей нормативно-правовой базы в области обеспечения финансовой безопасности России.

Исходя из приоритетов обеспечения национальной безопасности, определенных в Стратегии 2020, можно констатировать, что основное содержание обеспечения финансовой безопасности страны состоит в поддержании правовых и институциональных финансовых механизмов, а также финансовых возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам Российской Федерации.

Выработка эффективных мер организации противодействия криминальным угрозам финансовой безопасности России, основу которых образуют криминальные финансы как масштабный феномен, затрагивающий все стороны национальной экономики, и создания на этой основе необходимых предпосылок для устойчивого обеспечения финансовой безопасности страны должна осуществляться, прежде всего, на основе установления взаимосвязи, роли и места криминальных денежных отношений в общей системе экономических отношений, устанавливаемых в процессе производства, распределения и перераспределения материальных благ [11].

Выявленные объективные закономерности взаимосвязи криминальных финансов с экономикой и правом, их роль и место в общей системе экономических отношений, устанавливаемых в процессе производства, распределения и перераспределения материальных благ в стране, а также установленные новые тенденции развития криминальной обстановки в финансовой сфере, появившиеся за последние годы, свидетельствуют о необходимости выработки эффективных управленческих решений по внесению изменений в организацию работы на данном направлении оперативно-служебной деятельности всех заинтересованных органов государственной власти различных уровней.

Исходя из особенностей и специфики рассматриваемого феномена – криминальных финансов, а также с учетом обратного действия государственной власти на экономическое развитие троякого рода, можно заключить, что одним из основных направлений повышения эффективности противодействия криминальным денежным отношениям по поводу распределения стоимости валового внутреннего продукта, доходов от внешнеэкономической деятельности и части национального богатства, в результате которого формируются денежные доходы, поступления и накопления у отдельных субъектов хозяйствования, полученные преступным путем и используемые в дальнейшем для решения экономических и иных, в том числе криминальных задач, безусловно, является совершенствование взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при обеспечении финансовой безопасности Российской Федерации [10, стр. 15].

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – 2009. – № 88.
2. Алиев А.Т. Финансы, денежное обращение и кредит: Учебно-методический комплекс по дисциплине. – М.: АСОУ, 2011.
3. Блинов Н.М., Городецкий А.Е. Экономическая безопасность и политика реформ. – М., 1996.
4. Вепрев С.Б. Теоретические основы экономической безопасности, институты и механизмы ее обеспечения. – М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2006.
5. Городецкий А.Е. Финансовая безопасность населения // Региональная экономика. – 2003. – № 1.
6. Городецкий А.Е., Хоминич И.И. Экономическая безопасность: новые вызовы и угрозы в условиях глобализации // Вестник Академии налоговой полиции: Вып. 3. – М.: АНП ФСНП России, 2003.
7. Илюхина Р.В., Осипенкова О.А. Анализ и диагностика финансового состояния предприятия: Монография. – М., 2006.
8. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1997.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
10. Клещенко Ю.Г., Савченко М.М. Финансовый контроль как один из факторов обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. – 2009. – № 5.
11. Комплексный план совместных мероприятий МВД России, ФСБ России, ФСКН России, Минобороны России, Минюста России, ФТС России, Росфинмониторинга и Генеральной прокуратуры Российской Федерации по борьбе с преступлениями в экономической сфере на 2008-2010 годы, № 1/3305 от 22 января 2008 г. – М., 2008.
12. Купрещенко Н.П. Региональные аспекты экономической безопасности // Вестник Академии налоговой полиции: Вып. 2. – М.: Академия налоговой полиции ФСНП России, 2001.
13. Купрещенко Н.П. Экономическая безопасность: словарь понятий и терминов. – М., 2007.
14. Мещеряков С. «Грязные» деньги преступных сообществ // Финансовый контроль. – 2005. – № 11 (48).
15. Молчанов А.В. Коммерческий банк современной России: теория и практика. – М.: Финансы и статистика, 2002.
16. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности РФ: Научное пособие / Под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова.–М.: Эксмо, 2006.
17. Хабибулин А.Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 103-109.
18. Хабибуллин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2.
19. Хабибуллин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М., 2008.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

БОНДАРЕНКО Владислав Владимирович,
доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук
E-mail: vladbond77@gmail.com

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕРВИТУТА КАК ИНСТИТУТА ВЕЩНОГО ПРАВА

Аннотация. *Статья посвящена анализу особенностей правового регулирования сервитутных правоотношений. Специфика правового регулирования сервитутных правоотношений такова, что нормативного регулирования сервитутов в том виде, в котором оно отражено в действующем ГК РФ, недостаточно, главным образом, вследствие отсутствия определения содержания сервитутов, хотя их содержание, как вещных прав, должно исчерпывающим образом определяться законом, а содержание каждого сервитута должно быть раскрыто в ГК РФ.*

Ключевые слова: *вещное право; ограниченные вещные права; сервитут; соглашение о сервитуте; положительные и отрицательные сервитуты; сервитуарий; узуфрукт; узуфруктуарий; право вещной выдачи.*

BONDARENKO V.V.

DEVELOPMENT PROSPECTS OF EASEMENT AS AN INSTITUTE OF RIGHT TO THING

The summary. *The article is concerned with the analysis of law regulation peculiarities of easement legal relations. The specific feature of easement legal relations is such that the legal regulation of easements in the form which is reflected in the current Civil Code of the Russian Federation is insufficient, mainly due to the lack of easements content definition, although their content as the rights of things should be exhaustingly defined by law and the content of each easement should be disclosed by RF Civil Code.*

Key words: *right of thing; restriction of the right of thing; easement; easement agreement; positive and negative easements; easementary; usufruct; usufructuary; right of proprietary granting.*

Активное развитие экономических отношений и складывающаяся правоприменительная практика диктуют то обстоятельство, что к настоящему времени назрела необходимость внесения в ГК РФ ряда изменений системного характера. Среди списка предложенных изменений фигурирует и изменение норм правового регулирования сервитутных отношений

Так, по мнению создателей концепции развития гражданского законодательства (далее концепция) [1], нормативного регулирования сервитутов в том виде, в котором оно отражено в действующем ГК РФ недостаточно, главным образом, вследствие отсутствия определения содержания сервитутов, хотя их содержание как вещных прав должно исчерпывающим образом определяться законом, а содержание каждого сервитута должно быть раскрыто в ГК РФ. Планируется закрепление в ГК РФ перечня возможных сервитутов, состоящего из:

- сервитутов перемещения или доступа на чужой участок для прохода, проезда, прогона скота, перевозки груза и т. п.;
- коммунальных сервитутов;
- строительных сервитутов – для строительства с использованием чужого здания или чужого земельного участка;
- сервитутов для пользования участком недр;
- сервитутов мелиорации.

В качестве общего положения. разработчики концепции, предлагают внести в Гражданский кодекс деление сервитутов на положительные и отрицательные, По общему правилу, сервитут состоит в обязании собственника служащей вещи пассивно претерпевать воздействие на его вещь со стороны сервитуария, и только в случаях. прямо предусмотренных законом, в силу сервитута может предполагаться совершение активных действий собственником служащей вещи.

Согласно положениям концепции сервитут обязан быть объективно обусловлен, может осуществляться только наиболее экономичным способом и не должен полностью или в значительной мере лишать собственника служащей вещи правомочия пользования. Пользование господствующей вещью по ее назначению должно представляться невозможным без того, чтобы допустить ограниченное пользование чужой вещью. При этом пользование чужой вещью должно приносить новое качество господствующей вещи, которое отсутствовало в ней без сервитута.

Также, согласно концепции, следует установить, что сервитут не может быть отчужден отдельно от права собственности на господствующую вещь. Сервитут может существовать только в отношении недвижимой вещи и только в пользу недвижимой вещи, причем недвижимые вещи должны быть таковыми по своей природе, а не в силу закона. Сервитут признается концепцией бессрочным, но не вечным – он существует только вплоть до отпадения оснований его установления. Поскольку ни один, ни даже несколько сервитутов не могут исчерпать обременяемое право собственности, постольку могут существовать несколько сервитутов, обременяющих служащую вещь, в том числе относящихся к разным господствующим вещам. Несколько сервитутов могут быть как одного, так и разных видов, а соотношение нескольких сервитутов на одну вещь определяется принципом старшинства.

По общему правилу, сервитут устанавливается соглашением сторон, заключаемым в письменной форме. Если стороны не могут прийти к соглашению об установлении сервитута, сервитут может быть установлен по решению суда, которое в этом случае заменяет соглашение. Помимо этого предполагается возможность установления и прекращения сервитутов в силу давности. Возникновение и прекращение сервитутов подлежит государственной регистрации в Едином государственном реестре прав.

Помимо этого, глава 7 Концепции содержит нормы о необходимости введения в действующее законодательство понятия Узуфрукта (право личного пользовладения), обосновывая это тем, что в законе уже установлены отдельные права, близкие по своему содержанию к узуфрукту, например, права членов семьи собственника или права отказополучателя. Однако их содержание, по мнению авторов концепции, не раскрыто, а вид вещного права не определен. Далее следует определение узуфрукта как ограниченного вещного права личного характера, в силу которого лицо владеет и пользуется вещью в соответствии с ее назначением, и его разделение на две разновидности: обычное и социальное (семейное) право личного пользовладения. Установление социального узуфрукта допускается, когда правомочия владения и пользования вещью узуфруктуарий осуществляет совместно с собственником данной вещи в силу наличия между ними семейных отношений. Данное выделение связано с обеспечением некоторых социально-значимых (прежде всего, жилищных) интересов лиц, имеющих право на получение содержания от собственника: супруга, несовершеннолетних детей, престарелых родителей, нетрудоспособных иждивенцев и т. п.

На основании и во исполнение Указа Президента Российской Федерации от

18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» в соответствии с разработанной на основании того же Указа Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации Советом, при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства был подготовлен проект изменений в разделы I, II, III, VI, VII Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - проект ГК РФ).

Глава 20.2 проекта ГК РФ содержит более детальное регулирование отношений, связанных с сервитутами, чем в действующем Гражданском и Земельном законодательстве. В частности, в этой главе указывается, что сервитут может быть установлен между собственниками господствующей и служащей вещи. В то же время в соответствии с п. 6 ст. 301 проекта ГК РФ установления сервитута вправе требовать также обладатели вещных прав, имеющие правомочия пользования и владения служащей и (или) господствующей вещью. Действующая редакция Гражданского кодекса РФ не предусматривает закрытого перечня конкретных видов сервитутов, тогда как в проекте ГК РФ содержится запрет на создание новых видов сервитутов с перечислением всех возможных.

Согласно п. 4 ст. 301.1 проекта ГК РФ в соглашении или судебном решении, предусматривающем установление сервитута, должны быть указаны следующие условия:

- вид сервитута;
- условия его осуществления (место в границах служащей вещи и время, периодичность);
- порядок внесения и размер платы за сервитут.

Особо оговаривается, что соглашение о сервитуте должно быть составлено в форме единого документа, подписанного сторонами. Несоблюдение данного требования должно влечь за собой недействительность договора об установлении сервитута. По общему правилу сервитуты должны быть возмездными. Безвозмездные сервитуты возможны, однако проект ГК РФ подчеркивает, что к ним не могут относиться сервитуты, которые установлены для осуществления предпринимательской деятельности.

Статья 301.2 проекта ГК РФ определяет широкий диапазон свободы в определении платы за сервитут. Размер платы, предусмотренный в соглашении об установлении сервитута или в соответствующем судебном решении, должен указываться в записи ЕГРП. Плата за сервитут может иметь денежное или иное выражение, может быть как единовременной, так и осуществляемой в виде периодических платежей. В отношении платы за сервитут в виде твердых сумм, выплачиваемых периодически, проект ГК РФ разрешает пересмотр размера каждые пять лет с учетом изменения цен и уровня инфляции, если отсутствует соглашение сторон.

Действующий Гражданский кодекс РФ не допускает существования срочных вещных прав, но проект ГК РФ не считает это невозможным, хотя сервитут в проекте ГК РФ по общему правилу признается бессрочным, если иное не предусмотрено Кодексом (п. 1 ст. 221, п. 3 ст. 301 проекта ГК РФ). Как и иные вещные права, сервитут обременяет чужую вещь (служащий земельный участок), улучшая потребительские качества другой вещи (господствующего участка). Это обстоятельство является основным возражением против срочного характера сервитута, так как срочность присуща обязательственным отношениям. В некоторых зарубежных правопорядках срочный характер присущ личным сервитутам (см. положение касающиеся регулированию личного сервитута в ГГУ), которых нет в проекте ГК РФ. Однако фактическое введение ограниченного вещного права с определенным сроком действия и будет означать установление личного сервитута. Здесь уместно отметить, что в немецком правопорядке личный сервитут не может передаваться и наследоваться, в то время, как в проекте ГК РФ этих ограничений нет. Таким образом, можно сделать вывод о том, что проектом ГК РФ планируется ввести правовую конструкцию, иную, чем личный сервитут в немецком праве.

Следует также отметить, что Проект ГК РФ во многих нормах прямо или косвенно указывает на недопустимость такой правовой конструкции, как публичный сервитут, предусмотренный в ст. 23 ЗК РФ. К примеру, в п. 2 ст. 301 проекта ГК РФ говорится, что сервитут не может быть установлен для неопределенного круга лиц. Согласно п.п. 1, 6 ст. 301 проекта ГК РФ сервитут может быть установлен только в интересах собственника господствующего участка (соответствующего

здания, строения и т.п.) или иного обладателя вещного права на объект недвижимости. Таким образом, в случае принятия проекта ГК РФ и отсутствия внесений соответствующих изменений в положения Земельного кодекса о сервитутах, может возникнуть коллизия между упомянутыми нормами. Из проекта ГК РФ в принципе неясно, каково соотношение приведенных в нем положений о сервитутах с положениями, содержащимися в Земельном Водном и Лесном кодексах РФ, а также в ряде федеральных законов. Представляется весьма логичным, что после введения предполагаемых проектом ГК РФ изменений, указанные нормативные акты будут отредактированы с целью установления единого правового понимания сервитута.

Буквальное толкование нормы п. 5 ст. 301 проекта ГК РФ приводит к выводу о том, что установление другими кодексами и федеральными законами иных видов сервитутов, помимо указанных, не допускается. Однако объем предоставляемых прав по каждому сервитуту может уточняться федеральными законами.

Проект ГК РФ предусматривает оценочные основания установления и прекращения сервитутов, не предписывая соблюдение строгих критериев для возниикновения этих правоотношений. Однако нормы гл. 20.2 проекта ГК РФ дают некоторые ориентиры, позволяющие определить необходимость установления сервитута или же его прекращения. Так, из п. 1 ст. 301 проекта ГК РФ следует, что установление сервитута не должно лишать собственника служащего участка владения, пользования и распоряжения им. В п. 2 ст. 301.1 проекта ГК РФ говорится о том, что осуществление сервитута должно происходить наиболее экономичным способом, позволяющим использовать служащую вещь по назначению и с причинением ей и ее собственнику наименьшего неудобства.

Проект ГК РФ также не допускает возложения на собственника служебной вещи каких-либо положительных обязанностей, выражающихся в совершении действий в пользу управомоченного лица. Следует отметить, что иностранным правопорядкам известны случаи, когда на собственника служебного участка возлагались различные положительные обязательства в отношении собственника господствующей вещи (некоторые виды easements в праве США обязывающие собственника служащей вещи, к примеру, расчищать пути проезда по участку) [2]. Однако данные правовые институты являются отходом от классического римского принципа «servitus in faciendo consistere nequit» (сервитут не может заключаться в обязанности к положительным действиям).

Абзац 2 п. 1 ст. 301 проекта ГК РФ запрещает установление такого сервитута, который затруднит использование служащей вещи настолько, что она утратит свое назначение. Однако толкование этой нормы будет в большой степени зависеть от позиции суда и конкретных обстоятельств дела, что, возможно, не всегда оправданно. Таким образом, данная норма устанавливает «верхнюю границу» оснований для установления сервитута. «Нижнюю» фиксирует положение п. 1 ст. 301 проекта ГК РФ, указывающее, что сервитут необходим, если без него использование господствующего участка невозможно. Суд должен определить, находятся ли отношения соседей по использованию своих объектов недвижимости в неком коридоре, ограниченном невозможностью для каждого из них осуществлять право пользования этими объектами. Такие же оценочные и неопределенные границы оснований («верхняя» и «нижняя») установлены для прекращения сервитута (п.п. 2 и 4 ст. 301.5 Проекта ГК РФ). Нарушение этих границ признается Проектом ГК РФ достаточным основанием для прекращения сервитута (п. п. 2 и 4 ст. 301.5). Проект ГК РФ не указывает, в какой форме должно быть выражено требование лица о прекращении сервитута.

Нормы ст.ст. 301.1 и 301.5 Проекта ГК РФ выделяют сущность сервитута как право пользования чужой вещью, что подчеркивает невозможность существования сервитута, допускающего владение и распоряжение служащей вещью. Сервитут, таким образом, определяется как право на конкретную функцию чужой вещи, а не на саму вещь. В связи с этим становится понятным один из способов (хотя и не универсальный) отделения арендных отношений от отношений сервитутного типа.

Отношения, при которых лицо осуществляет пользование чужой вещью, владея ею, не могут быть основаны на сервитуте. Однако пользование чужой вещью без владения ею может быть основано как на договоре аренды (ст. 606 ГК РФ), так и на сервитуте.

Отсутствие каузальных норм в регулировании

отношений, связанных с сервитутом, не является положительным моментом в регулировании данного вопроса. Многообразие спорных ситуаций, еще не разрешенных в правоприменительной практике, будет способствовать возрастанию количества таких споров, различным образом решаемых судебными органами. Становление единой судебной практики по спорным вопросам, связанным с сервитутами, потребует значительного времени и неминуемо повлечет за собой нестабильность сервитутных правоотношений. Это обстоятельство может заставить участников оборота избегать установления сервитута и использовать, например, ныне широко применяемый договор аренды, несмотря на риски, присущие арендным правоотношениям.

Признание Конституцией РФ и закрепление гражданским и земельным законодательством института частной собственности, включая право собственности на землю, и вовлечение ее в хозяйственный оборот предполагают разработку и такого вещного права как узуфрукт. В крупнейших европейских гражданскоправовых кодификациях, прежде всего во французском и германском Гражданских кодексах, узуфрукт представлен в качестве отдельного вещного права. Проект ГК РФ, следуя положениям Концепции, вводит новое, для отечественного законодательства, понятие узуфрукта. Правом личного пользовладения (узуфруктом) признается предоставленное собственником вещи другому лицу (пользовладельцу) право пользования и владения такой вещью. Пользовладельцем может быть гражданин, а в случаях, установленных ГК РФ, некоммерческая организация. Использование вещи, обремененной узуфруктом, в предпринимательской деятельности не допускается. Также не допускается и его отчуждение. Согласно проекту ГК основным отличием узуфрукта от сервитута, помимо отсутствия в составе сервитута правомочия владения чужой вещью, выражается в обязанности пользовладельца содержать вещь (нести все затраты на ее содержание за свой счет). Так, например, если объектом права личного пользовладения является часть жилого помещения (одна или несколько комнат в квартире или жилом доме), пользовладелец несет бремя содержания обремененного его правом жилого помещения в соразмерной части.

Помимо узуфрукта в ГК РФ предполагается также ввести новый институт – право вещной выдачи. Оно предоставляет его обладателю возможность периодически получать от собственника объекта недвижимости имущественное предоставление в форме товара, денег, работ или услуг в определенном размере, а в случае неполучения такого предоставления – правомочие распорядиться этим объектом недвижимости путем обращения на него взыскания в порядке, предусмотренном для ипотеки. От сервитута право вещных выдач, если оно не выступает как периодические платежи, т. е. выступает как определенные действия обязанного лица, отличается тем, что оно предусматривает действия собственника (обязанного лица), тогда как сервитут означает, лишь воздержание от действий (претерпевание).

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 29 (ч. 1). – Ст. 3482.
2. Kevin Gray, Susan Francis Gray. Land Law / Oxford University Press, USA, 2009.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО.

БАДАЛОВ Шараф Каримович,
ассистент кафедры гражданского права юридического факультета Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук
E-mail: SHARAF-B-K@mail.ru

Специальность 12.00.06 – Природоресурсное право; аграрное право; экологическое право

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы определения источников экологического права. На рубеже XX – XXI веков социально-экологическая обстановка в мире обострилась. Это повлекло за собой усиление внимания к необходимости охраны окружающей среды, к разработке соответствующего экологического мировоззрения и активного изучения проблем экологического права.*

Автор обращается к естественно-правовой и позитивистской теориям права, говорит о праве писаном и неписаном, анализирует труды известных теоретиков права: А.Б. Венгерова, В.П. Казимирчука, В.Д. Зорькина, В.В. Лазарева, В.С. Нерсесянца, В.Н. Протасова и др., представителей экологического, гражданского, иных отраслей права. Он предлагает отказаться от употребления отдельных устоявшихся понятий в теории права и отраслевых науках, что вряд ли вызовет единодушную поддержку.

В завершении статьи предлагается авторская концепция понимания источников экологического права.

Ключевые слова: *социально-экологическая обстановка; охрана окружающей среды; экологической право; источники права; естественное право; юридический позитивизм; форма права; правовой обычай; судебный прецедент; нормативно-правовой договор; нормативно-правовой акт.*

BADALOV SH.K.

THEORETICAL PROBLEMS OF DETERMINING THE SOURCES OF ENVIRONMENTAL LAW IN MODERN JURISPRUDENCE

The summary. *The article deals with the issues of determining the sources of environmental law. At the turn of XX – XXI centuries the social and ecological situation in the world became aggravated. This resulted in the increased attention to the need for environmental protection, to development of the relevant environmental world-view and the active study of the problems of environmental law.*

The author refers to the natural law and positivist theories of law, concerns on written and un-

written law, analyzes the papers of famous theoreticians of law: A.B. Vengerov, V.P. Kazimirchuk, V.D. Zor'kin, V.V. Lazarev, V.S. Nersesyants, V.N. Protasov and others, representatives of environmental, civil, other branches of law. He suggests to abandon the use of certain well-established concepts in the theory of law and branch sciences which is unlikely to cause unanimous support.

In conclusion of the article the author's concept of understanding the sources of environmental law is proposed.

Key words: *social and ecological situation; environmental protection; environmental law; sources of law; natural law; juridical positivism; form of law; legal custom; judical precedent; statutory and regulatory treaty; regulatory legal act.*

Во второй половине XX века человечество в связи с обострившиеся социально-экологической обстановкой в мире начало осознавать необходимость разработки новых концепций, даже нового экологического мировоззрения, частью которого является право [1; 5; 6; 10; 18; 28; 29; 38; 39; 40; 41; 42]. Хотя некоторые нормы в этой сфере существовали издавна, постановка самой задачи охраны окружающей среды отсутствовала. С тех пор экологическое право стало интенсивно развиваться. Только на законодательном уровне были приняты десятки законодательных актов. Экологическое право в форме «экологизированных» норм стало «вторгаться» в другие отрасли права. В результате образовался огромный массив нормативно-правовых актов различного уровня и, естественно, возник вопрос об их соотношении. Вот почему вопрос определения источников экологического права стал таким актуальным.

Понятно, что право как модель поведения в типичной жизненной ситуации, для того чтобы стать регулятором общественных отношений, должно получить официальное внешнее выражение. Приобретая внешнюю форму, государственная воля становится юридической нормой. Именно формальная определенность выделяет нормы права в системе социально-нормативного регулирования. Здесь возникает расхождение между естественным и позитивным правом [7; 8; 9; 19; 20; 21; 25; 26; 30; 31; 34; 36; 37; 43]. И здесь же надо отметить преимущество писаного права, потому что права человека реализуются именно через закрепление в писаном виде. По словам А.Б. Венгерова, «в XX веке по критерию формы права исчезает разница между естественно-правовыми положениями, вытекающими из самого существования человека (его основными правами и свободами), и другими правовыми положениями. Форма становится единой для всех сфер права – объективированное закрепление получают все правила поведения в актах и иных источниках» [13]. Его поддерживают другие исследователи [35, стр. 5].

В.В. Лазарев выделяет источники права в трех значениях. Об источниках права говорят как о факторах, питающих появление и действие права. Таковыми выступают правотворческая деятельность государства, воля господствующего класса (всего народа) и, в конечном счете – материальные условия жизни общества. Например, В.В. Петров употребляет источники [27] права в двух смыслах: материальном и формальном. Он так их определял: «Под источником права в материальном смысле понимается воля народа, выраженная путем опроса, референдума по поводу того или иного документа. … Под источником права в формальном смысле понимаются формы права, в которых содержатся общие правила поведения-номы права» [33, стр. 80].

Об источниках права пишут также в плане познания права и называют соответственно: исторические памятники права, данные археологии, действующие правовые акты, юридическую практику, договоры, судебные речи, труды юристов и др.

Однако есть и более узкий смысл понятия «источник права»: то, чем практика руководствуется в решении юридических дел.

По существу речь идет о внешней форме права, означающей выражение вовне государственной воли.

А.Б. Венгеров пишет, что понятие «источники права» получило широкое распространение в XIX веке, стало предметом исследования в теории государства и права. Ученые выделяли два главных способа образования норм права. Первый

проистекал из решающего участия государства в создании правовой нормы. Но нормы позитивного права, отмечали они, могут возникать и без непосредственного участия законодателя – они складываются в виде обычая и уже, затем утверждаются законодателем. Эти две формы права – закон и правовой обычай – и называли в XIX в. источниками права [13].

Таким образом, под источником права принято понимать форму выражения государственной воли, направленной на признание факта существования права, на его формирование или изменение. Или же: официальные формы выражения и закрепления правовых норм.

В нашем государстве это в основном нормативные правовые акты. Договор как источник права имеет относительно небольшое распространение, обычай почти не имеет места, а прецедент нашей правовой системой пока отвергается.

В настоящее время вопрос о соотношения «форм права» и «источников права» уже преодолен [32, стр. 133]. Некоторые авторы предпочитают первую понятию, другие – вторую. Круг авторов используют и ту и другую. Во всех случаях эти понятия употребляются в одном значении, в специально-правовом. То есть как внешняя форма объективации, выражения права.

Подводя итог этой части, отметим, что надо отказаться от употребления понятие «формы права» из-за его многозначности и во избежание других проблем (таких как внешняя и внутренняя форма права). В то же время надо отказаться от употребления «источников права» в других значениях. Например, рассматривая понятие источников права в материальном смысле, мы отделяемся от сущности проблемы, т. е. от внешней формы выражения норм права. Говоря о материальном смысле источников права, в действительности речь идет об источнике, порождающего права. При характеристике экологической правосознании, причины возникновения определенных норм и т. п. этот ракурс рассмотрения вопроса очень удачен, но при рассмотрении источников экологического права (и источников права вообще) он менее удачен. Таким образом, «источники права» должны употребляться только в специально-правовом смысле, который проф. В.В. Лазарев называет «источники права» в узком смысле. Хотя мы склонны к тому, что в данном случае речь идёт о действительном значении (в официальном смысле) этого термина.

Проф. В.В. Ровный отличает основные (специфические), неосновные (неспецифические) и недопустимые источники права [14, стр. 44]. Далее источники экологического права будут рассматриваться с учетом вышесказанных позиций и теоретических взглядов.

Традиционно в литературе особо не разграничивали понятия «источники права» и «законодательство». Вот почему В.В. Петров определяя понятие источников экологического права, сводил их к нормативно-правовым актам, в которых содержатся правовые нормы, регулирующие экологические отношения [33, стр. 80]. Ю.Е. Винокуров также под источником экологического права понимает экологическое законодательство [44, стр. 36]. Дело в том, что в прежнем правопорядке нормативно-правовые акты считались единственным источником права и, соответственно, незачем было разграничить их.

О.Л. Дубовик различает источники экологического права в узком и в широком смысле. Причем в узком смысле источников экологического права она отождествляет с понятием экологического законодательства. «Обычно в литературе по экологическому праву под его источником понимаются объективированные в документальном виде акты правотворчества, т.е. нормативные правовые акты, содержащие правила поведения, регулирующие отношения человека с окружающей средой. Это понятие источников экологического права (законодательства) в узком смысле. В широком смысле оно охватывает и иные совокупности правовых норм, регулирующих экологически значимое поведение людей» [17, стр. 88].

М.М. Бринчук отмечает, что источником экологического права не может считаться решение компетентного органа, если оно принято по конкретному делу и в отношении конкретных лиц и являются индивидуально-конкретным властным предписанием. Так, решением Конституционного суда РФ ненормативным правовым актом был признан Указ Президента РФ от 25 января 1995 г. «О государственной поддержке структурной перестройки и конверсии атомной промышленности в г. Железногорске Красноярского края» [4]. Уместно отметить, что приведенный пример неудачен. Потому что это решение Конституционного суда РФ, отменяя

Указ Президента РФ, тем самым определяет новое правило поведение. Несомненно, отмена нормы права тоже считается нормотворчеством. Поэтому данное решение включается в число источников экологического права.

Исторически первым источником права явился правовой обычай. В нашей правовой системе роль правового обычая как источника права незначительна. На международном уровне обычное право носит самостоятельный характер. Дело в том, что целый ряд норм и принципов по различным причинам не нашли отражения в международных конвенциях. Здесь можно в качестве примера привести принцип «непричинение серьезного ущерба окружающей среды за пределами национальной юрисдикции», который относится к принципам международного обычного права.

Другой вид источников права – судебный прецедент, который признавался источником права еще в Древнем Риме (в форме преторского права). В последнее время уже не отрицается существования судебного прецедента в форме решения Конституционного Суда. Это почва для дальнейшего признания судебного прецедента в качестве источника права.

Третьим видом источников норм права можно назвать нормативно-правовой договор.

Четвертым (и важнейшим) источником права является нормативно-правовой акт. А.Б.Венгеров обращал внимание на тонкую различию между нормативно-правовой и нормативный акт. «Дело в том, что наряду с нормами права (социальными правилами поведения), которые воплощает, содержит нормативно-правовой акт, существуют и нормы, не имеющие правового (социального) характера и значения, однако они также воплощены, закреплены в письменной и иной документальной форме. Например, в инструкциях, в которых определяются правила обращения с электротехникой, с бытовыми приборами (утюгом, электроплитой и т. д.). Эти акты также являются нормативными, но не правовыми, они содержат технические, но не правовые нормы. Существуют и смешанные акты, например, государственные стандарты. В них, с одной стороны, содержатся определенные технические требования к качеству продукции, с другой – устанавливается, что нарушение этих требований строго запрещается, влечет ответственность по закону» [13]. Это действительно наиболее распространенный в настоящее время вид источника, который содержит нормы (правила поведения), установленные или признанные государством, обеспеченные возможностью государственного принуждения.

Среди них выделяют экологизированные нормативно-правовые акты. Под экологизированными нормативно-правовыми актами понимается «внедрение» эколого-правовых требований в содержание других нормативных правовых актов. Эти акты в основном являются источником права в своих правовых отраслях. Но в той мере, в какой эти акты регулируют вопросы охраны окружающей среды, они служат источниками экологического права. Сюда входят ГК РТ [2], УК РТ [3] и т. д. В связи с таким широким понимании источников экологического права возникает проблемы столкновения отраслей права и вопрос приоритетов.

В качестве источника права может выступать юридическая доктрина. С.А. Боголюбов, указывая на роль доктрины при толковании права и правоприменении, пишет, что основные положения права в романо-германской правовой семье были сформулированы в университетских стенах. Он также утверждает, что с учетом распространения мусульманской религии в ряде субъектов Российской Федерации в области справедливой организации использования природных ресурсов, воспитания надлежащего к ним отношения не следует игнорировать заключения древних и современных толкователей религиозных текстов Корана и Сунны [11].

В.П. Казимирчук в свое время даже обосновал позицию по включению в число источников права правовой идеологии и правосознания [22; 23; 24].

В сфере охране окружающей среды существуют и так называемые «нетрадиционные источники права». На этот феномен обращает внимание Н.Г. Жаворонкова – заведующий кафедрой экологического и аграрного права МГЮА. Она подчеркивает, что появление документов, либо прямо называемых «доктрина», либо схожих с ними по своему характеру, например, Концепция перехода к устойчивому развитию, характеризует новые формы правотворчества [17].

Таким образом, источники экологического права следует понимать в узком и широком смысле. Узкое понимание источников экологического права сопряжено с решением вопросов уровня создания нормативно-правовых

актов, преимущественно содержащих нормы экологического права. Широкое толкование источников экологического права сопряжено с решением вопросов действия и применения экологических правовых норм, в каких бы нормативных правовых актах с точки зрения принятой их классификации, данные нормы ни относились.

Анализируя имевшиеся тенденции развития источников экологического права и различных точки зрения, полностью можно согласиться с О.Л.Дубовиком. Она утверждает, что экологическое право, может быть как никакая другая отрасль, способно к расширению круга источников права. И это связано с глобальным характером экологического права, тенденцией превращения экологического законодательства в некую суперотрасль [15; 16].

Список литературы

1. Декларация по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3 – 14 июня 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
2. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012.
3. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012.
4. Указ Президента РФ от 25 января 1995 г. «О государственной поддержке структурной перестройки и конверсии атомной промышленности в г. Железногорске Красноярского края» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 5. – Ст. 399.
5. Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 2. – Ст. 170.
6. Распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 36. – Ст. 3510.
7. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон в теории юридического позитивизма // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 148-152.
8. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 123-129.
9. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон в современном правоведении // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 127-133.
10. Бабаджанов И.Х., Оль Е.И., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 122-127.
11. Боголюбов С.А. Экологическое право. Учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2001.
12. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды). – М., 1998.
13. Венгеров А.Б. Теория государства и права. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000.
14. Гражданское право: Учебник: В 3-х тт. Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.Б. Байгушева (и др); Под ред. А.П. Сергеева. – М., 2009.
15. Дубовик О.Л. Экологическое право. – М., 2006.
16. Дубовик О.Л. Экологическое право и экологические конфликты // Право и политика. – М.: Nota Bene, 2006. – № 5. – С. 116-136
17. Жаворонкова Н.Г. Доктринальный подход к формированию законодательства в области снижения риска и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций // Правовое регулирование проблем безопасности. – М., 2002.
18. Жевлаков Э.Н. К вопросу об ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 10-13.
19. Жилин Г. Соотношение права и закона // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 8-10.
20. Жуков В.Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX-начала XX вв.: общественно-политическая функция и онтологическая основа // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 99-106.
21. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. – М., 1978.
22. Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. – М., 1965.
23. Казимирчук В.П. Социальное действие права в условиях развитого социализма: Дис. … докт. юрид. наук. – М., 1977.
24. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: Учебник. – М.: Юристъ, 1995.
25. Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 5-11.
26. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Правоведение. – 1992. – № 4.

27. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М., 2000.
28. Лопатин В.Н. Экологическая безопасность: проблемы конституционной законности // Государство и право. – 2004. – № 2.
29. Лю Хунянь. Юридическая ответственность за экологические правонарушения в России и Китае // Гражданин и право. – 2007. – № 1.
30. Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 129-142.
31. Нерсесянц В.С. Право и закон: из истории правовых учений. – М., 1983.
32. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х тт. Т. 2. Теория права / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1998.
33. Петров В.В. Экологическое право России. – М., 1995.
34. Петрова Л.В. Об ответственном и позитивном праве // Государство и право. – 1995. – № 2.
35. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. – М., 1999.
36. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начала XX века: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002.
37. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
38. Состояние и охрана окружающей среды Архангельской области в 2008 году: Сборник. – Архангельск: Комитет по экологии Архангельской области, 2009.
39. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 61-67.
40. Тарайко В.И. Социальная профилактика экологической преступности: вопросы теории и практики // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 126-133.
41. Тарайко В.И. Экологическая безопасность России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
42. Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2011.
43. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. – М., 1988.
44. Экологическое право: Курс лекций и практикум / Под ред. Ю.Е. Винокурова. – М., 2005.

ТАРАЙКО Валерий Иосифович,
старший научный сотрудник Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: grinder87@rambler.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

АРГУМЕНТАЦИЯ ТЕОРИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *В статье исследованы проблемы, посвященные вопросам детерминации и предупреждения экологической преступности, стратегии и тактики борьбы с преступлениями.*

Рассмотрены основанные на результатах проведенного теоретико-методологического исследования и изучения правоприменительной практики методы противодействия и предупреждение преступности.

Автор подчеркивает необходимость регулирования взаимодействия человека и природы с целью предотвращения нанесения ей еще большего ущерба, а также проведения криминологического анализа всего разнообразия окружающей среды и экологизации права.

Ключевые слова: *преступления; экологические преступления; экологизация; экологическая преступность; средства воздействия; борьба с преступностью; природа; окружающая среда.*

TARAYKO V.I.

ARGUMENTATION OF THE ENVIRONMENTAL CRIMES PREVENTION THEORY

The summary. *The article presents a research of the issues concerning the determination and prevention of environmental crime, the strategy and tactics in the struggle against crimes.*

The consideration is given to the techniques of counteraction and crime prevention based on the results of the conducted theoretical and methodological research and the study of law-enforcement practice.

The author emphasizes the need for regulation of interrelationship of man and nature for the purpose of prevention of even greater damage to it as well as carrying out the criminological analysis of the whole diversity of the environment and ecologization of law.

Key words: *crimes; environmental crimes; ecologization; environmental crime; means of influencing; struggle against crime; nature; environment.*

Учитывая весомую роль вопросов противодействия экологической преступности в деле обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, рассмотрение и разрешение проблем предупреждения экологической преступности требует разработки отдельной целостной теории.

О ней уже неоднократно говорили ученые, но не пришли к единому мнению о ее содержании. Так, по мнению Г.Ф. Хохрякова, в ее основу надо положить «самые прочные камни», то есть необходимо отобрать те средства и способы предупреждения, которые, во-первых, внутренне не противоречивы; во-вторых, отличаются от других; в-третьих, имеют длительную историю существования. К ним относятся закон, наказание, система уголовной юстиции в ее действии, некарательные средства воздействия, а также сознание в такой форме проявления, как правовое [22, стр. 445]. При этом, на наш

взгляд, в этот перечень должна быть включена система административного производства и воздействия, выступающая в превентивной роли от дальнейшего нарушения, в том числе уголовного законодательства. Также, говоря о сознании и отношении личности к совершению или совершаемым экологическим преступлениям, важно указывать на нравственно-правовое сознание, ведь данный вид преступлений, их предупреждение, требует проникновения в умы и сердца людей, чтобы сберечь нашу планету для будущих поколений.

Кроме того, при построении и аргументации теории предупреждения экологической преступности, следует помнить, что «любая практическая деятельность, направленная на повышение эффективности средств воздействия на экологическую сферу, на сокращение экологических правонарушений невозможна без проведения систематической и глубокой научной проработки всего комплекса проблем, от решения которых зависит применение неблагоприятных тенденций в данной сфере, без объективного анализа состояния преступности в сфере экологии, изучения достаточно подвижных механизмов ее экономической обусловленности, определения стратегии и тактики использования всех средств и методов предупреждения» [3, стр. 37-40].

Особого внимания в этой сфере заслуживает исследование, проведенное Е.Г. Клетневой, посвященное вопросам детерминации и предупреждения экологической преступности. На его страницах автор выделяет основные принципы построения теории предупреждения экологической преступности:

1. Единство межотраслевого понятийного аппарата (особенно в отношении категорий «преступность», «причины преступности», «предупреждение преступности»).
2. Синтез криминологических и экологических знаний.
3. Преемственность исторического криминологического опыта.
4. Принцип экологического реализма.
5. Соответствие общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения экологической преступности общей концепции устойчивого развития мирового сообщества [6, стр. 123-140].

В отношении их содержания следует остановиться на некоторых аспектах. Так, представляется, что на сегодняшний день, действительно различные отрасли науки, особенно юридической, занимаются «перетягиванием одеяла» и утверждением собственной значимость и за счет введения новой терминологии и наполнения новым содержанием уже имеющихся понятий, в том числе разработанных учеными других отраслей наук. На наш взгляд, касаемо предмета такой теории, наиболее приемлемо говорить о правоохранительной деятельности в отношении преступлений и преступников, как о противодействии преступности, исключив из оборота термины «борьба с преступностью» [7, стр. 380-415], «контроль над преступностью» [23, стр. 12-13], «выдавливание преступности» [19, стр. 367] и т. п., которые нередко используются в криминологической литературе, но не являются полноценными и сущностно раскрывающими эту деятельность.

Конечно, за этими позициями скрываются разные взгляды на возможность (или невозможность) принципиального устранения преступности из жизни общества [23, стр. 413]. Но в данном случае, следует поддержать один из тезисов, выдвинутый в криминологической литературе о том, что, рассматривая понятия «профилактика», «предотвращение», «пресечение» и «предупреждение», как собственно и понятия «борьба с преступностью», «контроль над преступностью», «выдавливание преступности», «противодействие преступности», надо ориентироваться не только на тексты словарей русского языка, этимологию содержащихся в нем понятий, сколько на правоприменительную практику, реальную деятельность правоохранительных органов и иных субъектов предупреждения преступности, субъектов раскрытия преступлений, расследования и рассмотрения уголовных дел в суде, а также на соответствующий нормативный правовой материал.

Термин противодействие преступности включает в себя все содержание, которое необходимо для определения основных направлений деятельности правоохранительных органов в рассматриваемой сфере, и, прежде всего, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, а также производство по уголовным делам в суде и исполнение приговора, направленное на применение наказания и

возмещения вреда, причиненного преступлением.

Вполне возможно в этом отношении разделить точку зрения Е.Г. Клетневой о том, что наряду с указанным нами термином, можно использовать в научном обороте термины «стратегия» и «тактика» [6, стр. 127]. Стратегия предполагает наличие общей концепции, определение не только ближайших, но и отдаленных целей и способов их достижения, разнообразных мер, пригодных для применения в различных условиях. Исторически этот термин используется в военном лексиконе, но имеет более широкое значение. Стратегия – искусство руководства общественной или политической борьбой. Криминологи всегда писали, что стратегически важен примат предупредительных мер – воздействие на причины и условия преступности. Именно это препятствует массовому воспроизводству фактов преступного поведения [14, стр. 418]. В рамках стратегии разрабатывается тактика предупреждения преступности. Тактика представляет собой часть стратегии, это совокупность средств и приемов для достижения намеченной цели.

В свою очередь, важно определиться с термином «предупреждение преступности».

Конечно, первоначально необходимо отметить, что предупреждение является составляющей противодействия преступности и в целом представляет собой «целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [12, стр. 431-432] или «деятельность государственных и общественных органов и организаций, направленная против преступности с целью удержания ее на социально терпимом уровне посредством устранения или нейтрализации порождающих ее причин» [11, стр. 179].

Ряд авторов рассматривают «предупреждение», «профилактику» и «превенцию» как синонимы [12, стр. 235]. Другие полагают, что «профилактика», «предотвращение», «пресечение» и «предупреждение» не могут быть тождественны друг другу, а соотносятся как вид с родом, отмечая, что в самом деле, термины «предупреждение», «профилактика», «предотвращение» (преступности, преступлений) применимы как взаимозаменяющие, но не без детализации соответствующих понятий, ведь отождествление указанных терминов не позволяет понять всей сложности и специфики различных направлений противодействия преступности, сущности каждого из направлений, ибо упрощает и огрубляет смысл конкретизации различных в своей основе видов деятельности [1, стр. 336].

С наших позиций, основанных на результатах проведенного теоретико-методологического исследования и изучения правоприменительной практики противодействия преступности и предупреждение преступности, представляет собой многоуровневую деятельность и включает профилактику преступности, предотвращение и пресечение преступлений. По мнению отдельных ученых, главное отличие профилактики, предотвращения и пресечения состоит «в их временной дистанции от совершения преступлений и в степени интенсивности, динамичности» [18, стр. 13]. Однако, на наш взгляд, принципиально важно, разграничивая данные понятия, при рассмотрении профилактики изучать вопросы общесоциальных мер предупреждения преступности, а при изучении специально-криминологических мер предупреждения преступлений, говорить о предотвращении и пресечении преступлений.

Здесь же требуется акцентировать внимание на том, что указанные выше соображения, для их полноценного усвоения теорией и правоприменительной практикой, должны быть закреплены в законодательстве. Так, в настоящее время, процесс предупреждения преступности не имеет самостоятельной правовой базы. Существующие правовые нормы разбросаны по различным отраслям законодательства и зачастую не согласованы между собой. По нашему мнению, давно назрела необходимость в кодификации законодательства о предупреждении преступности либо в виде отдельного кодекса, либо федерального закона, где следовало бы предусмотреть правовую регламентацию всей системы предупреждения преступности: основания для проведения профилактической работы, средства и меры предупредительного воздействия, компетенцию субъектов, контроль за их деятельностью, обязательность криминологической экспертизы проектов решений органов власти и управления в области социально-экономической политики и т. д. Федеральной целевой программой по усилению борьбы с преступностью на 1999 – 2000 гг. была

даже предусмотрена разработка Федерального закона «Об основах государственной системы предупреждения преступлений». Но конкретных мер от исполнительной и законодательной власти не последовало.

А.И. Алексеев справедливо отмечает, что предупреждение преступления – сложный, многоаспектный процесс, обладающий определенными характеристиками целостности, являющийся неким единством в различиях. Отсюда велико значение его комплексного рассмотрения, выделения составляющих элементов, их классификации по различным основаниям, интегративной оценки, то есть многого из того, что присуще системному анализу [2, стр. 180].

Предупреждение преступности – это система мер, предпринимаемых государственными органами, общественными организациями, представителями власти и другими лицами, направленных на противодействие процессам детерминации преступности, имеющие целью ресоциализацию потенциальных преступников, предотвращение совершения новых преступлений [16, стр. 435].

Все сказанное, полностью относится к экологической преступности, с особым указанием, как уже отмечалось выше, на вопросы нравственно-правового воспитания населения, на включенность не только государственных органов, но и общественных объединений и организаций, всего населения в процесс предупреждения экологической преступности, устранения и нейтрализации причин и условий экологического кризиса, предотвращения экологической катастрофы, а также конкретных экологических преступлений.

Современные проблемы правоприменительной практики в области противодействия экологической преступности требуют так же синтеза криминологических и экологических знаний, который позволит развиваться и уголовному праву и соответственно уголовному процессу, криминалистике, оперативно-розыскной деятельности.

При криминологическом подходе преступление рассматривается, во-первых, в контексте одновременно условий внешней для человека среды и характеристик самого человека; во-вторых, не как одномоментный акт, а как определенный процесс, развертывающийся в пространстве и времени [14, стр. 58].

Необходимость применения такого криминологического подхода к экологической преступности, по мнению Б.Б. Тангиева, в настоящее время обусловлена тем, что масштабы человеческой деятельности уже не могут сосуществовать с благоприятной окружающей средой. Необходимо регулировать взаимодействие человека и природы с целью предотвращения нанесения ей еще большего ущерба и, как следствие, сохранения человечества как вида [22, стр. 44-48].

Поскольку экологические преступления относятся к той категории преступных посягательств, социальная опасность которых в целом не подтверждается официальными статистическими данными, то в рамках экокриминологии может проводиться криминологический анализ всего разнообразия окружающей среды, экологических кризисных явлений, возросших противоречий человека и окружающей среды, причин совершения экопреступлений и масштабов хозяйственного воздействия на окружающую среду.

Накопленный опыт исследований по решению комплексных криминологических, уголовно-правовых проблем в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, а также дальнейшая необходимость экологизировать правовые приоритеты России послужили научной основой формирования нового междисциплинарного направления криминологии – природопользования и охраны окружающей среды – экологической криминологии.

Экокриминология, как новое научное направление, зарождается на стыке многих отраслей знания, образуя, своего рода, «экокриминологический правовой комплекс», включающий и использующий методы и знания, накопленные, прежде всего, криминологией, уголовным правом, экологическим правом, социологией, биологией, психологией, философией, а также информатикой, медициной и другими науками, которые характеризуются определенной предметной и концептуальной целостностью, своими собственными исследовательскими средствами и подходами.

В настоящее время невозможно правильно решать проблемы экологической преступности и возрастающего рецидива по отдельным составам экологических преступлений на

основе традиционных методов. Более того, использование устаревших методов для решения усложнившихся задач по предотвращению экологической катастрофы может привести к негативным последствиям и необратимым процессам, определяющим фактором которых является экологическая преступность с причинами и условиями, ее порождающими.

Начало XXI в. уже показало всю остроту этих проблем и приоритетные направления, очевидные уже сейчас во всем мире, что подтверждается многими фактами и данными (техногенные катастрофы, разлив нефти в Мексиканском заливе и т. д.). Структурной особенностью решения этих проблем в развитии любого цивилизованного правового государства является их комплексность, которая может быть представлена в виде конгломерата, включающего в себя криминологию (со всеми составляющими уголовно-правового цикла), экологию и политику.

Дальнейшее устойчивое развитие российского общества в благоприятной окружающей среде практически невозможно без экологизации права, в том числе конституционного, поиска новых экологически безопасных технологий и последовательного создания, при необходимости усовершенствования социально-правовых и политических институтов, где основная доминанта будет облечена принципами «экологичности» и «экологизации». В достижении искомых результатов значимую роль будут играть новые научные направления и разработки, которые будут носить не только теоретический, но и прикладной характер.

Исследование на стыке наук позволит нам создать твердую научно-методологическую основу теории противодействия экологической преступности. При этом важно сохранить преемственность исторического опыта. В советской криминологической доктрине была достаточно детально разработана теория предупреждения преступности, выделяющая несколько уровней предупреждения: общесоциальный и специально-криминологический (или индивидуальный). Сегодня существует потребность в четком балансе и комплексном применении мер общего и специального предупреждения; не целесообразно отдавать предпочтение только тем или иным мерам, как это, к сожалению, ярко наблюдается на примере реформирования системы МВД России, когда за пробелы государственного управления, социально-экономического дисбаланса, имущественного расслоения и деформации населения, отвечает рядовой сотрудник. Система предупредительных мер не должна ограничиваться какой-то одной сферой, особенно касаемо общей профилактики преступности. Участвовать в предупреждении экологической преступности, должно все общество: от государственных органов и общественных организаций – до каждого гражданина.

При этом, конечно, основой эффективного применения мер противодействия, в том числе предупреждения, экологической преступности, является их теоретическое обоснование с созданием прочной правовой базы и разработкой методических рекомендаций правоприменителям.

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Разработка эффективного механизма противодействия экологической преступности требует комплексного исследования, всестороннего осмысления сущности, содержания, характерных признаков экологических преступлений, изучения государственной политики в сфере экологии и природопользования, а также в сфере правоохранительной деятельности, и других вопросов. При этом важнейшее место среди них занимают проблемы предупреждения преступности.

2. Рассмотрение и разрешение проблем предупреждения экологической преступности требует разработки отдельной целостной теории, учитывая роль вопросов противодействия экологической преступности в деле обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В ее основу должны быть положены: закон, наказание, система уголовной юстиции в ее действии, система административного производства и воздействия, выступающая в превентивной роли от дальнейшего нарушения, в том числе уголовного законодательства, некарательные средства воздействия, нравственно-правовое сознание (данный вид преступлений, их предупреждение, требует повышения правовой культуры, экологической культуры, чтобы сберечь планету для будущих поколений), а также систематическая и глубокая научная проработка с современных позиций развития мировой цивилизации, с учетом объективного анализа состояния преступности в сфере экологии

всего комплекса практической деятельности, направленной на повышение эффективности средств воздействия на экологическую сферу, на сокращение экологических правонарушений.

3. Для единства межотраслевого понятийного аппарата, необходимого для теории предупреждения экологической преступности, определим:

- термин противодействие преступности включает в себя все содержание, которое необходимо для определения основных направлений деятельности правоохранительных органов в рассматриваемой сфере, и, прежде всего, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, а также производство по уголовным делам в суде и исполнение приговора, направленное на применение наказания и возмещение вреда, причиненного преступлением;
- предупреждение преступности, как и противодействие ей, представляет собой многоуровневую деятельность и включает в себя профилактику преступности, предотвращение и пресечение преступлений. С наших позиций, основанных на результатах проведенного теоретико-методологического исследования и изучения правоприменительной практики противодействия преступности, важно, разграничивая данные понятия, при рассмотрении профилактики изучать вопросы общесоциальных мер предупреждения преступности, а при изучении специально-криминологических мер предупреждения преступлений – говорить о предотвращении и пресечении преступлений.

4. Современные проблемы правоприменительной практики в области противодействия экологической преступности требуют комплексного системного изучения механизма противодействия экологической преступности с учетом достижений наук экологического права, теории права и государства, уголовного права и криминологии, уголовного процесса и криминалистики, а также теории оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертизы.

Список литературы

1. Аванесов Г.А. Криминология. – М., 1984.
2. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. – М., 1998.
3. Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право. – 2002. – № 10.
4. Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. – М.: Юриспруденция, 2000.
5. Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. – Минск, 1997.
6. Криминология / Под ред. А.И. Долговой. – М., 2001.
7. Криминология / Под ред. А.И. Долговой. – М., 2002.
8. Клетнева Е.Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
9. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика, тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991.
10. Криминология / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб., 2003.
11. Криминология / Под. ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999.
12. Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
13. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М., 2003.
14. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
15. Криминология: Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: МГУ, 1994.
16. Курганов С. И. Криминология. – М., 2007.
17. Лунеев В.В. Институциональная организованная преступность // Организованная преступность в России: философский и социально-политические аспекты. – М., 1999.
18. Овчинский А.С. Интрузивно-системная преступность как один из основных факторов финансово-экономических кризисов и социально-политической нестабильности в России // Организованная преступность в России: философский и социально-политические аспекты. – М., 1999.
19. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. – М.: ИНФРА-М, 2000.

20. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений / Под ред. В.Д. Малкова, А.Ф. Токарева. – М., 2000.
21. Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. 2-е изд. Т. 1. – М., 1990.
22. Тангиев Б.Б. Экологическая криминология и ее концепция противодействия экологической преступности // Безопасность бизнеса. – 2007. – № 3.
23. Хохряков Г.Ф. Криминология. – М., 2002.
24. Шестаков Д.А. Об управлении преступностью // Проблемы совершенствования использования уголовных наказаний / Под ред. А.И. Васильева. – Рязань: Рязанская высшая школа МВД России, 1992.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

АЛЕКСАНДРОВ Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор юридических наук
E-mail: gurbanoff@gmail.com

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО (У) МИД России;
кандидат юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации
E-mail: inkodrat@mail.ru

РЕТУНСКАЯ Татьяна Павловна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского университета предпринимательства и права,
кандидат юридических наук
E-mail: retunsk1@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследована опасность судебных и следственных ошибок, проведен анализ мотивации следственных ошибок и практики, рассмотрены результаты анкетирования следователей.*

Авторы проводят разграничение следственных ошибок и преступлений против правосудия. Подробно исследовано явление правового нигилизма. Сделан вывод о том, что правонарушение как ошибка в процессуальном действии порождает ошибочный результат, равно как и ошибка в мысли приводит к ошибочности процессуального действия.

Ключевые слова: *судебные ошибки; доказывание, следственные ошибки; уголовное дело; обвинение; уголовная ответственность; судебный процесс.*

ALEKSANDROV R.A.
KONDRAT I.N.
RETUNSKAYA T.P.

INVESTIGATORY ERRORS AND EFFICIENCY OF PROOF

The summary. *The article studies the danger of judicial and investigatory errors, an analysis of the motivation of investigative errors and practices is made, the results of investigators' survey are considered.*

The authors make a distinction of investigatory errors and crimes against justice. The phenomenon of legal nihilism is researched in detail. It is concluded that an offence as an error in proceedings causes an erroneous result just like an error in thought leads to the erroneousness of procedural action.

Key words: *judicial errors; proof, investigatory errors; criminal case; prosecution; criminal liability; judicial trial.*

Опасность судебных и следственных ошибок, приводящих подчас к трагическим последствиям, неоднократно отмечалась в процессуальной литературе. Об этом же свидетельствует и ряд громких судебных процессов, прошедших в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Капитальные исследования проблемы следственных и судебных ошибок были предприняты в конце прошлого столетия. В их числе исследования, проведенные авторским коллективом ВНИИ Прокуратуры СССР под руководством А.Б. Соловьева [11], с участием преподавателей Куйбышевского (ныне – Самарского) госуниверситета, в том числе и автора этих строк. Результаты исследования, проводившегося на протяжении 1985 – 1987 гг., были опубликованы в методическом пособии, изданном Прокуратурой СССР, в тематических сборниках и ряде статей членов авторского коллектива. О возрастающем интересе к проблеме следственных ошибок говорит ряд посвященных ей исследований других ученых (работы З.Ф. Ковриги [7], В.И. Власовам [5], О.Я. Баева [4], И.М. Зайцева [6], С.Г. Олькова [9] и др.). В последние годы, с принятием УПК РФ, проблема заметно обострилась, в первую очередь в связи с тем, что значительно возрос уровень требований к качеству предварительного расследования, усилен судебный контроль за расследованием, установлена необходимость получения разрешения суда на проведение ряда процессуальных действий, повышены требования к допустимости доказательств, предусмотрена возможность признания их недопустимыми, пользуясь, чем защита получила возможность «выбивать оружие» из рук органов обвинения, к которым причислен и следователь. Помимо этого в гл. 18 УПК РФ установлена и правовая обязанность органов расследования и суда устранять последствия допущенных ими ошибок и реабилитировать участников процесса, пострадавших от них. В соответствии со ст. 133 Кодекса право на реабилитацию в стадии расследования имеют подозреваемый и обвиняемый, уголовное преследование в отношении которых прекращено по основаниям, указывающим на их невиновность или на необоснованное начало уголовного преследования. В этих случаях следователь и дознаватель в постановлении должны признать право этих лиц на реабилитацию (ст. 134 УПК РФ) и принять меры к возмещению имущественного и морального вреда (ст. 135 и 136 УПК РФ).

Некоторые исследователи представление о следственной ошибке формируют на основе обыденных или словарных определений. Так, по мнению З.Ф. Ковриги, следственная и судебная ошибка – это «непреднамеренно искаженное познание объективной действительности» [7]. В.И. Власов полагает, что «следственные ошибки – это любые непреднамеренные нарушения закона, недостатки и упущения, допущенные при возбуждении и расследовании уголовных дел, всякая неправильность процессуальной деятельности, в том числе и в мыслительном процессе компетентного лица...» [5]. Если в первом определении ошибка ограничивается только познавательной деятельностью и не охватывает собой существенных нарушений уголовно-процессуального и уголовного закона, то второе представление оказывается чрезмерно широким, так как к «любым недостаткам и упущениям следователя» можно отнести и технические погрешности, например плохой почерк следователя, неправильную подшивку материалов дела и т. п. Но каждое из этих определений несет в себе более существенные недостатки: упрощается мотивация следственной

ошибки, не указывается (а в определении З.Ф. Ковриги указывается неполно) на отрицательные последствия следственной ошибки.

Размышления над мотивацией следственных ошибок и анализ практики указывают на такое специфическое явление, как неясность представлений следователей о своей роли в процессе доказывания. Уголовно-процессуальный закон причисляет следователя к стороне обвинения (ст. 47 ст. 5 УПК РФ), что расходится с традиционным представлением о нем как участнике процесса, обязанном всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела. Проведенное анкетирование следователей различных ведомств (общее число опрошенных – 318 человек) выявило разнобой в определении своей роли в доказывании, порожденный отмеченным выше противоречием. Так, 56,7% опрошенных по-прежнему считали, что следователь выполняет обязанности беспристрастного исследователя, но 33% склонялись к тому, что следователь – активный обвинитель. Остальные же отводили себе роль вялого исполнителя роли прокурора, т. е. также обвинителя. Таким образом, определенная часть следователей видит свою роль в том, чтобы обвинять, не заботясь о выяснении обстоятельств, противоречащих обвинению. Эти данные подтверждают мнение исследователей, усматривающих в противоречиях действующего законодательства источник обвинительного уклона, а значит, следственных ошибок. Рассмотрим вопрос о мотивации следственной ошибки более подробно. Отмеченная выше недостаточность трактовки ошибки как непреднамеренного нарушения правил деятельности становится очевидной при анализе обстоятельств, порождающих неправильную мысль или неправильное действие следователя. Ошибочное действие или решение следователя складывается под влиянием многих факторов, которые отнюдь не исчерпываются незнанием или слабым знанием закона [6, стр. 15]. Как уже отмечено, важную роль играет личностный фактор, выражающий отношение следователя к закону. Известно, что явление правового нигилизма присуще не только обычным гражданам, но и сотрудникам правоохранительных органов. Так, многие следователи разделяют предписания уголовно-процессуальных норм на менее важные и более важные. Последние (сроки расследования и содержания под стражей, вызов защитника в случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ, и т. п.) подлежат обязательному выполнению. Требования же других норм (особенно принципов процесса, таких как состязательность, презумпция невиновности, обеспечение права на защиту и т. п.) расцениваются ими порой как декларации, не имеющие практического значения, а поэтому и необязательные для исполнения. В подобных случаях отступления от правил деятельности вызваны не незнанием закона, а неправильным отношением к нему, как к требованию второстепенному, и даже мешающему раскрытию преступления. Личностный фактор проявляется и в степени критичности оценки следователем собственных выводов. Нередко выводы, вероятные по своей правовой природе (например, о виновности обвиняемого в момент привлечения), под влиянием отмеченной выше обвинительной установки трактуются следователем как достоверные, что порождает нежелание «видеть» обстоятельства, противоречащие сделанному выводу. И здесь причиной нарушения правил деятельности выступает не отсутствие знания этих правил, а изначальная нацеленность следователя на обвинение и чрезмерная убежденность в истинности своих выводов. Таким образом, следственная ошибка (как и положительный исход расследования) отражает сложную мотивацию принятия решения и проведения процессуальных действий следователем, в которой просматривается многогранный внутренний мир следователя. Эта мотивация порой оказывается противоречивой, ибо может сочетать в себе, с одной стороны, недостаток опыта, объективные трудности расследования, а с другой – сознательное пренебрежение требованиями закона либо тактическими рекомендациями.

В то же время в соответствии с УК РФ необходимо четко отграничить следственную ошибку, связанную с сознательным отступлением от закона, от преступлений против правосудия, таких как привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300), незаконное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей (ст. 301), принуждение к даче показаний (ст. 302), фальсификация доказательств (ст. 303) и т. д. Граница между этими преступлениями и внешне сходными уголовно-процессуальными правонарушениями проходит по объективной

стороне и, главное, по направленности умысла, который при совершении преступлений против правосудия продиктован ясно осознаваемой преступной целью. Характерный случай фальсификации доказательств следователем получил освещение на страницах печати. По делу о грабеже следователь, не желая обременять себя трудоемкой работой по раскрытию преступления, изъял из дела протокол допроса свидетеля, в котором конкретно назывались фамилии и имена грабителей, подменил его другим протоколом о том, что свидетелю якобы имена грабителей неизвестны. Это позволило ему незаконно приостановить производство по делу. За указанные действия он был осужден по ч. 2 ст. 303 УК РФ [10].

Уточним, недостижение каких целей расследования указывает на следственную ошибку. Другими словами, следственными ошибками будут незаконные и необоснованные решения следователя:

1) о привлечении лица в качестве обвиняемого и направлении дела в суд при отсутствии достаточных доказательств;
2) о направлении дела в суд при наличии существенных нарушений уголовно-процессуального и уголовного закона;
3) о приостановлении дела за необнаружением виновных без исчерпания всех возможностей к раскрытию преступления;
4) о прекращении дела при отсутствии законных оснований;
5) о заключении обвиняемого и подозреваемого под стражу, применении других мер пресечения при отсутствии достаточных оснований (в некоторых случаях ошибка следователя «санкционирована» решением суда).

Таким образом, определенная часть следственных ошибок порождается отступлением следователя от предписаний уголовно-процессуального закона, т. е. допущенными им уголовно-процессуальными правонарушениями. В каком соотношении находятся эти понятия? По мнению С.Г. Олькова, ошибка не нарушение закона, не действие или бездействие, а отношение субъекта к объекту, определяемое в правовой науке через категорию вины. «Термин «ошибка» неуместен в правоведении, где все по возможности и особенно там, где речь идет об ответственности, должно быть предельно конкретным и точным» [9, стр. 18-19]. Как видно, автор предпочитает термину «ошибка» термин «уголовно-процессуальное правонарушение». В одних случаях ошибка – причина, в других – следствие правонарушения. Другими словами, правонарушение как ошибка в процессуальном действии порождает ошибочный результат, равно как и ошибка в мысли (например, ошибочный вывод о достаточности доказательств) приводит к ошибочности процессуального действия (например, к необоснованному привлечению лица в качестве обвиняемого). Наконец, термины «следственная ошибка», «судебная ошибка» с давних пор прочно утвердились в юридической лексике, обозначая случаи осуждения невиновных лиц, хотя впоследствии они приобрели более широкий смысл, обозначая и несправедливое наказание, и непривлечение подлинно виновных к ответственности. Поскольку следственная ошибка означает, что цели судопроизводства на стадии предварительного расследования не достигнуты, данный факт должен быть констатирован не субъективным суждением исследователя (оно может оказаться ошибочным), а соответствующим процессуальным решением субъекта, по закону управомоченного признавать этот факт установленным. В наиболее очевидных случаях таким решением согласно УПК РФ могут быть: 1) оправдательный приговор суда или определение (постановление) о прекращении дела в судебных стадиях (ч. 2 ст. 302, ст. 239, 254); 2) постановление судьи, вынесенное по результатам рассмотрения жалобы участника процесса, о признании действия (бездействия) следователя незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение (ст. 125); 3) постановление судьи, вынесенное в ходе предварительного слушания, о признании доказательства недопустимым (ст. 235 УПК РФ); 4) постановление судьи о возвращении дела прокурору из предварительного слушания для устранения препятствий к его рассмотрению судом (ст. 237); 5) постановление прокурора о возвращении дела для дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации или пересоставления обвинительного заключения (п. 2 ч. 1 ст. 221); 6) постановление руководителя следственного органа об отмене постановлений следователя о прекращении либо приостановлении дела и о возобновлении производства по делу (п. 2 ч. 1 ст. 39); 7) постановление следователя

об отмене или изменении меры пресечения – заключения под стражу, домашнего ареста, как примененной незаконно или необоснованно (ч. 2 ст. ПО, ст. 139). В ходе исследования следственных ошибок, проведенного авторским коллективом в 1985 – 1987 гг., было сформулировано следующее определение следственной ошибки: это незаконные и необоснованные действия следователя по привлечению к уголовной ответственности и заключению под стражу граждан, приостановлению, прекращению, передаче прокурору с обвинительным заключением для направления в суд уголовных дел, которые по ошибочному представлению следователя являлись правомерными и якобы были направлены на обеспечение задач уголовного судопроизводства. Аналогичного определения придерживается А.Д. Назаров, изучавший этот вопрос в более позднее время [8, стр. 14].

В.И. Власов подразделяет следственные ошибки на логические и фактические, материально-правовые и процессуально-правовые, допущенные на стадии возбуждения уголовного дела и в процессе расследования, несущественные, существенные и, безусловно, существенные, спорные и бесспорные, явные и скрытые, нераспространенные, относительно распространенные и типичные [5, стр. 64-96]. Учитывая в целом одинаковый характер следственных и судебных ошибок, можно утверждать, что следственные ошибки проявляются, прежде всего, в: 1) существенном нарушении органом расследования уголовно-процессуального закона; 2) неправильном применении уголовного закона. УПК РФ не воспроизвел такое основание отмены приговора, как односторонность и неполнота предварительного и судебного следствия (ст. 343 УПК РСФСР), ибо оно ориентировало суд на восполнение пробелов расследования, превращая его, таким образом, в орган, способствующий осуществлению обвинения, что не соответствовало его функции объективного и беспристрастного осуществления правосудия. Но этот дефект доказывания сохранил свое отрицательное значение по отношению к деятельности следователя (он может служить основанием для возвращения прокурором дела на дополнительное расследование (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Поэтому односторонность и неполнота предварительного расследования продолжает оставаться следственной ошибкой и, как будет показано далее, занимает среди ошибок первое место. Исследования, проведенные многими авторами, показывают различную распространенность следственных ошибок. Так, наибольшее распространение имеет односторонность и неполнота предварительного расследования, составляющая 60,4% следственных ошибок. На втором месте стоит существенное нарушение уголовно-процессуального закона – 25,5%. Реже – в 14,1% всех случаев – встречается неправильное применение закона [8, стр. 18, 19]. И все же бесспорно, что наиболее часто допускаемая следователями ошибка – это одностороннее и неполное установление обстоятельств дела. Это разные, хотя и взаимосвязанные дефекты исследования. Всесторонность исследования необходимо трактовать как выяснение всех обстоятельств, образующих предмет доказывания, при исчерпывающей проверке всех возможных версий. Отсюда односторонность – это недостаточное исследование какого-либо существенного обстоятельства дела, оставление без внимания того или иного элемента ст. 73 УПК РФ. Под полнотой же следует понимать необходимую и достаточную совокупность доказательств, необходимых для достоверного установления существенных обстоятельств. Поэтому неполнота исследования – это сужение пределов доказывания, дефицит доказательств, ставящий под сомнение достоверность установления факта.

Уже из сказанного видна многогранность причин следственных ошибок: одни ошибки, как отмечалось ранее, являются причинами других. Но и конкретные причины следственных ошибок также оказываются весьма многообразными и различными по уровню. Неудивительно поэтому, что в научных исследованиях причины следственных ошибок трактуются не единообразно. Полагают, что таковыми являются: 1) низкий уровень деловых качеств следователей; 2) отсутствие должных политических, моральных, а также некоторых специальных, необходимых для профессии следователя качеств, их недостаточное развитие; 3) организационные дефекты, перегрузки в работе следователя. Условиями, способствующими совершению ошибок, считают слабость прокурорского надзора и недостаточное участие адвокатов в предварительном следствии [5, стр. 97-123]. Упомянутое выше изучение

Институтом прокуратуры значительного массива дел, по которым были допущены следственные ошибки, а также данные о них, полученные в последующие годы, показывают, что система причин следственных ошибок является не линейной, а многоуровневой, позволяющей выделить в ней: непосредственные причины ошибок (первый уровень); факторы, породившие эти причины (второй уровень); факторы более общего характера, обусловившие причины второго уровня («причины причин», т. е. третий уровень). К числу наиболее существенных непосредственных причин следственных ошибок можно отнести: 1) недостатки планирования, невыдвижение нужных по обстоятельствам дела версий и слабую проверку уже выдвинутых версий; 2) сужение пределов доказывания – непроведение или некачественное проведение нужных следственных действий; 3) пассивность при проверке доказательств (непринятие мер к устранению противоречий в доказательствах, неумение сформировать надежный комплекс косвенных доказательств, формальное проведение очной ставки, предъявления для опознания и других проверочных действий); 4) неправильную оценку доказательств (переоценку таких доказательств, как заключение эксперта, показания потерпевшего, признание обвиняемого, и недооценку отрицания вины обвиняемым). По справедливому мнению А.Б. Соловьева, к числу причин второго уровня следует отнести преимущественно причины субъективного характера, т. е. связанные с личностью следователя. Таковыми являются: 1) отсутствие у следователя необходимых профессиональных познаний и навыков работы (46% изученных дел с ошибками); 2) пренебрежительно-нигилистическое отношение к выполнению предписаний уголовно-процессуального закона (42% дел); 3) профессиональная деформация следователя (проявляющаяся в обвинительном уклоне, некритичности и самонадеянности при оценке материалов дела (35% дел); 4) недобросовестное отношение следователя к выполнению служебного долга, проявляющееся в стремлении достичь нужного результата без выполнения необходимого объема работы (30% дел).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2012.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. Текст с изменениями и дополнениями на 15 февраля 2011 г. – М.: Эксмо, 2011.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Официальный текст Кодекса по состоянию на 1 марта 2011 г. – М.: Омега-Л, 2011. – 217 с.
4. Баев О.Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. – Воронеж, 1977.
5. Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. – Саратов, 1988.
6. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. – Саратов, 1985.
7. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. – Воронеж, 1984.
8. Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. – Красноярск, 2000.
9. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 1994.
10. Пичурина В., Пинкус М. Лживый свидетель // Российская газета. – 2007. 23 ноября.
11. Соловьев А.Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. – М., 2006.

ВАШКЕВИЧ Алла Васильевна,
старший преподаватель кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат педагогических наук
E-mail: all281@yandex.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗАХ, ПРОВОДИМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Аннотация. *Успешное расследование преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств предполагает изучение и использование целой системы научно-обоснованных рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения преступлений. В этой связи велика роль применения специфических криминалистических экспертиз, которым автор посвятил данную статью.*

Ключевые слова: *безопасность; дорога; преступление; информация; доказательства.*

VASHKEVICH A.V.

ON THE SPECIFIC EXAMINATIONS CONDUCTED DURING THE INVESTIGATION OF TRAFFIC ACCIDENTS

The summary. *Investigation of Crimes against traffic safety and operation of vehicles is a system of scientific advice on the organization and implementation of investigative and crime prevention. In this regard, the role of high specific forensic examinations, which the author has dedicated this article.*

Key words: *safety; road; crime information; evidence.*

Каждый год в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) более 10 миллионов человек в мире погибают и получают ранения. ДТП наносят обществу большой социально-экономический ущерб. По информации Всемирного Банка, глобальные экономические потери составляют около 500 миллиардов долларов в год.

Поэтому обеспечение транспортной безопасности продолжает оставаться для России огромной проблемой. В целях повышения эффективности борьбы с дорожно-транспортными преступлениями необходимо всестороннее, глубокое изучение указанной проблемы с привлечением криминалистов, криминологов, психологов и т. д. [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 21; 22; 23; 25; 28]. Качественное расследование ДТП является одной из наиболее сложных и важных задач, требующих особого отношения к ним следственных и судебных органов.

Влияние криминалистики в исследовании события ДТП очень сильно, она помогает разобраться в механизме ДТП и в спорных случаях определить кто виноват в случившемся.

В данной области проводили исследования такие ученые, как Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Д.Н. Балашов, С.В. Маликов, Е.П. Ищенко и другие авторы.

Из ст. 264 УК РФ можно сделать вывод, что преступные нарушения правил вождения или эксплуатации механического транспортного средства относятся к категории преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Расследование преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств представляет систему научно-обоснованных рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения преступлений, предусмотренных статьями 264, 266, 267, 268 Уголовного кодекса Российской Федерации. Эти статьи расположены в главе 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» Особенной части УК РФ.

Криминалистическая характеристика ДТП служит для сотрудников правоохранительных органов (следователей, дознавателей и т. д.) источником отправных сведений при организации работы по расследованию преступлений. Она содержит информацию, позволяющую обоснованно выдвигать следственные и оперативные версии, планировать наиболее эффективный порядок расследования, выбирать оптимальные приемы для решения тактических задач в условиях расследования конкретного уголовного дела.

Преступлением против безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта (транспортным преступлением) признается общественно опасное виновное посягательство на безопасность транспорта, причинившее предусмотренные уголовно-правовыми нормами вредные последствия.

Под безопасностью транспорта понимается такое функционирование транспортной системы, которое обеспечивает неприкосновенность жизни и здоровья людей, целостность и сохранность материальных ценностей, окружающей среды, транспортных средств и коммуникаций.

В соответствии со ст. 157 УПК РФ, при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия.

Информацию о преступлении составляют сведения, связанные с событием преступления, сообщенные любыми лицами, и из любых источников. В зависимости от содержания и полноты информации о преступлении определяется круг и последовательность действий лица, производящего расследование.

К доказательственной исходной информации относится обнаружение следов преступления. Для дорожно-транспортного происшествия характерно образование материальных следов в виде отпечатков, различного рода разрушений, повреждений, деформаций объектов, наслоений и отслоения. Объектами, на которых образуются следы, являются: дорога (как проезжая часть, так и элементы дороги); транспортное средство; здания, сооружения; зеленые насаждения; тело пострадавшего; одежда, обувь, вещи пострадавшего. Следы, образующиеся на дороге, характеризуются недолговечностью. Продолжающееся движение по проезжей части других транспортных средств после происшествия изменяет их или уничтожает; атмосферные осадки в виде дождя или снега также могут за непродолжительное время частично или полностью уничтожить следы. Это обстоятельство требует принятия мер к немедленному закреплению и изъятию следов с места происшествия.

Материальные следы, образующиеся на теле пострадавшего, являются доказательством признака объективной стороны преступления – наличия вредных последствий.

Остальные материальные следы служат источниками доказательственной информации о наличии деяния и источниками ориентирующей информации для установления механизма совершения преступления и доказывания при расследовании наличия причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями.

Исходная информация включает и вспомогательную. Не имея значения для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или квалификации, она используется при идентификационных и диагностических исследованиях. Это, как правило, образцы, используемые при сравнительных исследованиях. Образцы получают у подозреваемых, пострадавших, изымают с транспортных средств. Такие исследования могут быть необходимы для установления места нахождения пострадавшего или подозреваемого в салоне транспортного средства (здесь необходимы, например, образцы крови), установления принадлежности биологических объектов, изъятых с поверхности транспортного средства, пострадавшему,

идентификации отпечатка протектора на проезжей части и колеса транспортного средства и другие исследования.

Основной формой применения специальных технических знаний при расследовании ДТП является проведение судебной автотехнической экспертизы.

Наиболее распространенными из задач судебной автотехнической экспертизы являются исследования по оценке действий участников ДТП, включающие в себя установление наличия или отсутствия у водителя технической возможности предотвратить происшествие. Правильное решение данного вопроса предопределяется достоверностью определения момента возникновения препятствия или опасности для движения.

Оценка действий участников ДТП в судебной автотехнической экспертизе заключается в установлении соответствия (несоответствия) действий водителей транспортных средств техническим требованиям Правил дорожного движения.

К числу технических норм правил дорожного движения относятся предписания, дозволения и запреты, адресованные водителям, за исключением общих положений и перечня обязанностей водителя, не связанных непосредственно с установлением, обслуживанием и ремонтом транспортного средства. Поэтому автотехническая экспертиза не устанавливает такие очевидные противоречия Правилам дорожного движения, как управление транспортным средством водителем в состоянии, опьянения, не имеющим соответствующего удостоверения, путевого листа и т. п. Эти нарушения должны быть зафиксированы следователем.

Необходимо различать понятия «несоответствие правилам» и «нарушение правил». Автотехиическая экспертиза устанавливает исключительно несоответствие действий водителя, требованиям Правил дорожного движения, оценивая лишь внешнюю сторону этих действий и рассматривая водителя как объект, выполняющий систему операций по управлению транспортным средством и обладающий средними показателями быстроты реакции и внимательности.

Вопрос о нарушении водителем Правил дорожного движения составляет прерогативу следователя и его решение предполагает психологический анализ поступка водителя, причин и мотивов его поведения, он непосредственно связан с установлением вины водителя. Вывод о нарушении Правил дорожного движения водителем, в отношении которого имеется заключение эксперта о несоответствии его действий определенные требованиями этих правил, может быть сделан следователем только в том случае, если в ходе следствия будет установлено, что поведение водителя не было вызвано действием независящей от него воли непреодолимой силы, внезапным заболеванием, крайней необходимостью, то есть у водителя была реальная возможность выполнить необходимые действия по обеспечению безопасности движения.

В судебной автотехнической экспертизе устанавливается причинная связь между неисправностью транспортного средства, состоянием дороги, действиями водителя и фактом ДТП (наездом, столкновением, опрокидыванием). Неправильным будет вынесение на разрешение экспертизы вопросов о причинной связи между действиями водителя и последствиями аварии (материальным ущербом, смертью пешехода и т. д.), а также о непосредственной причине ДТП. Эти вопросы должны быть решены следователем на основе оценки совокупности доказательств, в том числе и заключения эксперта-автотехника. Оценивая заключение эксперта, следователю надлежит исходить из того, что каждый вывод эксперта должен быть обоснован теоретически, подтверждаться соответствующими расчетами или экспериментами, со ссылкой в некоторых случаях и на источники литературы. Все это должно быть изложено в исследовательской части заключения, с той полнотой и простотой, которые бы позволяли проверить объективность и достоверность выводов. Судебно-медицинская экспертиза назначается во всех случаях, когда ДТП привело к гибели людей или причинению им телесных повреждений. Помимо общих вопросов о причине наступления смерти, времени, характере, локализации и степени тяжести телесных повреждений, состоянии здоровья потерпевшего перед происшествием, судебный медик решает вопрос о наличии на теле и одежде потерпевшего специфических следов автотранспортной травмы. Они возникают вследствие удара конкретных частей тела об автомобиль и дорожное покрытие; сдавливания тела между колесами и дорогой или двумя автомобилями; трения при волочении тела по дорожному покрытию.

Судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств исследует объекты биологического происхождения, чаще всего кровь, волосы, частицы костей, тканей и органов человеческого тела, обнаруженные при осмотре места ДТП. Перед экспертом ставятся такие вопросы: не происходит ли обнаруженная кровь от человека, если да, то совпадает ли она по группе и типу с группой и типом крови потерпевшего; принадлежат ли волосы, обнаруженные при осмотре автомобиля, человеку и сходны ли они с волосами потерпевшего и так далее.

Судебно-медицинская экспертиза разрешает три группы важных для расследования по делу вопросов. Вопросы, касающиеся трупа потерпевшего или водителя, сводятся к установлению: 1) категории, рода смерти и обстоятельств ее наступления, как то: насильственная или не насильственная, когда наступила, причинена ли на месте обнаружения трупа или в другом месте; 2) тяжести телесных повреждений и причин наступления смерти, например: отчего последовала смерть покойного, последовала ли смерть от полученных повреждений; 3) характеристики повреждений, обнаруженных на трупе потерпевшего или водителя, а именно: какие имеются повреждения на трупе, типичны ли смертельные повреждения на трупе для автотравмы; 4) определения механизма и последовательности образования различных групп или отдельных повреждений на трупе и положения тела на различных этапах травмирующего воздействия, как то: причинены ли имеющиеся на трупе раны воздействием определенных частей автомашины, какой частью автомобиля или каким орудием причинены повреждения, не образовались ли данные повреждения от первоначального удара или они образованы при последующих ударах. Наиболее сложный вопрос – какова была поза покойного в момент наезда, судя по локализации имеющихся на нем повреждений, можно ли по локализации и характеру повреждений определить положение потерпевшего по отношению к автомашине в момент наезда. Решение этого вопроса в некоторых случаях возможно только путем комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы или судебно-медицинской и автотехнической экспертизы.

Вопросы, касающиеся живых лиц, в основном сводятся к степени тяжести полученных повреждений, а именно: какие имеются у потерпевшего повреждения, степень тяжести телесных повреждений, причинено ли повреждениями расстройство здоровья потерпевшего, механизм образования повреждений, их давность.

Вопросы, касающиеся биологических особенностей отдельных объектов: 1) принадлежит ли обнаруженная на автомашине или месте происшествия кровь человеку; 2) принадлежит ли обнаруженная кровь животному и какому животному; 3) каковы тип и группа крови; 4) не совпадает ли кровь по типу и группе с кровью потерпевшего; 5) региональное происхождение крови; 6) волосы человека или животного обнаружены при осмотре на автомашине; 7) цвет волос; 8) с какой части тела эти волосы и не вырваны ли они; 9) не сходны ли по своим признакам они с волосами потерпевшего; 10) принадлежит ли человеку обнаруженное на автомашине вещество, похожее на вещество головного мозга; 11) являются ли данные следы мозговым веществом, а также другие вопросы.

Иногда по делам этой категории проводится судебно-медицинская экспертиза по материалам дела, например в случаях, когда смерть потерпевшего последовала не непосредственно на месте аварии, наезда, а спустя длительное время после лечения в больнице, либо когда необходимо установить степень тяжести полученных потерпевшим повреждений, что по тем или иным причинам не удалось сделать. В последнем случае эксперту предоставляются материалы уголовного дела и история болезни.

Криминалистические экспертизы по рассматриваемым делам могут быть очень разнообразными и включать в себя трасологические исследования следов транспортных средств, следов ног человека, животных, дактилоскопические исследования пальцевых отпечатков, почерковедческие и технико-криминалистические исследования документов, исследование целого по части и другие исследования, проводимые в целях идентификации объектов.

Наиболее распространены трасологические исследования различных следов. Наибольшее значение имеет идентификация транспорта по двум видам следов: 1) следам столкновения, наезда, которые образуются от удара бампером, крылом, кузовом, радиатором автомашины о различные предметы, причем на первых также

могут отобразиться структура и особенности соприкасавшегося с ним объекта; 2) следам от протекторов шин. В большинстве случаев последняя группа следов используется для установления групповой принадлежности транспорта, что также имеет большое значение для раскрытия преступления даже при вероятном выводе эксперта, так как сужает круг поисков скрывшейся автомашины или иного транспортного средства. Исследование следов столкновения, как правило, помогает восстановить механизм ДТП, и во многих случаях является единственным способом установления обстоятельств автопроисшествия при столкновениях, наездах: 1) какое из транспортных средств находилось в движении; 2) направление движения транспортного средства; 3) взаиморасположение машины и объекта столкновения непосредственно в момент нанесения удара. Кроме указанных вопросов на разрешение трасологической экспертизы по рассматриваемым следам могут быть поставлены вопросы: 1) какой моделью шины оставлены следы на месте ДТП; 2) какими техническими данными или особенностями характеризуется транспортное средство, судя по оставленным на месте происшествия следам; 3) не оставлен ли след на месте ДТП конкретным транспортом; 4) не оставлены ли следы на самой автомашине определенными конкретными объектами; 5) не однотипен ли ткани одежды потерпевшего с рисунком, отобразившимся на какой-либо детали транспортного средства; 6) не совмещается ли найденный кусочек сухой краски на месте ДТП с определенным местом отсутствия краски на автотранспорте; 7) не оставлены ли следы протектора, радиатора на теле, одежде потерпевшего данной автомашиной. Решение этого вопроса в части одежды и тела потерпевшего целесообразно проводить путем комплексной экспертизы. Для разрешения ряда вопросов на высоком научном уровне проводятся комиссионные и комплексные экспертные исследования. Необходимость производства таких исследований вполне закономерна, ибо она обусловливается сложностью и специфичностью объектов самого исследования, условиями процесса и механизма образования следов на них. Лишь при одновременном изучении и исследовании этих объектов путем применения данных медицины, трасологии, автомобильной техники имеется возможность безошибочно восстановить картину ДТП, причины, обстоятельства и факторы, способствовавшие его возникновению.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-АР (текст с изм. и доп. на 10 сентября 2011 г.). – М.: Эксмо, 2011. – 464 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Приказ МВД РФ от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etkovd.ucoz.ru/index/0-4/.
4. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2000.
5. Актуальные проблемы исследования обстоятельств дорожно-транспортных происшествий: Материалы первой международной конференции. Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы. – СПб., 2001.
6. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134.
7. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 80-85.
8. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104.
9. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113.
10. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Профилактика автотранспортных правонарушений:

некоторые вопросы теории и практики // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 46-51.
11. Байэтт Р., Уоттс Р. Расследование дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт, 1983.
12. Бурцева Е.В., Рак И.П., Селезнев А.В., Сысоев Э.В. Криминалистика: Учебник для вузов. – Тамбов: ТГТУ, 2006.
13. Вашкевич А.В., Мизанова А.Е., Козлов Е.Н. К вопросу об организации профилактической работы с водителями мототехники // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 48-52.
14. Головко В.В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2008.
15. Евтюков С.А., Васильев Я.В. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий / Под общ. ред. С.А. Евтюкова. – СПб.: ДНК, 2008.
16. Жулев В.И. Предупреждение дорожно-транспортных происшествий. – М., 1989.
17. Ипатова И.А. Криминалистика: Учебно-методическое пособие. – М.: Центр ЕАОИ, 2008.
18. Ищенко Е.П., Филиппов А.Г. Криминалистика: Учебник. – М.: Высшее образование, 2007.
19. Киселев А.А. Возможности идентификации шин транспортных средств по совокупности малоинформативных следов // Судебная экспертиза. – 2005. – №2.
20. Контор И.В. Трасология и трасологическая экспертиза. – М.: ИМЦ МВД России, 2002.
21. Коробеев А.И. Транспортные правонарушения: квалификация и ответственность. – М.: Юрид. лит., 1990.
22. Коробеев А.И. Транспортные преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
23. Лукьянов В.В. Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений: Специальные вопросы уголовного и административного права. – М., 2003.
24. Майлис Н.П. Судебная трасология: Учебник для студентов юридических вузов. – М.: Экзамен; Право и закон, 2003. – 272 с.
25. Методические рекомендации по исследованию причин ДТП с особо тяжкими последствиями. – М.: ФГУП НИИАТ, 2003.
26. Правила дорожного движения Российской Федерации. Иллюстрированное издание. – М.: Мир Автокниг, 2011. – 64 с.
27. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: Учебник. – М.: Дашков и К, 2009.
28. Суворов Ю.Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза // Судебно-экспертная оценка действий водителей и других лиц, ответственных за обеспечение безопасности дорожного движения на участках ДТП: Учеб. пособие. – М.: Экзамен, 2003.
29. Трасология и трасологическая экспертиза: Учебник. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 376 с.

НЕФЁДОВ Игорь Владимирович,
адъюнкт кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: nef78@rambler.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЙДЕРСТВА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *Автор рассматривает основания возникновения уголовно-правовой ответственности за совершение общественно опасного деяния. Он анализирует признаки состава преступления, исследует материально-формальное определение понятия преступления, общие основания криминализации рейдерства как преступного деяния.*

Изучаются понятия криминального банкротства, рейдерства, общественной опасности рейдерства и уголовной противоправности, синонимичность понятий «белое рейдерство» и «гринмэйл». В статье подробно рассматриваются угрозы экономической безопасности явлениями криминального банкротства и рейдерства.

Ключевые слова: *состав уголовно-правовой характеристики; рейдерство; преступление; криминальное банкротство; общественная опасность; ответственность; ликвидация предприятия; экономическая безопасность; угроза; государство; рейдерский захват; гринмэйл; черное рейдерство; серое рейдерство.*

NEFEDOV I.V.

THEORETICAL ISSUES RELATED TO COMPONENT CONSTITUENTS OF CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTIC OF RAIDING AS A CRIME

The summary. *In this article the author considers the grounds of criminal and legal liability of socially dangerous act, essential elements of an offence, studies the material and formal definition of crime, the common bases for criminalization of raiding as a criminal act.*

The author researches the concepts of criminal bankruptcy, raiding, social danger of raiding and criminal illegality, the synonymity of the concepts "white raiding" and "greenmail". The threats to economic security from the phenomena of criminal bankruptcy and raiding are considered in the article in detail.

Key words: *constituents of criminal and legal characteristic; raiding; crime; criminal bankruptcy; social danger; liability; closing down of business; economic security; thrat; the state; corporate raid; greenmail; black raiding; gray raiding.*

Уголовно-правовые отношения возникают в связи с совершением лицом преступления. А.П. Брагин отмечает, что «как и всякое правонарушение, уголовно-правовое отношение предполагает наличие уголовно-правовой нормы (уголовного закона), юридического факта, порождающего правоотношение субъектов, выступающих участниками правоотношения, права и обязанности его участников, начальный и конечный моменты своего существования» [5, стр. 51].

В соответствии со ст. 8 УК РФ, «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [1]. Это означает, что уголовная

ответственность возможна лишь за те действия или бездействия, которые были определены законом как преступные. Совершение общественно опасного деяния является объективным основанием уголовной ответственности, а негативное отношение к такому запрету самого преступника – ее субъективное основание.

Следовательно, функцию основания уголовной ответственности выполняет преступное деяние (даже если оно было прервано по независящим от виновного причинам на стадии приготовления или покушения). В то же время основанием уголовной ответственности может быть не любое совершенное деяние, а только такое, которое включает в себя признаки конкретного состава преступления.

Если совершенное общественно опасное деяние не подпадает под признаки ни одного состава преступления, предусмотренного уголовным законом, уголовная ответственность не допускается, что соответствует ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности. В связи с этим следует подчеркнуть, что основание уголовной ответственности обусловлено характером преступного деяния, а ее содержание и объем определяются совокупностью всех признаков соответствующего состава преступления, определяющих специфику конкретного вида преступления и его общественную опасность.

Исходя из материально-формального определения понятия преступления, данного в ч. 1 ст. 14 УК РФ, признаками преступления являются: общественная опасность, уголовная противоправность (противозаконность), виновность и наказуемость.

Общественная опасность – это материальный признак (внутреннее свойство) преступления, раскрывающий его социальную сущность, закрепленный в законе, имеющий правовое значение. Общественная опасность заключается в причинении вреда объектам уголовно-правовой охраны (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Это объективное свойство, позволяющее оценивать поведение человека с позиции определенной социальной группы, не зависит ни от воли законодателя, ни от воли органа, применяющего закон.

Общим основанием криминализации рейдерства как преступного деяния является степень его общественной опасности. Последняя, по мнению Л.А. Андреевой, заключается в следующих обстоятельствах [4]:

- отрицательные последствия развития рыночных отношений;
- последствия участия капиталов, имеющих криминальную природу и их отмыванием, в экономических отношениях;
- отрицательные последствия участия коррумпированных чиновников и сотрудников правоохранительных органов в захвате бизнеса.

Общественно опасные последствия наступают в виде ликвидации предприятия, лишения жизни и здоровья собственников бизнеса, лишения собственников бизнеса права на бизнес; причинная связь между рейдерством и его последствиями; время, место, способ, обстановка, орудие и средство совершения захвата бизнеса.

В контексте выявления общественной опасности рейдерства очень важно рассмотреть его связь с таким относительно самостоятельным, то зависимым явлением, как банкротство. Тесная связь рейдерства с банкротством четко обозначилась в 1997 – 1998 гг., когда подготовленный и принятый Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] превратил искусственное банкротство в ключевой инструмент захвата чужой собственности. Рейдеры того времени обслуживали интересы крупных корпораций разного уровня, столкнувшихся с нехваткой привлекательной государственной собственности и перешедших на захват собственности частной.

Рейдерство осуществляется криминальными приемами (в том числе связанными с заказными убийствами), которые указывают на развитие организованной преступности в сфере приватизации. Организованная преступность по своему определению не может быть созидательной. Захват собственности приводит к разорению законного собственниками, но этим не ограничиваются его негативные последствия. Рейдерство, как правило, сопровождается созданием шоковой атмосферы на предприятии, остановкой технологического процесса, втягиванием персонала в конфликт, что само по себе чревато незаконными, нередко насильственными действиями. Рейдерство и банкротство вместе представляют собой инструментарий продолжающейся криминализации экономики России легализации организованной преступности.

А.Ю. Федоров считает, что с криминологической точки зрения, криминальное банкротство – это «явление, выражающееся в преднамеренных общественно опасных противоправных действиях по искусственному созданию неплатежеспособности предприятия или его захвату, направленных на присвоение чужого имущества» [9, стр. 32].

Общественная безопасность криминального банкротства заключается в создании угроз экономической безопасности государства, общества, личности. Следует согласиться с мнением А.Ю. Кирьянова, который пишет, что «категория «экономическая безопасность», помимо характеристики экономической системы, должна охватывать следующие параметры общественной и государственной деятельности: уровень эффективности государственного и муниципального управления, различных ветвей власти и их институтов и структур, в том числе судебной власти и ее структурных подразделений» [6, стр. 14].

Криминальные банкротство и рейдерство объективно связаны с такими угрозами экономической безопасности, как [3, стр. 11]:

- повышение уровня безработицы;
- уклонение от уплаты налогов;
- увеличение коррумпированности государственных служащих и представителей судейского корпуса;
- монополизация ряда сегментов рынка;
- разрушение и спад производства;
- утрата конкурентоспособности;
- дискредитация представителей федеральной и региональной власти, правоохранительных органов и судов;
- ухудшение инвестиционного климата;
- активизация провесов отмывания денег, полученных преступным путем;
- стимулирование процессов криминальных банкротств и враждебных захватов.

Уголовная противоправность (противозаконность) является формальным признаком преступления.

Противоправность преступления характеризуется в ст. 14 УК РФ тем, что конкретные общественно опасные деяния предусмотрены в уголовном законе, другими словами – это законодательное выражение принципа «нет преступления без указания о том в законе». Этот признак также означает недопустимость (запрет) применения по российскому уголовному праву уголовного закона по аналогии, под которой понимается применение к общественно опасному деянию, ответственность за которое прямо не было предусмотрена законом в момент его совершения, к общественно опасному деянию, не предусматривающему прямую ответственность за наиболее сходное преступление.

Наказуемость как признак преступления является составной частью уголовной противоправности и выражается в угрозе применения наказания при нарушении запрета совершать те или иные общественно опасные деяния, признаки которых описаны в уголовно-правовой норме.

Глава 22 УК РФ определила виды уголовно наказуемых деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности, указаны виды преступлений, совершаемых лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность и другую деятельность экономической направленности, с рейдерством связаны 35 статей УК РФ.

Субъективную сторону рейдерства образуют вина (исключительно в форме умысла); мотив (т.е. побуждения, которыми руководствовалось лицо при совершении преступления – завладение бизнесом); цель, которую лицо преследовало при совершении преступления – завладеть бизнесом.

В отличие от УК РСФСР (ч. 1 ст. 7), где при определении преступления на первом месте стояла общественная опасность, в новом УК РФ виновность как признак преступления занимает ведущее место. Из законодательной формулировки (ч. 1 ст. 14 УК РФ) следует, что общественно опасное деяние может быть признано уголовно-противоправным лишь тогда, когда оно совершено виновно (см. ст. 24-27 УК РФ). В ч. 1 ст. 24 УК РФ понятие виновности определяется следующим образом: «Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности». Этот признак исключает проникновение в российское уголовное право объективного вменения, то есть ответственности за невиновное причинение вреда.

С точки зрения обоснования противоправности действий в случае рейдерского захвата необходимо остановиться на принимаемой некоторыми авторами классификации рейдов.

Так, например, М.И. Фаенсон отмечает, что «рейдерство может быть «белым»,

когда агрессоры действуют исключительно экономическим методами, оставаясь в правовом поле. Есть «черные» рейдеры, действующие внеэкономическими методами, нарушая закон. И есть «серый» рейд – балансирование на грани соблюдения или нарушения закона» [8, стр. 15].

Некоторые авторы подчеркивают синонимичность понятий «белое рейдерство» и «гринмэйл». И. Лысихин отмечает, что «к «белому» рейдерству относят легальный корпоративный шантаж, и характеризуется оно как получение неосновательного обогащения или получение отступных в имущественной или неимущественной форме за отказ от претензий, либо продажа своего пакета акций по завышенной цене, либо получение таких выгод и преимуществ, которые не могут быть получены законно при существующих условиях хозяйственного оборота» [7].

Однако, необходимо отметить, что в определении И. Лысихина априори содержится ссылка на незаконную природу такого шантажа. В связи с этим данное определение противоречит предложенному рядом авторов делению рейдов на «белые», «серые» и «черные». Кроме того, словосочетание «легальный корпоративный шантаж» также является противоречивым с точки зрения понятий «легальность», отражающей правовую природу явления, и понятия «шантаж», фактически характеризующее криминальное явление.

В связи с вышесказанным, такое деление рейдов на «белые», «серые» и «черные», на взгляд автора, противоречит самому определению понятия «рейдерство», в котором изначально усматриваются признаки противоправности действий. Таким образом, так называемых «белых» рейдерских захватов не может быть по определению. Данные действия есть не что иное, как сделки по слиянию и поглощению компаний, не выходящие за рамки гражданского законодательства.

Понятие так называемого – «серого» рейда формально повторяет признаки, присущие «белому» рейду. Существует всего два полюса законности: «законно» или «незаконно». Так называемый «баланс на грани законности» – понятие абстрактное, не содержащее под собой материальных оснований, подкрепленных положениями законодательства. Оправданием признания такого вида рейда является успешность использования рейдерами лазеек в действующем законодательстве. Однако, с формальной точки зрения отсутствие состава преступления в подобных случаях свидетельствует о законности «серых» рейдов, которые также можно называть поглощениями (дружественными либо недружественными в зависимости от воли собственника).

В результате можно придти к выводу, что рейдерский захват по умолчанию является так называемым «черным», поскольку содержит, в отличие от недружественного поглощения, признаки состава преступления, позволяющие относить его к преступному деянию. В данных обстоятельствах основная масса нерешенных проблем и существующих пробелов в действующем законодательстве, в частности уголовном, приходится на вопросы квалификации данного преступления.

Таким образом, рейдерство признается преступлением, так как оно общественно опасно, совершенно виновно и определено как конкретное преступление, то есть состав преступления отражает виновность, уголовную противоправность и общественную опасность деяния.

В результате представленного анализа понятийного аппарата рейдерства и сопутствующих явлений в целях четкого разграничения понятий и исключения неоднозначности применения законодательства об ответственности в данной работе предлагается употреблять термин «рейдерство» исключительно для обозначения неправомерного (преступного) уголовно-наказуемого действия.

Кроме того, с учетом выявления признаков преступления предлагается следующее определение рейдерства с уголовно-правовой точки зрения.

Рейдерство представляет собой общественно опасное, виновно совершенное и уголовно противоправное деяние, направленное на завладение собственностью (компанией или активами компании) вопреки воле собственника (собственников) этой компании или актива, влекущее за собой общественно опасные последствия.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
3. Акимов В.А. Оценка и прогноз стратегических рисков России: теория и практика // Право и безопасность. – 2004. – № 1.
4. Андреева Л.А. Рейдерство (уголовный и уголовно-процессуальный аспекты) // Российское право в Интернете. – № 2010 (04) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rpi.msal.ru/prints/201004_41andreeva.html
5. Брагин А.П. Российское уголовное право: Учебно-методический комплекс. – М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008.
6. Кирьянов А.Ю. Экономическая безопасность как особое направление обеспечения региональной безопасности в современном Российском государстве // Адвокатская практика. – 2006. – № 11.
7. Лысихин И. Все начатое дурно пахнет злом // Российская газета. – 2004. 29 апреля.
8. Фаенсон М.И. Рейдерство (недружественный захват предприятий): практика современной России. – М.: Альфа-Пресс, 2007.
9. Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия): Монография. – М.: Волтерс Клувер, 2010.

ШУЛЕПОВ Илья Николаевич,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета
E-mail: shulepov.in@inbox.ru
Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ НЕИСПОЛНЕНИИ ПРИКАЗА ИЛИ РАСПОРЯЖЕНИЯ

Аннотация. *В статье автор характеризует уголовно-правовые последствия причинения вреда при неисполнении приказа. Раскрывает сущность и понятия причинения вреда, незаконного приказа, неповиновения и понятия «реализация принципа законности».*

В работе исследуется законность приказов и распоряжений с точки зрения их соответствия законам. Автор рассматривает общественную опасность неисполнения приказа в условиях военной службы, исследует содержание элементов состава преступления, предусмотренного статьей 332 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Проведен подробный анализ повышенной общественной опасности открытого отказа от исполнения приказа, рассмотрен вопрос об уголовно-правовом значении формы неисполнения приказа и ненадлежащего выполнения подчиненным требования начальника.

Ключевые слова: *неисполнение приказа; вред; приказ; последствия; ответственность; законность приказа; распоряжение; закон; военная служба; уголовная ответственность; преступление; неповиновение; наказание; деяние; опасное действие.*

SHULEPOV I.N.

CRIMINAL AND LEGAL CONSEQUENCES OF HARM-DOING UNDER NON-EXECUTION OF ORDER OR INSTRUCTION

The summary. *In this article the author characterizes the criminal and legal consequences of harm-doing at the non-execution of order. The essence and concept of harm-doing, unlawful order, disobedience and the concept of "implementation of the principle of legality" are revealed.*

The article studies the legality of orders and instructions with respect to their compliance with applicable laws. The author considers the social danger of non-execution of order under conditions of military service, does research into the content of the elements of crime provided by Article 322 of the Criminal Code.

In addition the article provides a detailed analysis of the heightened social danger of open refusal to perform the order, considers the issue of criminal-and-legal bearing of the form of non-execution of order and improper performance of the chief' requirements by the subordinate.

Key words: *non-execution of order; harm; order; consequences; responsibility; legality of order; instruction; law; military service; criminal responsibility; crime; disobedience; punishment; act; dangerous act.*

Охраняемым уголовным законом интересам может быть причинен вред как исполнением приказа или распоряжения, так и их неисполнением. Эти две формы поведения тесно связаны между собой, поскольку осуществляются они в сфере взаимодействия начальников и подчиненных, где одни вправе издавать приказы и распоряжения, а другие обязаны их выполнять. Кроме того, и в первом, и во втором случаях надлежит давать уголовно-правовую оценку фактически одним и тем же обстоятельствам, в частности, законности приказа или распоряжения,

порядку их доведения до подчиненных, виду и размеру причиненного вреда, должностному положению начальника, пределам его полномочий на отдание приказов и распоряжений и т. д.

Уголовным законом причинение вреда при неисполнении подчиненным приказа или распоряжения начальника оценивается двояко:

а) неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность (ч. 2 ст. 42 УК);
б) неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке, причинившее существенный вред интересам службы, рассматривается как преступление (ст. 332 УК).

Значительную сложность в этой части представляет вопрос о том, какие приказы и распоряжения следует считать незаконными, а какие – отданными в установленном порядке, так как ни один нормативно-правовой акт не содержит соответствующих дефиниций*.

По логике, незаконным является приказ, не отвечающий требованиям законности. При определении законности приказа или распоряжения необходимо исходить из традиционной общей концепция законности, сущность которой заключается в строгом и неуклонном соблюдении и исполнении всеми субъектами права действующего законодательства. С точки зрения функциональной роли законность рассматривается как принцип, как метод осуществления власти, как режим общественной жизни, как система требований, предъявляемых к личности и органам власти [5, стр. 513-534; 15, стр. 5-6; 35, стр. 511-518].

Однако сами по себе правовые нормы и принципы являются лишь выражением абстрактной возможности и долженствования к действительному поведению субъектов, а поэтому реальное содержание регулятивных свойств может проявиться лишь через процесс их реализации. Без осуществления права, без наполнения его норм живым практическим содержанием, связанным с исполнением субъектами права его предписаний, теряется значение правового регулирования общественных отношений. Только реализация правовых предписаний в практической деятельности позволяет достигнуть того результата, к которому стремятся создатели правовых норм и который, по их мнению, должен привести к определяемой этой нормой полезной цели [20, стр. 387]. Многими авторами справедливо используется понятие «реализация принципа законности», в том числе в работах по уголовному праву [21; 25; 29].

Исходя из буквального толкования правовых норм, отдельные советские авторы под законностью приказов и распоряжений понимали их соответствие только одной категории нормативно-правовых актов – законам [1, стр. 19-20].

Иногда и в современной литературе критериями законности приказа или распоряжения также именуются их не противоречие закону по форме и по существу, а также его направленность на достижение цели закона [34, стр. 39].

Такой взгляд на законность приказа или распоряжения является довольно узким. Требования законности могут быть сформулированы также в подзаконных актах, провозглашаться официальными властями или выражаться как-то иначе**. Так, в законность приказа следует также включать его соответствие подзаконным актам, а также решениям, принимаемым вышестоящими органами в соответствии с нормативно-правовыми актами.

В.Н. Сидоренко, обосновывая включение в содержание законности приказа его соответствие иным правовым актам, отмечает, что УК, например, основывается, помимо Конституции РФ, на общепризнанных принципах и нормах международного права, которые не являются законами в собственном смысле этого слова, но должны применяться приоритетно при наличии коллизии с национальным законодательством [31].

По мнению А.Ю. Девятко, в условиях военной службы законным следует признавать такой приказ, который отдан соответствующим (легитимным) лицом, с соблюдением установленной формы и в связи с исполнением обязанностей военной службы [16, стр. 50].

Основываясь на точке зрения, изложенной В.Н. Сидоренко, необходимо заключить, что к объективным критериям законности приказа относятся:

1) наличие отношений подчиненности, обуславливающих круг:
а) лиц, отдающих приказ;
б) лиц, исполняющих приказ;
в) отношений, которые могут регулироваться приказом;
2) обязательность формы, а также процедуры

или условий отдачи (издания) приказа, если это имеет существенное значение;

3) соответствие (не противоречие) приказа законам, другим нормативно-правовым актам, а также приказам вышестоящих командиров (начальников) по содержанию, цели и средствам исполнения приказа [32, стр. 76].

Если хотя бы один из указанных критериев отсутствует, законность приказа или распоряжения может быть поставлена под сомнение и, как следствие, они могут быть признаны необязательным для исполнения.

УК, устанавливая уголовно-правовые последствия неисполнения незаконных приказа или распоряжения, вводит дополнительный критерий – осознание подчиненным их незаконности. Установлено, что неисполнение только заведомо незаконных приказов и распоряжений исключает уголовную ответственность. Следовательно, если, к примеру, военнослужащий не исполнил незаконный приказ командира (начальника), не сознавая его незаконности, он, при наличии других элементов состава преступления, может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 332 УК. Однако это противоречит не только здравому смыслу, но и положением ст. 332 УК.

В соответствии со ст. 332 УК наказуемо неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке. Приказ признается отданным в установленном порядке при наличии следующих обязательных условий: 1) он соответствует законам и другим нормативным правовым актам (по содержанию, цели и средствам исполнения); 2) требования, содержащиеся в приказе, связаны с военной службой; соблюдены форма, условия и порядок (процедура) отдачи приказа [18, стр. 121]. При отсутствии хотя бы одного из названных условий, приказ будет являться незаконным и, как следствие, необязательным для исполнения подчиненным, даже если тот не сознавал его несоответствия законам и другим нормативным правовым актам.

При этом необходимо учитывать, что в условиях военной службы неисполнение приказа представляет повышенную общественную опасность, создает угрозу для установленного законами и воинскими уставами порядка воинской подчиненности [9, стр. 154-155]. Порядок подчиненности пронизывает всю систему организации войск и призван обеспечить проведение в жизнь принципа единоначалия в Вооруженных Силах. В других сферах жизнедеятельности приказы не имеют такой юридической силы, поэтому уголовная ответственность за неисполнения приказа уставлена только для военнослужащих, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также для граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

В свете изложенного представляется целесообразным в ч. 2 ст. 42 УК из предложения «Неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность» слово «заведомо» исключить.

Важно уяснить содержание элементов состава преступления, предусмотренного ст. 332 УК, поскольку, как представляется, и в некоторых других сферах деятельности, в частности, в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, неисполнение обязательного приказа, повлекшее существенный вред, имеет определенные перспективы криминализации (установления уголовной ответственности).

В теории военно-уголовного права и судебной практике возникают трудности при определении объективной стороны неисполнения приказа. Вызвано это, прежде всего, тем, что в законе признаки самого деяния определены предельно лаконично, как «неисполнение приказа начальника, отданного в установленном порядке». Сознавая, что законодательно признаки «неисполнения» определить довольно сложно ввиду их многообразия, полагаем, тем не менее, что объективная необходимость их анализа и формализации существует. Это имеет значение как для соблюдения законности в практике применения уголовного закона, так и для выработки теоретических рекомендаций по дальнейшему совершенствованию уголовно-правовых норм.

Наиболее известной формой совершения рассматриваемого преступления является неповиновение, которое в советское время и даже позже определялось недостаточно четко – как открытый отказ от исполнения приказа, а равно иное умышленное неисполнение приказа [27, стр. 846]. Такая трактовка неповиновения была закреплена непосредственно в статьях уголовного закона***.

Унификация состава рассматриваемого преступления размывала границы опасных и

менее опасных форм неисполнения приказа, ориентировала военные трибуналы на ужесточение наказания, поскольку всякое умышленное неисполнение приказа квалифицировалось как неповиновение.

В литературе предпринимались попытки разрушить такую практику, обосновать, что понятие неповиновения охватывает лишь открытый отказ от исполнения приказа начальника, а иное умышленное неисполнение приказа является самостоятельным, менее опасным видом неисполнения приказа [11, стр. 85]. Однако такое мнение не получило поддержки. «Из того, что открытый отказ от исполнения приказа по своим юридическим признакам отличается от иного умышленного неисполнения приказа, – писал Е.В. Прокопович, – вовсе не следует, что эти деяния не охватываются более широким понятием (неповиновением – И.Ш.), являющимся родовым по отношению к открытому отказу, а также иному умышленному неисполнению приказа» [33, стр. 126].

Современный российский законодатель, не найдя приемлемой законодательной конструкции при формировании ст. 332 УК, отказался от какой-либо детализации форм неисполнения приказа, предоставив возможность суду самому производить оценку общественной опасности той или иной формы неисполнения приказа, индивидуализируя наказание. Х.М. Ахметшин и А.А. Тер-Акопов, участвовавшие в подготовке одного из проектов УК, предлагали дифференцировать ответственность за неисполнение приказа с учетом способа его совершения [29, стр. 272], однако их точка зрения не была поддержана.

Попытки закрепить непосредственно в уголовно-правовых нормах способы неисполнения приказа ранее предпринимались неоднократно. Наиболее опасным из них признавался открытый отказ от исполнения приказа начальника, то есть неповиновение. Выделялось неповиновение, совершенное при отягчающих обстоятельствах (группой лиц, в военное время или в боевой обстановке, повлекшее тяжкие последствия).

О повышенной общественной опасности открытого отказа от исполнения приказа указывал еще С.А. Друцкой, отмечая, что неповиновение характеризуется «большей решимостью виновного» [17, стр. 3]. Это же обстоятельство было отмечено в трудах В.М. Чхиквадзе и М.И. Савицкого [37, стр. 40].

Несмотря на то, что в УК неповиновение, как способ совершения неисполнения приказа начальника, отражения не нашло, военные суды нередко используют в приговорах формулировки, характеризующие этот признак объективной стороны состава преступления, указывая, что подсудимый «открыто отказался от исполнения приказа».

В.Н. Сидоренко считает, что выделение неповиновения при материальной конструкции ст. 332 УК породило бы серьезные практические проблемы, поскольку в настоящее время неисполнение приказа начальника уголовно наказуемо лишь в случае, если оно повлекло за собой причинение существенного вреда интересам службы. При обозначении неповиновения в указанной статье УК суды, по его мнению, были бы ориентированы на способ совершения преступления, а не на причиненный вред [32].

Точка зрения В.Н. Сидоренко представляется неубедительной. Открытый отказ от исполнения приказа – наиболее дерзкая форма совершения преступления против военной службы, демонстрирующая противопоставление своей воли воле командира, наделенного властными полномочиями государством. Это может породить неорганизованность и беспорядок в войсках, затруднить выполнение стоящих перед ними задач, отрицательно сказаться на состоянии воинской дисциплины.

На наш взгляд, последствия неповиновения всегда сопряжены с причинением существенного вреда интересам службы, даже если материальный ущерб незначителен или вообще отсутствует. Ведь чаще всего неповиновение проявляется в причинении нематериального вреда – подрыве авторитета командира (начальника), снижении уровня воинской дисциплины, срыве выполнения боевых (учебно-боевых) задач либо важных мероприятий распорядка дня (организационный вред), нарушении прав и свобод личности, прежде всего конституционных (социальный вред) [19, стр. 124].

Нельзя согласиться, что любое умышленное неисполнение приказа обладает той же степенью общественной опасности, что и неповиновение, а поэтому нет необходимости в его законодательном обособлении [37, стр. 341]. «Скрытый» способ совершения исследуемого преступления, публично не демонстрирующий

пренебрежение к установленным правилам воинской подчиненности, не таит в себе столь разрушительной для воинского правопорядка силы, как неповиновение. Подчиненный, принимая приказ к исполнению, но в силу каких-то объективных или субъективных обстоятельств не выполняющий его предписаний, не всегда, если основываться на причинах его такого поведения, представляет собой злостного нарушителя.

Избранный способ совершения преступления имеет значение не только для индивидуализации, но и для дифференциации ответственности. Совершение преступления более опасным способом свидетельствует о криминальных наклонностях и нравственной запущенности виновного [2, стр. 5]. Так, способ завладения чужим имуществом положен в основу разграничения различных форм хищений между собой [14, стр. 17]. При этом открытый характер завладения чужим имуществом признается более опасным. Максимальное наказание за кражу (тайное хищение) без квалифицирующих признаков установлено в пределах до 2 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 158 УК), а за такой же грабеж (открытое хищение) – до 4 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 161 УК).

Рассмотрев вопрос об уголовно-правовом значении формы неисполнения приказа, можно сделать вывод, что преступление, квалифицируемое по чч.1 и 2 ст. 332 УК, может быть совершено путем:

а) открытого отказа от исполнения приказа (неповиновение). Получив приказ начальника, военнослужащий в категорической форме заявляет или иным образом демонстрирует, что он выполнять приказ не будет;
б) иного умышленного неисполнения приказа лицом, которое внешне принимает приказ начальника к исполнению, но в действительности сознательно его не исполняет. Решение о неисполнении приказа может возникнуть у виновного в момент получения приказа или позднее.

При этом необходимо признать, что деяния, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 332 УК, могут быть совершены с прямым или косвенным умыслом [9, стр. 156-157].

Отдельные авторы, анализируя закон, полагают, что в чч. 1 и 2 ст. 332 УК вина может быть как умышленной, так и неосторожной [18, стр. 131]. Утверждается, что с объективной стороны неповиновение и иное неисполнение приказа имеют одинаковое проявление как при умышленном, так и при неосторожном неисполнении приказа, поэтому в диспозиции ст. 332 УК нет упоминания о способах совершения преступления и формах вины [32].

В обоснование данной точки зрения приводится норма, закрепленная в ч. 2 ст. 24 УК (в редакции Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ), согласно которой если форма вины в статье не указана, значит, преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности [18].

На наш взгляд, чтобы подчеркнуть умышленный характер деяний, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 332 УК, законодатель специально выделил состав неосторожного преступления в ч. 3 ст. 332 УК, установив наказание за неисполнение приказа вследствие небрежного либо недобросовестного отношения к службе. Наказуемым по ч. 3 ст. 332 УК является преступление, связанное с забывчивостью, невнимательностью и т.п. Совершение данного преступления возможно как по легкомыслию, так и по небрежности [22, стр. 1064; 24, стр. 821; 30, стр. 95].

Во избежание ошибок при применении ст. 332 УК на практике, а также для устранения противоречий при толковании ее содержания, представляется целесообразным в диспозиции ч. 1 ст. 332 УК указать на умышленный характер неисполнения подчиненным приказа начальника.

Характеризуя неисполнение приказа как деяние, различные авторы по-разному определяли его содержание. Одни из них утверждали, что такое деяние может осуществляться только путем бездействия [6, стр. 71; 3, стр. 235]. Другие – определяли неисполнение приказа как невыполнение либо ненадлежащее выполнение требования, содержащегося в приказе, которое может проявляться как в действии, так и в бездействии [4].

Безусловно, анализируемое преступление совершается, в основном, в форме бездействия, то есть, в несовершении действий, предписанных приказом (заступить в суточный наряд, произвести работы по уборке территории, подготовке боевой техники к предстоящему учению и т. п.).

Общественно опасное действие при неисполнении приказа встречается реже, чем бездействие. Чаще всего оно представляет

собой действия, запрещенное приказом (например, не разжигать костер в целях маскировки местонахождения подразделения, не уходить с определенного места на отдыхе в целях обеспечения мобильности передвижения разведгруппы и т. п.).

С объективной стороны общественно опасное деяние, квалифицируемое как неисполнение приказа, может приобретать различные черты. В частности, оно может выразиться:

а) в невыполнении действий, предписанных приказом;
б) в совершении действий, запрещенных приказом;
в) в ненадлежащем исполнение приказа, в том числе с отступлением от его предписаний о времени, месте и характере совершаемых действий [7, стр. 113; 10, стр. 70; 26, стр. 688-689; 27, стр. 846-847].

Особого внимания заслуживает вопрос о ненадлежащем выполнении подчиненным требования начальника. Х.М. Ахметшин относит такое поведение к формам неисполнения приказа [22, стр. 820]. Эту позицию разделяют другие авторы [13, стр. 66]. Действительно, исполнение не в полном объеме требований приказа при возможности его исполнения надлежащим образом, причинившее по этой причине вред охраняемым уголовным законом интересам, требует уголовно-правовой квалификации. Однако пока законодательно этот вопрос не урегулирован, не имеется, на наш взгляд, юридических оснований приравнивать к неисполнению приказа ненадлежащее его исполнение. В связи с этим в тексте диспозиции ст. 332 УК необходимо указать не только на неисполнение, но и на ненадлежащее исполнение подчиненным приказа начальника.

Обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 332 УК, является общественно опасное последствие в виде причинения существенного вреда интересам службы.

Материальная конструкция основного состава неисполнения приказа является новеллой, направленной на отграничение уголовно наказуемого неисполнения приказа от аналогичных дисциплинарных проступков (пререкания, неисполнение приказов о соблюдении формы одежды, правил отдания воинской чести, постановки в строй) [22, стр. 821].

Однако на практике определение вреда при неисполнении приказа сопряжено с рядом трудностей, поскольку категория «существенный вред» носит оценочный характер и в каждом конкретном случае может иметь специфическое содержание. В литературе предложено оценивать «существенный вред интересам службы» аналогично тем подходам, которые сложились к пониманию последствий в «служебных преступлениях»****.

Существенный вред применительно к ч. 1 ст. 332 УК может выражаться как в материальном, так и нематериальном ущербе. В частности, в понятие материального существенного вреда следует рассматривать причинение ущерба военному имуществу в значительном размере*****, а также причинение физического вреда военнослужащим (вплоть до умышленного причинения легкого вреда здоровью).

В качестве нематериального проявления существенного вреда интересам службы могут признаваться:

- серьезные нарушения распорядка дня в подразделении, части, в том числе срыв плановых мероприятий по обучению личного состава, обслуживанию боевой техники и др.;
- затруднение выполнения конкретных учебных и боевых задач;
- создание негативной морально-психологическая обстановки в подразделении, мешающей выполнению возложенных на подразделение задач;
- нарушение законных прав военнослужащих, в том числе в виде увеличения нагрузки на других военнослужащих, исполнения общих и специальных обязанностей другими военнослужащими вместо виновного и др.;
- оставление личного состава подразделения без какого-либо вида обязательного обеспечения или довольствия;
- подрыв или снижение авторитета командования конкретного подразделения (части);
- существенное снижение уровня воинской дисциплины в воинской части (подразделении) и т. п.

Поскольку практически все перечисленные признаки вреда носят оценочный характер, в судебной практике одни и те же последствия в одних случаях признаются в качестве существенного вреда, а в других – нет. В ряде случаев суды ограничиваются констатацией

причинения существенного вреда интересам службы, не раскрывая его содержание.

Для преодоления выявленных противоречий следует поддержать ученых, предлагающих внести изменения в законодательную конструкцию ст. 332 УК путем возврата к формальному составу основного состава и указать, как уже отмечалось, на его умышленный характер [31; 38].

Части 2 и 3 ст. 332 УК предусматривают в качестве конструктивного признака состава преступления причинение тяжких последствий. Тяжкие последствия при неисполнении приказа могут выражаться в тех же формах, что и существенный вред интересам службы, однако отличаются от него большим размером наступившего вреда. В литературе и на практике тяжкими последствиями неисполнения приказа признаются:

- срыв мероприятий по обеспечению постоянной боевой готовности;
- существенное снижение боеготовности и боеспособности воинской части (подразделения);
- срыв выполнения боевой задачи или операции;
- причинение крупного материального ущерба;
- уничтожение или вывод из строя боевой техники;
- утрата оружия и боевой техники;
- причинение физического вреда военнослужащим или иным гражданам (гибель людей, причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью человека, причинение легкого вреда здоровью нескольким лицам) [4, стр. 27; 10; 11; 27].

При отсутствии существенного вреда, действующее законодательство позволяет расценивать некоторые случаи неисполнения приказа в качестве дисциплинарных проступков.

Примечания

* В тексте ч. 1 ст. 42 УК используется также категория так называемых обязательных для лица приказа или распоряжения, отвечающих требованиям законности и отданных в установленном порядке.

** Принцип законности накладывают определенные требования на характер самих нормативно-правовых актов. Возможны «законодательные акты, нарушающие принципы правозаконности» [36, стр. 112].

*** П. «а» ст. 2 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г.; п. «а» ст. 238 УК РСФСР 1960 г.

**** В частности, к существенному вреду в рамках данных преступлений принято относить нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина, материальные убытки в виде реального материального ущерба и упущенной выгоды, физический вред, создание серьезных сбоев и помех в работе государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, подрыв авторитета органов государственной власти и местного самоуправления, сокрытие и попустительство серьезных преступлений и т. п. [12, стр. 143-144].

***** Применительно к содержанию значительного размера в рамках неисполнения приказа, предусмотренного в ч. 1 ст. 332 УК РФ, по нашему мнению, следует руководствоваться понятием крупного ущерба, определенного в примечании к ст. 293 УК РФ, и превышающего сто тысяч рублей.

Список литературы

1. Административное право: Учебник для юридических институтов и факультетов. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946.
2. Атальянц М.А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
3. Бойко А.И. Преступное бездействие. – СПб., 2003.
4. Бражник Ф.С. Преступления против военной службы. Учебное пособие. – М., 1999.
5. Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993.
6. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации. Специальный курс: Учебное пособие. – М., 2004.
7. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: Научно-практический комментарий. Серия: Право в Вооруженных Силах – консультант / Под общ. ред. Н.А. Петухова. – М., 2004.

8. Военно-уголовное право: Учебник. – М., 2008.
9. Военно-уголовное право: Учебник. Серия: Право в Вооруженных Силах – консультант. – М., 2008.
10. Воинские преступления. – М., 1956.
11. Воинские преступления: Учебник. – М., 1970.
12. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М., 2000.
13. Волков А.Е. Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004.
14. Галаганов А.А. Уголовно-правовая характеристика способов совершения хищений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2011.
15. Горшенев В.М. Законность как достояние правового государства // Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения. – Волгоград, 1991.
16. Девятко А.Ю. Исполнение приказа или распоряжения военнослужащими как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
17. Друцкой С.А. Причины невменения в военно-уголовном праве. – Варшава, 1902.
18. Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: Монография. Серия: Право в Вооруженных Силах – консультант. – М., 2009.
19. Зателепин О.К. Состав преступления против военной службы. Субъективная сторона преступления (комментарий к ст. 331 УК РФ) // Военно-уголовное право. – 2002. – № 11-12.
20. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Юрид. лит., 1972.
21. Кияйкин Д.В. Уголовно-правовой принцип законности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
23. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1996.
24. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. – М., 2001.
25. Кораблев Р.Н. Принцип законности и его реализация в уголовном праве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
26. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. – М., 1959.
27. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. – М., 2005.
28. Олейник О.В. Принцип законности и гарантии его реализации в уголовном праве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003.
29. Преступление и наказание: Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, А.В. Наумова. – М., 1993.
30. Преступления против военной службы. Учебное пособие по дисциплине «Уголовное право Российской Федерации» / Под ред. А.А. Толкаченко. – М., 2001.
31. Сидоренко В.Н. К вопросу о последствиях неисполнения приказа (статья 332 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах. – 2007. – № 7.
32. Сидоренко В.Н. Уголовная ответственность военнослужащих за неисполнение приказа. – М.: За права военнослужащих, 2009.
33. Советское уголовное право. Воинские преступления. – М., 1978.
34. Соломоненко И.Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение в деятельности органов внутренних дел: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1999.
35. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997.
36. Хайек Ф.А. фон, Дорога к рабству: Пер. с англ. / Предисл. Н.Я. Петракова. – М.: Экономика, 1992.
37. Чхиквадзе В.М. Советское военно-уголовное право. – М., 1948.
38. Шулепов Н.А. Уголовно-правовые последствия неисполнения военнослужащими приказа по законодательству современных государств // Военно-уголовное право. – 2003. – № 9-10.

МАЛУЕВА Елена Сергеевна,
адъюнкт кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: elena1309@list.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Аннотация. *Автором рассмотрены некоторые особенности преступлений, связанных с хищением средств государственных внебюджетных фондов, имеющие значение при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений указанной категории.*

Ключевые слова: *внебюджетные фонды; особенности преступлений, связанных с хищением средств государственных внебюджетных фонов; хищение.*

MALUEVA E.S.

SOME FEATURES OF CRIMES RELATED TO THE THEFT OF FINANCIAL ASSETS BELONGING TO THE STATE NON-BUDGETARY FUNDS

The summary. *The author considers some features of crimes related to the theft of financial assets belonging to the state non-budgetary funds which are of significance at detection, clearance and investigation of crimes within the specified category.*

Key words: *non-budgetary funds; some features of crimes related to the theft of financial assets belonging to the state non-budgetary fund; theft.*

В последние годы особую остроту приобретает угроза криминализации общественных отношений, складывающихся в сфере социального обеспечения населения страны. Преступления, совершаемые в данной сфере, причиняют не только ущерб экономике страны, но, прежде всего, затрагивают и нарушают права и интересы отдельных категорий граждан, наиболее нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства.

Практика последних лет показывает, что хищения средств государственных внебюджетных фондов приобретают особый размах, используются различные способы и схемы хищения этих средств с использованием служебного положения, в совершение преступных действий вовлекаются также иные лица (банковские работники, сотрудники различных фирм-контрагентов, иные физические лица, способствующие совершению преступления). Как отмечает Е.С. Леханова: «Тревожной тенденцией последних лет является появление новых способов хищений бюджетных средств, совершаемых в процессе или под видом их целевого использования» [4]. Это относится и к способам хищения средств государственных внебюджетных фондов, и такая тенденция сохраняется и в настоящее время. Преступники придумывают все новые и новые способы хищения государственных средств, поэтому их выявление возможно лишь посредством оперативно-розыскной деятельности, основная задача которой по рассматриваемой категории дел – выяснить схему совершения преступлений.

Опыт расследования уголовных дел данной категории незначителен. Правоохранительные органы испытывают сложности в выявлении и расследовании таких преступных посягательств ввиду их высокой латентности.

Преступления, связанные с хищением средств государственных внебюджетных фондов, имеют следующие некоторые особенности, определяющие специфику преступлений данной категории:

1. Преступления, связанные с хищением средств государственных социальных внебюджетных фондов могут совершаться на федеральном, региональном уровнях или на уровне муниципальных образований.

2. Преступления указанной категории совершаются системно, зачастую средства соответствующего фонда похищаются небольшими суммами на протяжении длительного промежутка времени, как правило, сотрудником (сотрудниками) фонда или лицом, имеющим доступ к базам данных фонда.

3. В большинстве случаев при хищении средств социальных внебюджетных фондов используются типовые схемы совершения хищений.

4. Хищение средств фонда в крупном размере, как правило, совершается группой лиц по предварительному сговору или организованной преступной группой, при хищении в небольших размерах – в одиночку.

5. Хищения средств фонда в значительных размерах в силу их явности и очевидности носят разовый характер, после чего преступники пытаются скрыться. При этом в совершение преступления вовлекаются банковские работники, похищенные средства неоднократно перечисляются на счета подставных фирм, а затем – в оффшорные зоны на счета виновных лиц.

6. Хищения средств фонда совершаются в большинстве случаев в рабочее время в офисах банковских учреждений или в помещениях самих фондов.

7. Хищения средств указанных фондов, как правило, совершается путем мошенничества, при этом зачастую в преступную схему вовлекаются сотрудники соответствующих фондов.

8. В последние годы наблюдается тенденция к усложнению способов совершения хищений средств государственных внебюджетных фондов, активному использованию при этом поддельных документов, подставных граждан и юридических лиц, использованию коррупционных связей и хищений крупных денежных сумм.

9. Нередко при совершении хищений средств социальных внебюджетных фондов используются новейшие достижения техники.

10. Факт преступного деяния отражается документально, что способствует при расследовании преступлений указанной категории более конкретному установлению времени, места совершения преступления и изобличению виновных лиц.

11. Совершению преступлений указанной категории зачастую способствует отсутствие должного контроля со стороны финансовых контролирующих органов.

Таким образом, возрастание числа преступлений, совершаемых в социальной сфере, обусловливает необходимость изучения преступлений, связанных с хищением средств государственных внебюджетных фондов, разработки методик выявления данного вида хищений и применения их в практических целях.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. №145-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.
4. Леханова Е.С. Методика проведения проверок и ревизий по выявлению и документированию нецелевого использования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: Научно-практические рекомендации. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО.

ЗУЕВА Анна Сергеевна,
старший преподаватель кафедры финансов и экономического анализа Московского университета МВД России,
кандидат экономических наук
E-mail: zueva123@yandex.ru

Специальность 12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ НЕЗАКОННЫМ ПУТЕМ, НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Аннотация. *В результате анализа научных работ и отчетов правоохранительных органов, содержащих сведения о легализации доходов, полученных преступным путем на рынке ценных бумаг, автором приведены типовые схемы отмывания преступного дохода на фондовом рынке. В статье рассмотрены и схематично изображены следующие способы легализации преступных доходов на рынке ценных бумаг: с использованием операций с банковскими векселями; незаконный вывод капитала за рубеж и отмывание денежных средств через фиктивные сделки по купле-продаже ценных бумаг; предоставления необоснованного преимущества по государственному контракту и завышения стоимости контракта, некоторые иные.*

Ключевые слова: *рынок ценных бумаг; легализация; инвестиции; вексель.*

ZUEVA A.S.

LEGALIZATION OF INCOMES GAINED ILLEGALLY IN THE MARKET OF SECURITIES

The summary. *As a result of the analysis of scientific papers and reports of law-enforcement agencies containing the information on legalization of incomes gained illegally in the market of securities the author give typical schemes for laundering of criminal income in the stock market. The following ways of legalization of criminal incomes in the market of securities are considered and schematically shown in the article: using operations with bank bills; illegal export of capital abroad and money laundering through simulated transactions of buying and selling of stocks; providing of an unjustified advantage under government contract and overrating of contact cost and others.*

Key words: *securities market; legalization; investments; bank bill.*

В пост кризисный период в рынок ценных бумаг направлены крупные финансовые потоки, что неизбежно влечет за собой активизацию деятельности криминальных структур по легализации доходов, полученных преступным путем.

Для фондового рынка в целом характерна легкость, с которой может проходить торговля ценными бумагами в современных условиях (например, электронные торги) и возможность проводить трансакции на рынках, практически «не признающих» национальные границы стран.

Эти характеристики делают фондовые операции привлекательным механизмом для отмывания денег из криминальных источников.

Поэтому ценные бумаги широко используются для легализации доходов, полученных незаконным путем. Существуют различные схемы легализации денежных средств с использованием ценных бумаг.

Данный тип схем легализации (отмывания) преступного дохода основан на использовании только внутринациональных финансовых потоков. Основным инструментом рынка капиталов в данном типе финансовых схем выступает ценная бумага (акция, облигация, долговое обязательство, производная ценная бумага – фьючерс, опцион и т. п.). Фальсифицируется цель деятельности профучастника на рынке ценных бумаг. Единственным признаком подозрительности могут служить лишь кассовые операции клиента при вводе наличных денежных средств для операций с ценными бумагами или кассовые операции при осуществлении расчетов клиента с профучастником (возврат суммы финансовой поддержки – «плеча»).

Нелегальные денежные средства, отмываемые через рынок ценных бумаг, могут быть сформированы как вне рынка, так и внутри его. Для преступных фондов, образованных вне рынка, движение ценных бумаг применяется как механизм сокрытия источников этих фондов. В ходе преступных действий внутри рынка таких, как манипулирование ценами, присвоение, кража, растрата фондов, использование инсайдерской информации в своих целях, средства полученные преступниками в дальнейшем должны быть легализованы [5].

Проводить анализ легализации доходов через рынок ценных бумаг довольно затруднительно по причине отсутствия достаточной информации. Хотя профессиональные участники фондового рынка и обязаны сообщать о подозрительных трансакциях, их отчеты зачастую не соответствуют реальному объему рынка.

В результате проведенного анализа практики совершения операций по легализации денежных средств на рынке ценных бумаг следует выделить типовые схемы отмывания преступного дохода на рынке ценных бумаг (Таблица 1).

Таблица 1

Типовые схемы отмывания преступного дохода на рынке ценных бумаг

№	Наименование схемы	Характерные признаки легализации
1	Легализация преступных доходов, полученных в форме наличных денежных средств, с использованием операций с банковскими векселями	Малый период от момента покупки векселя первым векселедержателем до его предъявления к оплате последним векселедержателем и отсутствие экономического смысла во всех операциях с векселями. Такая схема легализации преступного дохода может быть выявлена только службой внутреннего контроля банка в момент предъявления векселя к оплате. Основные признаки подозрительности: быстрый возврат векселя банку и наличие индоссаментов
2	Незаконный вывод капитала за рубеж и отмывание денежных средств через фиктивные сделки по купле/продаже ценных бумаг	Проведение операции, в которой резидент переводит деньги нерезиденту за отчуждаемые нерезидентом акции резидентов, либо за приобретаемые ценные бумаги нерезидента, выкуп и платежи по которым не предполагается в первые три года с момента выпуска. Совершение сделок внешнеэкономической деятельности резидентами и нерезидентами. Проведение межгосударственных расчетов за оказание брокерских услуг на рынке ценных бумаг. Оформление мнимых сделок купли продажи ценных бумаг нерезидента. Отсутствие подтверждения поступления денежных средств на счета за продаваемые ценные бумаги резидента нерезидентом.

№	Наименование схемы	Характерные признаки легализации
3	Отмывание денежных средств, полученных в результате предоставления необоснованного преимущества по государственному контракту и завышения стоимости контракта	Завышение стоимости государственного контракта на выполнение работ, оказание услуг, производство и поставку товаров выше рыночной цены. Открытие брокерских счетов родственниками сотрудников, имеющих непосредственное отношение к заключению данного государственного контракта.
4	Легализация денежных средств на организованном рынке ценных бумаг, клиентом - юридическим лицом профессионального участника рынка ценных бумаг – брокера	Снижение риска попасть в поле зрения финансовой разведки путем использования банковского кредита, возврат суммы финансовой поддержки брокеру наличными, отсутствие заинтересованности клиента в финансовых результатах его деятельности на рынке ценных бумаг
5	Легализация денежных средств на организованном рынке ценных бумаг, клиентом - физическим лицом профессионального участника рынка ценных бумаг – брокера	Непродолжительный период (два-четыре месяца) от момента передачи наличных денежных средств брокеру до вывода их клиентом в полном объеме и отсутствие у клиента интереса к получению максимально возможной выгоды (прибыли) от операций с ценными бумагами
6	Легализация доходов через рынок ценных бумаг путем расчетов между участниками в трех юрисдикциях	Проведение расчетов за оказание профессиональных услуг на рынке ценных бумаг и поставку ценных бумаг с использованием посредника за рубежом.
7	Легализация денежных средств путем манипулирования рынком	Распространение информации, влияющей на стоимость ценных бумаг лицом, которое через некоторое время публично распространяет противоположные сведения, что приводит к резкому изменению цен на акции или облигации на фондовых биржах.

А) Схемы легализации денежных средств на организованном рынке ценных бумаг, клиентами (юридическим лицом, физическим лицом) профессионального участника рынка ценных бумаг - брокера.

При типовой схеме отмывания преступного дохода в наличной форме физическим лицом - клиентом профессионального участника рынка ценных бумаг средства принимаются в кассу брокера и обезналичиваются путем их сдачи в банк брокера для зачисления на специальный брокерский счет (Рисунок 1).

Причем у брокера не возникает подозрений, почему его клиент использует именно наличный, так за перевод средств с банковского счета на специальный брокерский счет банк берет комиссию, составляющую 3% от суммы банковского перевода, тогда как снятие клиентом банка наличности со своего счета происходит без комиссии.

По поручению клиента брокером чаще всего на бирже покупаются акции или облигации. При этом постоянно меняющаяся конъюнктура рынка ценных бумаг является хорошим объяснением неоднократного повторения операции по передаче брокеру наличных денежных средств для приобретения дополнительных пакетов ценных бумаг на имя клиента. После брокер получает команду продать имеющиеся ценные бумаги, а полученные средства – перевести на счет, указанный клиентом или выдать наличные.

Таким образом, характерными признаками

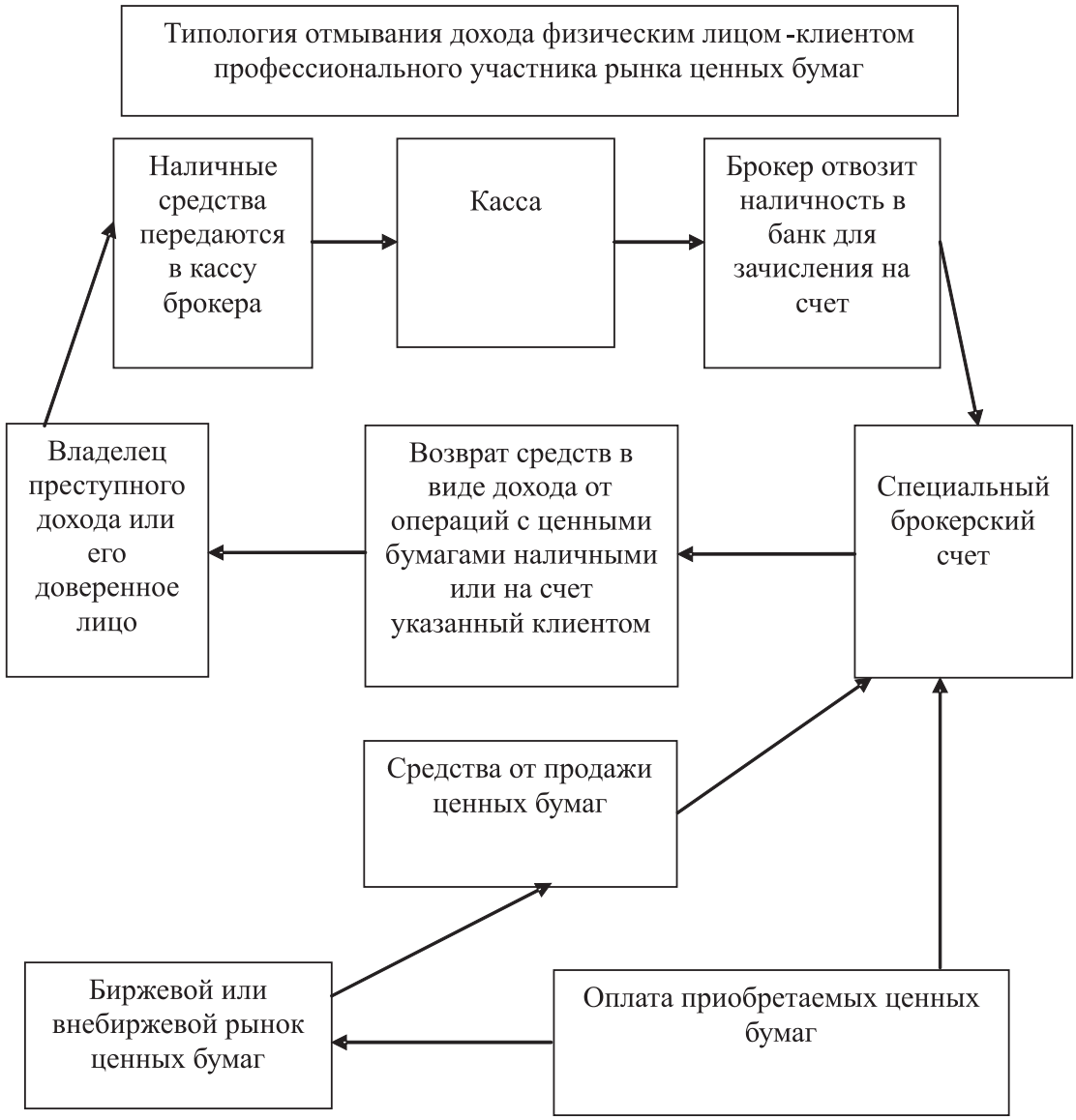


Рисунок 1. Типология отмывания дохода физическим лицом - клиентом профессионального участника рынка ценных бумаг [6]

легализации в этой схеме являются непродолжительный период (два-четыре месяца) от момента передачи наличных денежных средств брокеру до вывода их клиентом в полном объеме и отсутствие у клиента интереса к получению максимально возможной выгоды (прибыли) от операций с ценными бумагами.

В свою очередь, в типовой схеме отмывания преступного дохода с использованием юридическим лицом профессионального участника рынка ценных бумаг от имени юридического лица берется кредит в банке на сумму, равную преступному доходу в наличных денежных средствах (Рисунок 2). Затем клиент переводит через банк сумму полученного банковского кредита на специальный брокерский счет профессионального участника рынка ценных бумаг и дает брокеру поручение на покупку пакета ликвидных ценных бумаг. После клиент обращается к брокеру за финансовой поддержкой для приобретения дополнительных пакетов акций на ту же сумму.

Брокером такая финансовая поддержка клиенту оказывается в виде так называемого «плеча», сумма которого зачисляется на специальный брокерский счет. Затем клиентом брокеру дается второе поручение на покупку пакета ликвидных

ценных бумаг. Через некоторое время клиент возвращает брокеру сумму финансовой поддержки («плеча») наличными через кассу (единовременно или по частям).

После этого брокер по поручению клиента продает часть ценных бумаг. Следующее поручение брокеру содержит требование о выводе полученного дохода от продажи ценных бумаг на расчетный счет его фирмы, с которого осуществляется возврат банковского кредита.

В результате описанным способом, собственник доходов, полученных преступным путем, переводит денежные средства в ценные бумаги, становясь при этом законным владельцем.

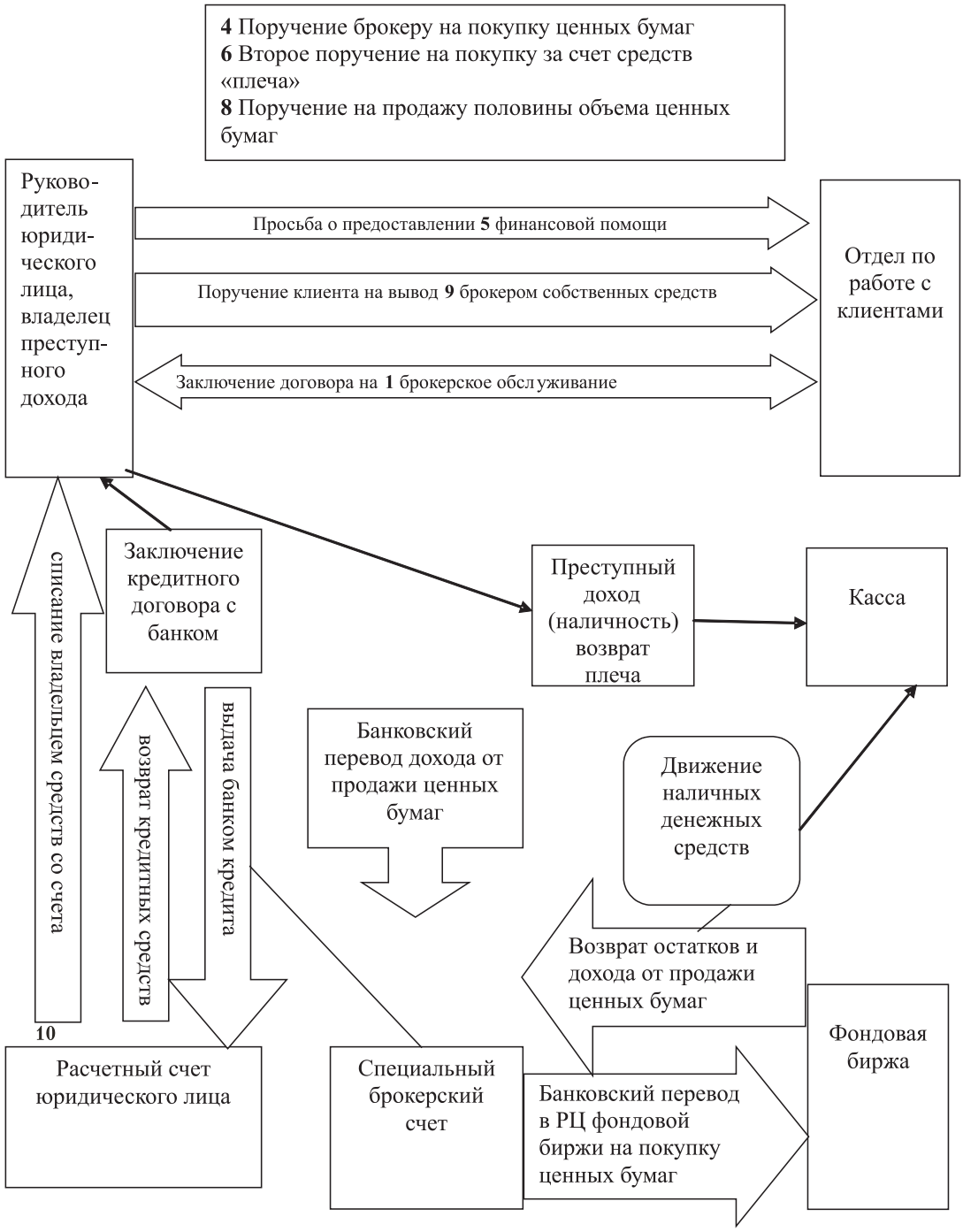


Рисунок 2. Типология отмывания преступного дохода с использованием юридическим лицом профессионального участника рынка ценных бумаг [6]

Таким образом, характерными признаками данной схемы является - использование банковского кредита, возврат суммы финансовой поддержки брокеру наличными, отсутствие заинтересованности клиента в финансовых результатах его деятельности на рынке ценных бумаг.

Б) Схема легализации преступных доходов, полученных в форме наличных денежных средств, с использованием операций с банковскими векселями.

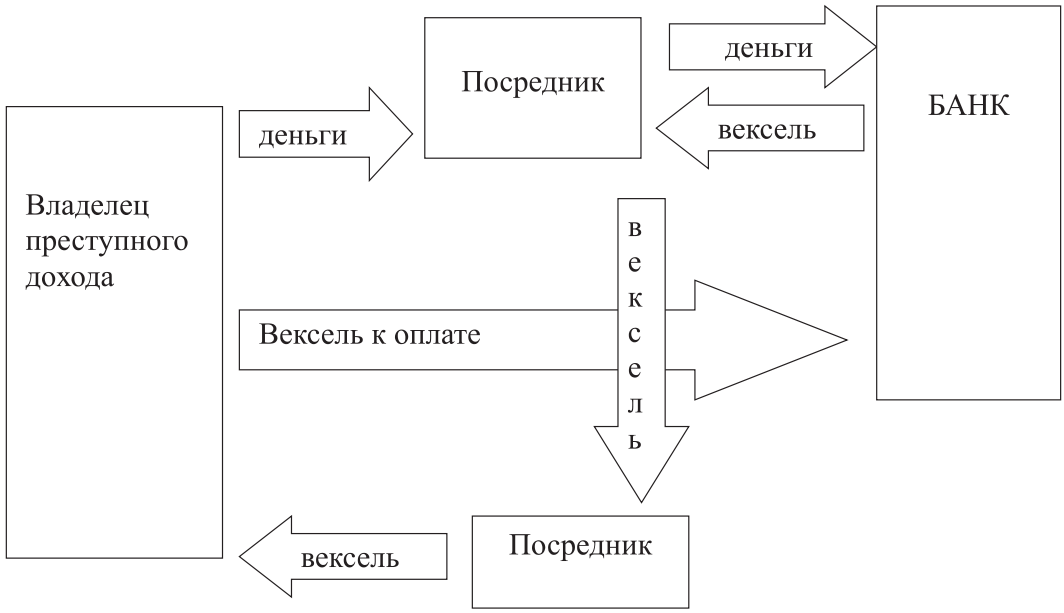


Рисунок 3. Схема легализации преступных доходов, полученных в форме наличных денежных средств, с использованием операций с банковскими векселями [6]

При легализации преступных доходов, полученных в форме наличных денежных средств, с использованием операций с банковскими векселями, владельцем преступного дохода наличность передается физическому лицу. Данное лицо за вознаграждение покупает по заданию собственника преступных доходов банках (как правило, филиалах) переводные банковские векселя, становясь первым векселедержателем (Рисунок 3). После на приобретенных векселях проставляется индоссамент для второго векселедержателя. Далее вексель может вернуться через 2-х – 3-х посредников к собственнику денежных средств или лицу, которое он укажет. В такой схеме на векселе появляется два и более индоссаментов. Последним векселедержателем (владельцем преступного дохода) вексель предъявляется к оплате банку, а полученные от его реализации средства получаются либо наличными, либо переводятся на указанный владельцем банковский счет. Такая схема легализации преступного дохода может быть выявлена только службой внутреннего контроля банка в момент предъявления векселя к оплате.

Таким образом, характерным признаком такой схемы легализации преступного дохода является малый период от момента покупки векселя первым векселедержателем до его предъявления к оплате последним векселедержателем и отсутствие экономического смысла во всех операциях с векселями. Основные признаки подозрительности: быстрый возврат векселя банку и наличие индоссаментов.

В) Следующая схема представляет собой отмывание денежных средств, полученных в результате предоставления необоснованного преимущества по государственному контракту и завышения стоимости контракта (Рисунок 4).

В соответствии с данной схемой руководитель крупной государственной компании получает денежные средства в виде взятки за предоставление необоснованного преимущества во время

определения победителя по тендеру по заранее оговоренной завышенной цене коммерческой фирме. В свою очередь руководитель победителя конкурса переводит денежные средства в размере оговоренной взятки за якобы оказанные услуги на счет другой компании, которая также принадлежит ему, но, по сути, является фирмой прикрытием с минимальным уставным капиталом.

Позже денежные средства снимаются в наличной форме со счета и вносятся в брокерскую компанию на счет номинального лица, действующего по указанию государственного чиновника, который помимо этого открывает в той же брокерской компании счет на имя своего сына. Денежные средства, размещенные на счете номинального лица используются для покупки ценных бумаг на открытом рынке, которые позже продаются ближайшему родственнику взяткополучателя. Полученные под видом легального дохода денежные средства в дальнейшем размещаются на банковские депозиты.

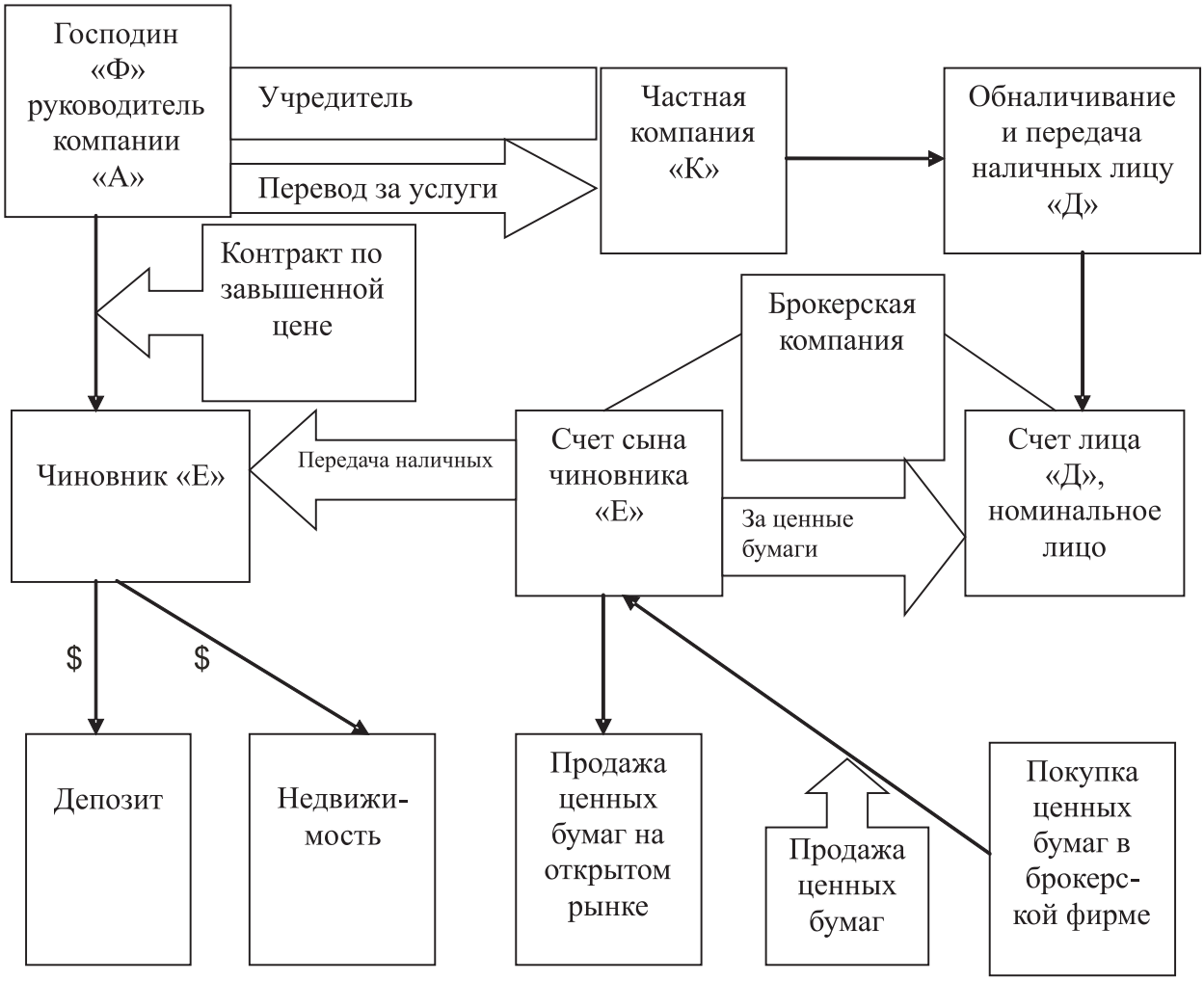


Рисунок 4. Отмывание денежных средств, полученных в результате предоставления необоснованного преимущества по государственному контракту и завышения стоимости контракта [6]

Г) Схема незаконного вывода капитала за рубеж и отмывание денежных средств через фиктивные сделки по купле/продаже ценных бумаг и сделки с «мусорными» ценными бумагами (Рисунок 5).

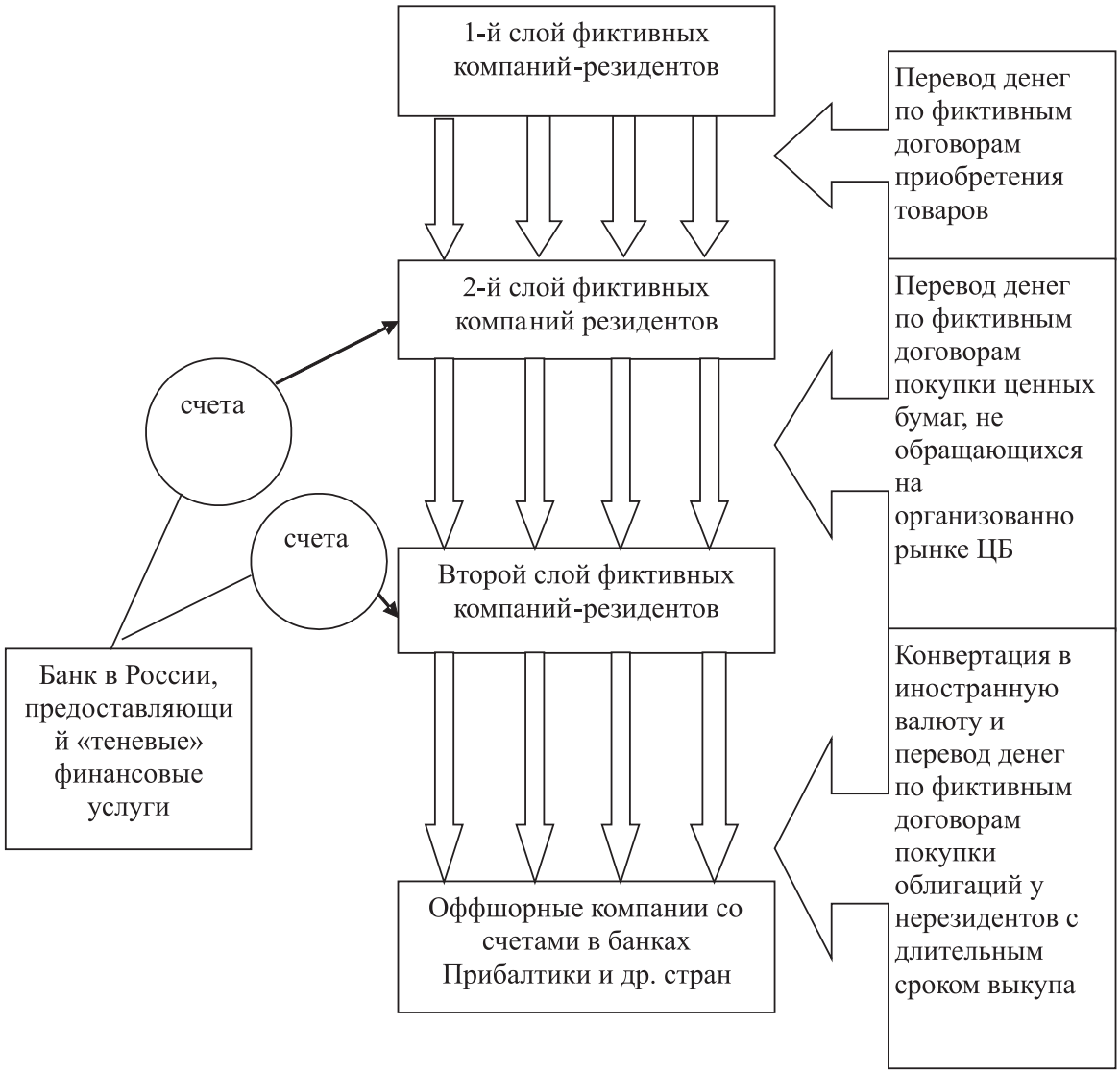


Рисунок 5. Незаконный вывод капитала за рубеж и отмывание денежных средств через фиктивные сделки по купле/продаже ценных бумаг и сделки с «мусорными» ценными бумагами [6]

Одной из распространенных схем по выводу «теневого» капитала за рубеж, в том числе с целью отмывания преступных доходов, является схема проведения операций, в которой резидент переводит деньги нерезиденту за отчуждаемые нерезидентом акции резидентов, либо за приобретаемые ценные бумаги нерезидента, выкуп и платежи по которым не предполагается в первые три года с момента выпуска (см. Перечень валютных операций клиентов уполномоченных банков, согласно Приложению 2 к Инструкции Банка России от 15 июня 2004 г. №117-И [2]).

Таким образом, нерезиденты вправе самостоятельно устанавливать период выкупа своих облигаций, который может составлять и 10 лет. В одной из таких схем, облигации были выпущены большим количеством неизвестных иностранных компаний с периодом выкупа от 5 до 10 лет. Одним из обязательных условий таких схем, является наличие кредитной организации, предоставляющей «теневые» финансовые услуги или так называемой «банковской площадки»,

располагающей большим количеством фирм-однодневок. Организаторы используют многоступенчатый способ доставки денежных средств до резидентов, непосредственных плательщиков денежных средств нерезидентам. Прежде чем попасть к нерезидентам, денежные средства в транзитном режиме перечисляются через счета большого количества фирм одного банка.

Д) Легализация доходов через рынок ценных бумаг путем расчетов между участниками в трех юрисдикциях

Самой простой схемой считается обеспечение расчетов между участниками в трех юрисдикциях (Рисунок 6). У брокера за рубежом открывается счет, на который начинают поступать деньги из разных источников. А так как счет принадлежит нерезиденту, большинство юрисдикций вводят для таких счетов льготный режим функционирования, предусматривающий возможность репатриации прибыли, льготный режим налогообложения и т.д. По истечению нескольких дней операции на рынке прекращаются, а денежные средства отправляются на банковский счет в третью страну с более жестким мониторингом, но источник средств уже не рассматривается как подозрительный.

Ввиду того, что на организованный рынок ценных бумаг допускаются только профессиональные участники, которым, как правило, не разрешается проводить сделки в наличной форме*, поэтому, как отмечают эксперты FATF, криминальные средства в наличной форме, сначала вводятся в финансовую систему, прежде чем они будут использованы на фондовых рынках. Следовательно, использование фондового сектора для отмывания денег считается частью «цепочки» в схеме отмывания. Рынок ценных бумаг редко когда используется в процессе размещения денег для отмывания, все же, приобретение ценных бумаг за наличные средства, полученные преступным путем, имеет место.

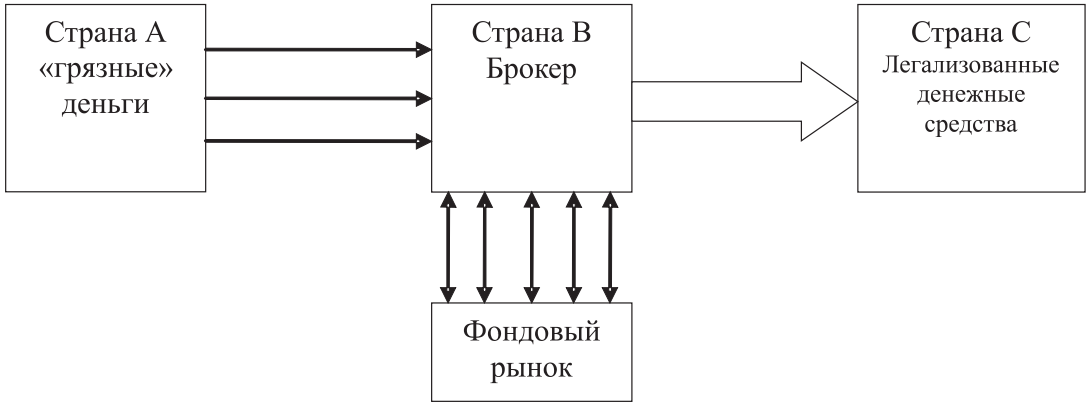


Рисунок 6. Легализация доходов через рынок ценных бумаг путем расчетов между участниками в трех юрисдикциях

Е) Легализация денежных средств путем манипулирования рынком

Легализация денежных средств на рынке ценных бумаг может проводиться с помощью последующих преступлений, совершаемых для получения наибольшего дохода (Рисунок 7). Правонарушителями скупается крупный пакет акций только что зарегистрированного или не осуществляющего хозяйственную деятельность предприятия.

После распространения информации, как правило, через Интернет, о начале деятельности предприятия, разработке какого-либо уникального продукта, технологии, которая приведет к серьезному успеху на рынке, растет цена акций и спрос на них. А когда стоимость акций достигает максимального уровня, брокерам отдается указание на продажу всех имеющихся акций. В результате данного мошенничества с ценными бумагами преступникам удается не только отмыть незаконно полученные средства, но и получить дополнительную прибыль.

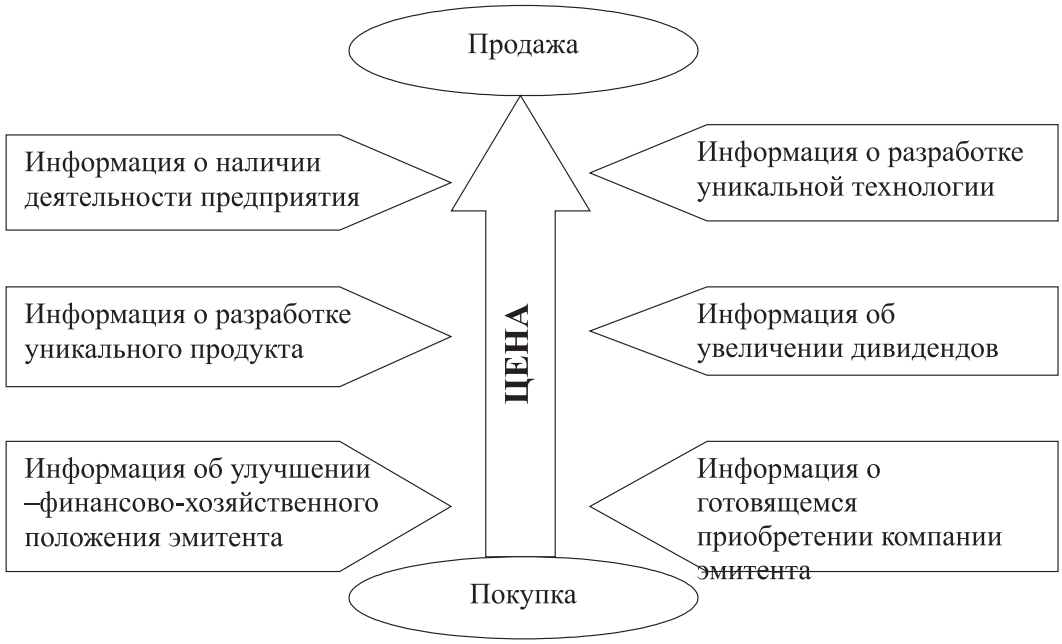


Рисунок 7. Легализация денежных средств путем манипулирования рынком

Поскольку доходность сектора в основном зависит от комиссии, получаемой с проведенных операций, брокеры или их фирмы могут быть склонны игнорировать правила и стандарты в целях гарантии проведения операции и сохранения клиента. Иногда проверка добросовестности клиента или законность его средств остается за гранями контроля последней финансовой операции с ценными бумагами, так как считают, что она уже проведена их коллегами, и поэтому они могут не быть бдительными в данном случае [5].

Нередко владение средствами, инвестируемыми в ценные бумаги, может быть скрыто с помощью доверительных управляющих или номинальных владельцев акций.

Работоспособность российской системы противодействия отмыванию преступных доходов на рынке ценных бумаг во многом обеспечивается действующим в этой сфере законодательством.

В целом национальное законодательство соответствует современным международным стандартам и принятым Российской Федерацией международным обязательствам в указанной сфере.

Так, например, в российское законодательство имплементированы положения Специальной рекомендации FATF №IX, предусматривающей введение мер по контролю за перемещением наличных денежных средств и ценных бумаг на предъявителя через таможенную границу.

В целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем ФКЦБ России (ныне – ФСФР России) распоряжением от 3 июня 2002 г. №613/р обязала профессиональных участников рынка ценных бумаг - брокеров, дилеров, управляющих ценными бумагами, осуществляющих операции с денежными средствами и ценными бумагами, включая заключение фьючерсных контрактов и приобретение (отчуждение) опционов на рынке ценных бумаг, осуществлять обязательный контроль данных операций, документально фиксировать и представлять в Росфинмониторинг установленные Законом сведения, если сумма, на которую она совершается, равна или превышает 600 000 рублей, а по своему характеру данная операция является:

- приобретением физическим лицом ценных бумаг за наличный расчет;
- зачислением или переводом на счет денежных средств, предоставлением или получением кредита (займа), операцией с ценными бумагами в случае, если хотя бы одной из сторон является физическое или юридическое лицо, имеющее соответственно регистрацию, место жительства или место нахождения в

государстве (на территории), в отношении которого (которой) имеются сведения о незаконном производстве наркотических средств, либо одной из сторон является лицо, являющееся владельцем счета в банке, зарегистрированном в указанном государстве (на указанной территории);
- зачислением или переводом на счет денежных средств, предоставлением или получением кредита (займа), операцией с ценными бумагами в случае, если хотя бы одной из сторон является физическое или юридическое лицо, имеющее соответственно регистрацию, место жительства или место нахождения в государстве (на территории), в котором (которой) не предусмотрено раскрытие или представление информации при проведении финансовых операций, либо одной из сторон является лицо, являющееся владельцем счета в банке, зарегистрированном в указанном государстве (на указанной территории);
- переводом денежных средств, осуществляемых по поручению клиента (только для некредитных организаций),
- и одновременно документально фиксировать и представлять в Росфинмониторинг установленные Законом сведения по таким операциям не позднее рабочего дня, следующего за днем совершения операции [4].

В целях реализации требований Распоряжения Правительства Российской Федерации от 10 июня 2010 г. №967-р «Об утверждении рекомендации по разработке организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, правил внутреннего контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», профессиональные участники рынка ценных бумаг, осуществляющие брокерскую, дилерскую деятельность и деятельность по управлению ценными бумагами, управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов разрабатывают и утверждают в установленном порядке правила внутреннего контроля, осуществляемого в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [3].

Не смотря на то, что в Российской Федерации система противодействия отмыванию преступных доходов создана и функционирует с 1 февраля 2001 г., до сих пор на пути противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, через отечественный рынок ценных бумаг, стоит ряд проблем.

Во-первых, основным принципом обеспечения противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, на рынке ценных бумаг является максимальное раскрытие информации. Высокая наглядность и информативность раскрываемых сведений достигается за счет использования участниками рынка прогрессивных форм и методов учета и отчетности. Соответствие отчетности международным стандартам не только делает рынок и его участников информационно открытыми для регулирующих органов, но и повышает его привлекательность для инвесторов (как внутренних, так и внешних), которые получают возможность для анализа финансового положения и результатов деятельности всех участников рынка.

Во-вторых, отсутствует эффективная политика государства в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма на рынке ценных бумаг.

В-третьих, сохраняются недостатки в организации деятельности рынка (нехватка инвестиций, недостаточная капитализация клиринговых систем, отсутствие единого депозитария, невысокая надежность учетной системы, высокие издержки совершения сделок через российские торговые системы по сравнению с иностранными, разнообразие расчетных палат, фондовых бирж, осуществляющих клиринговые функции, а также многочисленных регистраторов и т.д.), обостряющие общую кризисную ситуацию на рынке ценных бумаг и накладывающие отпечаток и на противодействие легализации доходов, полученных преступным путем.

В-четвертых, в целях приведения законодательства в соответствие с требованиями Международной организации по борьбе с отмыванием средств (FATF), необходимо обязать участников фондового рынка при получении или переоформлении лицензии на деятельность в

ФСФР России представлять аудиторские отчеты о финансовом состоянии своих акционеров и обеспечить мониторинг всех сделок с ценными бумагами, сторонами которых являются оффшорные компании.

Таким образом, необходимо отметить, что преступные группировки перешли на новый, более интеллектуальный уровень совершения преступлений, предусмотренные ст. 174 и 174.1 УК РФ. Неизменным спутником легализации доходов, полученных преступным путем, являются налоговые преступления, выявление и расследование которых осложняется не только несовершенным законодательством о налогах и сборах и правовым регулированием рынка ценных бумаг, но и отсутствием соответствующих научно обоснованных рекомендаций.

Наиболее распространенные на сегодняшний день способы легализации (отмывания) преступных доходов группируются следующим образом является реинвестирование преступных доходов, ранее незаконно вывезенных за рубеж, в российскую экономику путем скупки акций прибыльных предприятий (алмазно-бриллиантового и топливно-энергетического комплексов) и др.

Активное применение этого способа обусловлено тем, что за рубежом (в основном в оффшорных зонах) аккумулирован огромный объем нелегально вывезенного из России капитала, который достаточно затруднительно использовать в развитых странах мира.

Для легализации доходов на первоначальном этапе организованные преступные формирования путем незаконных банковских проводок перечисляют денежные средства, приобретенные преступным путем, за рубеж. Затем эти доходы уже в виде инвестиций возвращаются в Россию и используются, в том числе для приобретения вышеупомянутых акций.

Для вливания денежных средств в экономику страны нерезиденты используют два инвестиционных режима: прямой и портфельный.

Под видом прямых инвестиций на первом этапе нерезиденты создают на территориях с льготным налогообложением предприятия, уставный капитал которых полностью формируется на средства нерезидента. Счета этих предприятий используются для активного осуществления операций на российском рынке ценных бумаг и спекуляции на иностранном фондовом рынке за счет трехкратной разницы цен внутренней и внешней (GDR) продажи акций.

Необходимо отметить, что инвестор имеет возможность свободно вывезти якобы ранее инвестированный криминальный капитал, таким образом, полностью легализовав его, а также использовать преимущества нерезидента для отмывания новых денежных средств.

В частности, в качестве признаков, свидетельствующих о возможном осуществлении легализации (отмывания) доходов, при проведении операций с ценными бумагами и производными финансовыми инструментами считают:

- регулярное заключение клиентом срочных сделок или использование других производных финансовых инструментов, особенно не предусматривающих поставки базового актива, в операциях с одним или несколькими контрагентами, результатом чего является постоянный доход или постоянный убыток клиента;
- разовая продажа (покупка) клиентом большого пакета не обращающихся на организованном рынке ценных бумаг, финансовых инструментов по ценам, существенно отличающимся от рыночных, при условии, что клиент не является профессиональным участником рынка ценных бумаг и ценные бумаги не передаются клиенту в погашение просроченной задолженности контрагента перед клиентом;
- регулярные операции по покупке с последующей продажей ценных бумаг, не имеющих котировок и не обращающихся на организованном рынке ценных бумаг, при условии, что доход от реализации ценных бумаг направляется на приобретение высоколиквидных обращающихся на организованном рынке ценных бумаг (определяется в момент удовлетворения заявки на приобретение ценных бумаг, обращающихся на организованном рынке ценных бумаг);
- одновременное выставление клиентом поручений на покупку и продажу ценных бумаг и других финансовых инструментов по ценам, имеющим заметное отклонение от текущих рыночных цен по аналогичным сделкам;
- осуществление операций, при которых

один и тот же финансовый инструмент многократно продается и затем выкупается в сделках с одной и той же стороной;

- проведение операции с ценными бумагами на предъявителя, не размещенными в депозитариях.

Примечания

* В России такие сделки не запрещены, но о них обязательно нужно сообщать в Федеральную службу по финансовому мониторингу.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 967-р «Об утверждении рекомендации по разработке организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, правил внутреннего контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 26. – Ст. 3377.
2. Инструкция Банка России от 15 июня 2004 г. №117-И «О порядке предоставления резидентами и нерезидентами уполномоченным банком документов и информации при осуществлении валютных операций, порядке учета уполномоченными банками валютных операций и оформления паспортов сделок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.allbusiness.ru/BPravo/DocumShow_DocumID_115402.html.
3. Письмо ФКЦБ России №03-ИК-02/2760 «Об утверждении правил внутреннего контроля, осуществляемого в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Вестник ФКЦБ России. – 2003. – № 3.
4. Распоряжение ФКЦБ России от 3 июня 2002 г. №613/р. «О методических рекомендациях по реализации профессиональными участниками рынка ценных бумаг требований Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» // Вестник ФКЦБ России. – 2002. - № 6.
5. Давыдов В.С. Способы легализации преступных доходов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yurclub.ru/docs/criminal/article65.html
6. Типология отмывания дохода в форме наличных денег посредством операций на рынке ценных бумаг // Материалы Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации. – 2010. Апрель.

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО (У) МИД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kondratelnik@rambler.ru
Специальность 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНЫЕ ОРГАНЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТАВ И СТРУКТУРА

Аннотация. *В статье исследуются контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации, в частности их состав и структура. Говорится о государственном финансовом контроле как основе финансовой политики государства.*

Автор рассматривает правовое положение счетных палат в структуре власти. В различных регионах России здесь наблюдается своя специфика. В статье идет речь о счетных палатах многих субъектов России, проводится определенная классификация с учетом их специфики. Приводится структура Контрольно-счетной палаты Москвы и структура ее аппарата, структура счетных палат Кировской, Вологодской, Иркутской, Воронежской областей. Изучаются присущие им особенности.

Достаточно подробно представляется состав контрольно-счетных палат. Обращается внимание на возможность создания в составе контрольно-счетных палат коллегиального органа – коллегии.

Обсуждаются особенности рассмотрения на коллегии различных вопросов, руководство ее работой, подготовка заседаний и оформление результатов деятельности.

Ключевые слова: *субъект федерации; регион; контрольно-счетные органы; счетная палата; состав; структура; численность; коллегия; подготовка и рассмотрение вопросов; документы; материалы; повестка дня.*

KONDRAT E.N.

CONTROL AND ACCOUNTING BODIES OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: COMPOSITION AND STRUCTURE

The summary. *The article studies the control and accounting bodies of constitutional entities of the Russian Federation, in particular their composition and structure. The subject concerns the state financial control as the basis of the state financial policy.*

The author considers the legal status of accounts chambers within the power structure. Different regions of Russia show their own specificity. The article deals with accounts chambers of many constitutional entities of Russia, a certain classification is made taking into account their specificity. The structure of Moscow Chamber of Control and Accounts and the structure of its apparatus as well as the structure of accounts chambers of Kirov, Vologda, Irkutsk, Voronezh regions are given. The features inherent in them are researched.

The composition of chambers of control and accounts is presented in sufficient detail. The attention is given to the possibility for establishing a collegial body – the collegium within the composition of chambers of control and accounts.

The peculiarities of various issues consideration by the collegium, the management of its work, preparation for sessions and presentation of the results of activities are discussed.

Key words: *constituent entity of the Federation; region; control and accounting bodies; accounts*

chamber; composition; structure; staff size; collegium; preparation and consideration of issues; documents; materials; agenda.

Органы государственного финансового контроля можно подразделить на две основные группы: органы финансового контроля по линии законодательной власти, которые составляют институт парламентского финансового контроля [48; 50; 57; 58; 67; 74; 79], и органы финансового контроля исполнительной власти. Кроме того, в Российской Федерации существует институт государственного контроля (функции финансового контроля являются частью его деятельности) при главе государства, или же президентский контроль.

Государственный финансовый контроль составляет основу финансовой политики государства. Он является непременным условием обеспечения финансовой стабильности страны, которая напрямую зависит от устойчивого функционирования системы государственного финансового контроля, т.е. от организации и деятельности различных органов контроля за использованием финансовых ресурсов государства. Для этого создана соответствующая законодательная основа [2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15] и научно-теоретическая база [42; 43; 44; 45; 46; 47; 49; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 64; 65; 66; 67; 68; 69; 70; 71; 72; 73; 75; 76; 77; 78; 80; 81; 82; 83; 84; 85; 86; 87; 88; 89; 90; 91; 92; 93; 94; 95; 96; 97; 98; 99; 100; 101; 102; 103; 104; 105; 106; 107; 108; 109; 110; 112; 113; 114; 115; 116; 117; 118; 119; 120; 121; 122].

Юридическая конструкция счетных палат была воспринята в России из опыта организации финансового контроля промышленно развитых стран. В наиболее концентрированном виде их подходы сформулированы в Лимской декларации о руководящих принципах финансового контроля, принятой на IX Конгрессе международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в 1977 г. [1].

Декларация провозглашает, что независимые органы государственного бюджетно-финансового контроля являются непременным атрибутом демократии, обязательным элементом управления общественными финансовыми средствами. Особо подчеркивается необходимость закрепления в законодательном порядке институциональной, функциональной и организационной независимости органов финансового контроля, что служит обеспечением законности, объективности и системности контроля. Поскольку налогоплательщик имеет право знать, как расходуются его деньги, важным принципом работы контрольных органов должна быть гласность, но с учетом требований защиты конфиденциальной информации, коммерческой и иной защищаемой законом тайны.

Лимская декларация не содержит конкретных рекомендаций в отношении предпочтительной организационной структуры контрольных органов. Однако мировая практика показывает две основные их формы.

В странах англо-саксонской системы права и тяготеющих к ней правовых системах (США, Великобритания, Канада, Австралия, Израиль, Индия, Малайзия, Таиланд и др.) доминирует монократическая структура. В этих странах в целях финансового контроля созданы иерархически организованные учреждения под руководством президента (председателя) или генерального аудитора, которые избираются прямыми выборами либо назначаются путем согласования законодательным органом и высшим должностным лицом исполнительной власти и далее самостоятельно определяют структуру и назначают персонал учреждения.

Страны континентальной системы права, имеющие более глубокие исторические традиции в организации финансового контроля, пошли по другому пути. Здесь эта функция возложена на счетные палаты, образуемые высшими органами власти, но независимые во внутренних и внешних вопросах своей деятельности (Германия, Франция, Италия и др.). Они построены по коллегиальному принципу, для которого характерна децентрализация принятия решений и наличие специальных органов, уполномоченных принимать эти решения большинством голосов.

Поскольку российская правовая система принадлежит к романо-германской правовой системе, наши счетные палаты по форме и принципам организации ближе всего к КСО европейских государств, в частности к федеральной и земельным счетным палатам Германии.

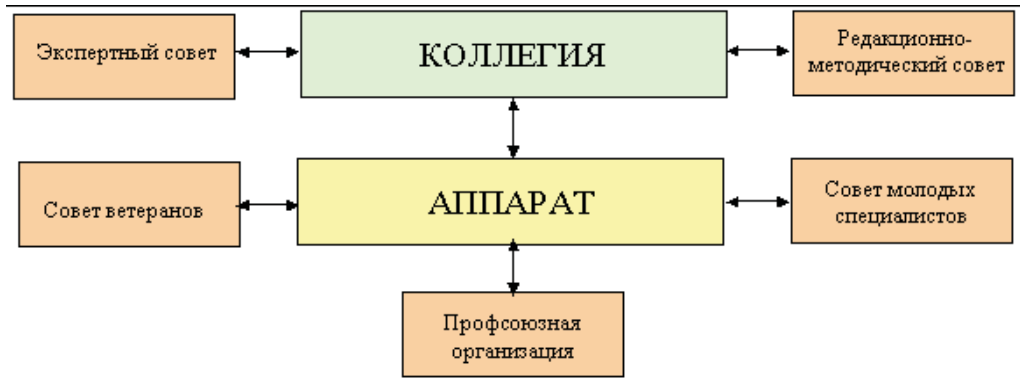
Вместе с тем правовое положение счетных

палат в структуре власти в различных регионах России имеет свою специфику. В ряде субъектов Федерации палаты или аналогичные им органы образованы в структуре органа законодательной власти в виде части его аппарата (Московская [18], Тульская [19], Томская [24], Смоленская [23], Нижегородская [17], Брянская [28], Липецкая [38], Калининградская области [41], Хабаровский [22] и Приморский края [29], г. Санкт-Петербург [39]). Есть примеры переходных моделей, когда палаты без права юридического лица имеют отдельное финансирование и определенные гарантии самостоятельности (Орловская [26] и Саратовская области [33], Республика Бурятия [21]) или при наличии статуса юридического лица находятся в прямом подчинении законодательного органа власти (Волгоградская область [27]). Вместе с тем все больше счетных палат регионов по своему статусу приближаются к европейскому аналогу - независимым государственным органам бюджетно-финансового контроля (Москва [40], Иркутская [25], Воронежская [16], Владимирская [37], Тюменская [30], Тверская [35], Омская [34], Мурманская области [32], Республика Марий Эл [36], Красноярский край [20]).

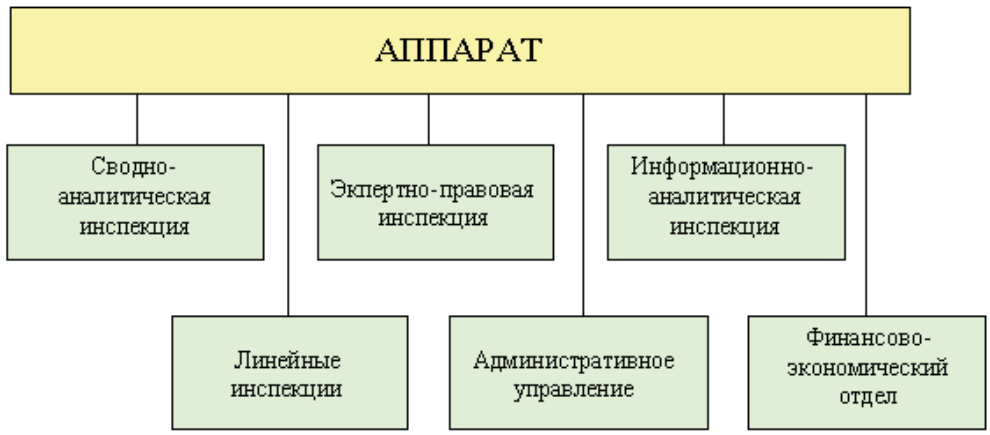
Первым (основанным в мае 1994 г.), наиболее крупным (120 сотрудников), и организационно продвинутым органом государственного бюджетно-финансового контроля субъекта Федерации является контрольно-счетная палата Москвы (КСП). Основными принципами ее деятельности в соответствии с муниципальным законом провозглашены законность, системность, объективность, независимость и гласность. Независимость обеспечивается полной организационной и функциональной самостоятельностью, в том числе организационно-правовым статусом (юридическое лицо), непосредственным финансированием из бюджета города отдельной строкой, а также самостоятельным формированием планов работы на основе принципов системности контроля, хотя и с учетом поручений Московской городской думы и мэра Москвы.

Структурно Контрольно-счетная палата Москвы [40] организована следующим образом.

Структура Контрольно-счётной палаты Москвы



Структура аппарата Контрольно-счётной палаты Москвы



Законом города Москвы от 30 июня 2010 г. № 30 «О Контрольно-счетной палате Москвы» [40] предусмотрены определенные гарантии независимости сотрудников КСП Москвы в виде исключительного перечня оснований для освобождения от работы и жесткого запрета на любые действия, способные воспрепятствовать исполнению ими своих служебных обязанностей, либо добиться принятия решения в чью-либо пользу. Понятно, что только независимость палаты и ее сотрудников может реально обеспечить объективность и результативность их работы.

Важной особенностью механизма формирования руководящего звена палаты является почти полная идентичность с европейскими аналогами: сотрудники палаты несут ответственность за принятие решения, имеют право представлять палату в иных учреждениях, избираются законодательным органом.

Принципиальным является отсутствие у палаты каких-либо исполнительных функций и права законодательной инициативы. Выводы, заключения и предложения палаты, адресованные органам исполнительной и законодательной власти, носят рекомендательный характер, что предотвращает возможность перекладывания этими органами на палату ответственности за их действия в рамках конституционных полномочий.

Таким образом, за исключением незначительных отличий, являющихся издержками организационного периода, КСП Москвы в целом соответствует стандартам, установленным Лимской декларацией.

В демократических странах счетные палаты и аналогичные им органы законодательно признаются независимыми и конституционно властными (independent constitutional authority). Конституция РФ не содержит внятного указания на место финансового законодательства в системе распределения полномочий между Федерацией и ее субъектами. Это вносит неопределенность в финансовую деятельность субъектов Федерации, в том числе в области бюджетно-финансового контроля.

Представляется, что в Конституции РФ было бы необходимо однозначно определить в ст. 72 что финансовое законодательство - это предмет совместного ведения и четко разграничить распределение полномочий между РФ и ее субъектами в финансовой сфере. В Конституции также было бы целесообразно выделить отдельный раздел, посвященный контрольным и надзорным органам, таким, как счетные палаты.

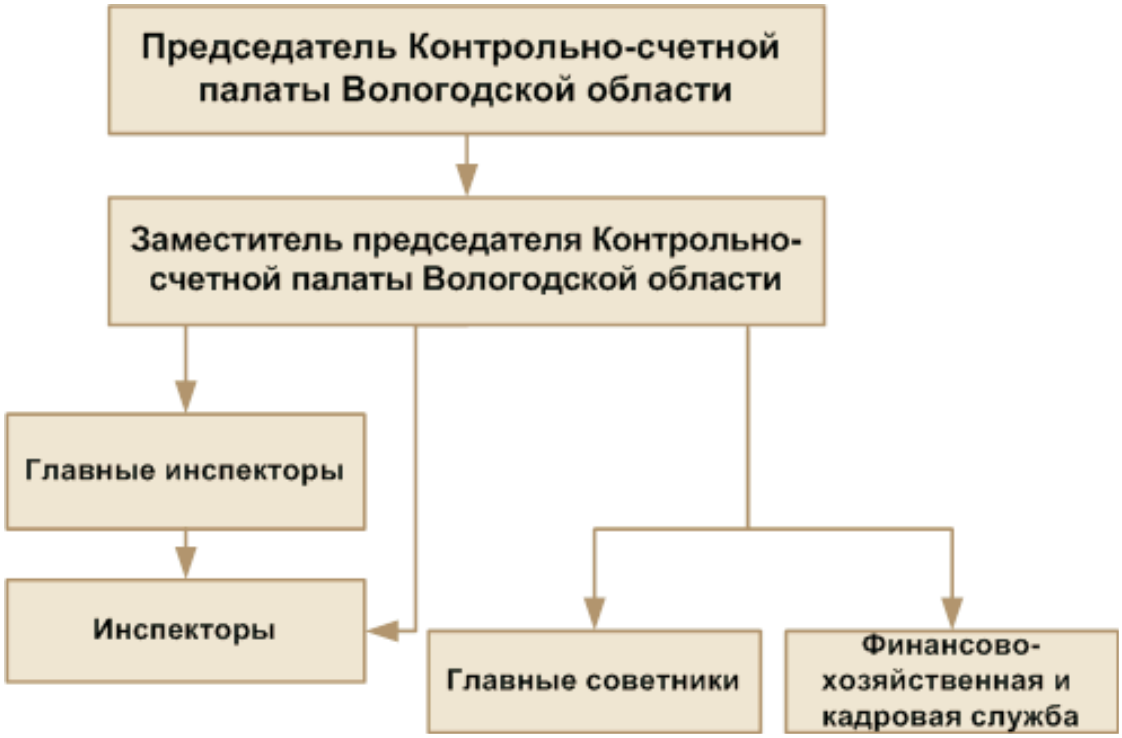
На сегодняшний день система государственного финансового контроля в Российской Федерации имеет сложную структуру. Вопросами финансового контроля в той или иной степени занимается множество государственных органов. По мнению Председателя Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашина, на данный момент в стране наблюдается явный переизбыток контролирующих органов. Причем перевес идет за счет системы исполнительной власти, в которой только на федеральном уровне действует 28 различных органов, имеющих самые широкие полномочия в сфере контроля и надзора [111].

В законе №6-ФЗ [10] приводятся в систематизированном виде все основные положения о составе и структуре контрольно-счетных органов, наработанные отечественными юристами.

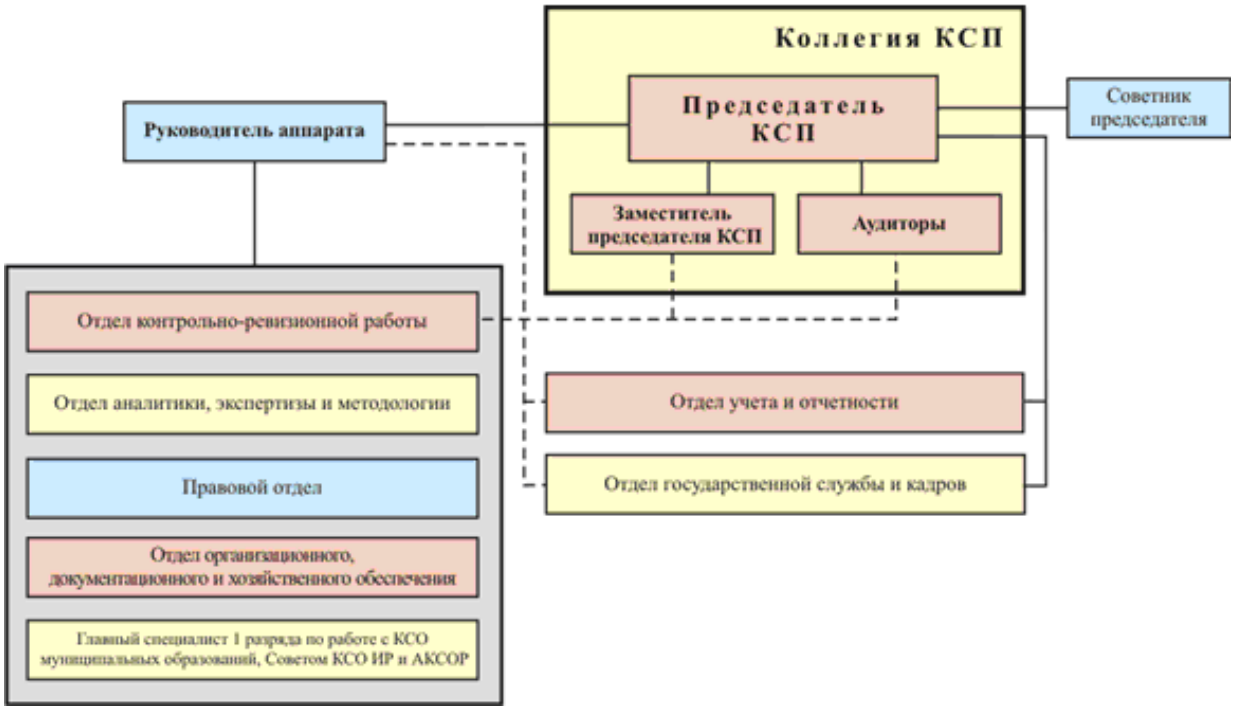
Как известно, во второй половине 90-х гг. во многих субъектах РФ и муниципальных образованиях были приняты нормативные акты, определяющие порядок формирования, организации и деятельности различных по названию, но близких по назначению и объему полномочий органов - контрольных и контрольно-счетных палат, контрольных и ревизионных отделов и т.п. Функции этих органов были направлены главным образом на осуществление контроля в сфере бюджетных отношений и финансовой деятельности на территории муниципального образования. Использовался разный порядок формирования контрольных органов муниципальных образований.

В соответствии с этими нормативными актами сложились различные структуры КСО. Например, структура Счетной палаты Кировской области [31] выглядит так.

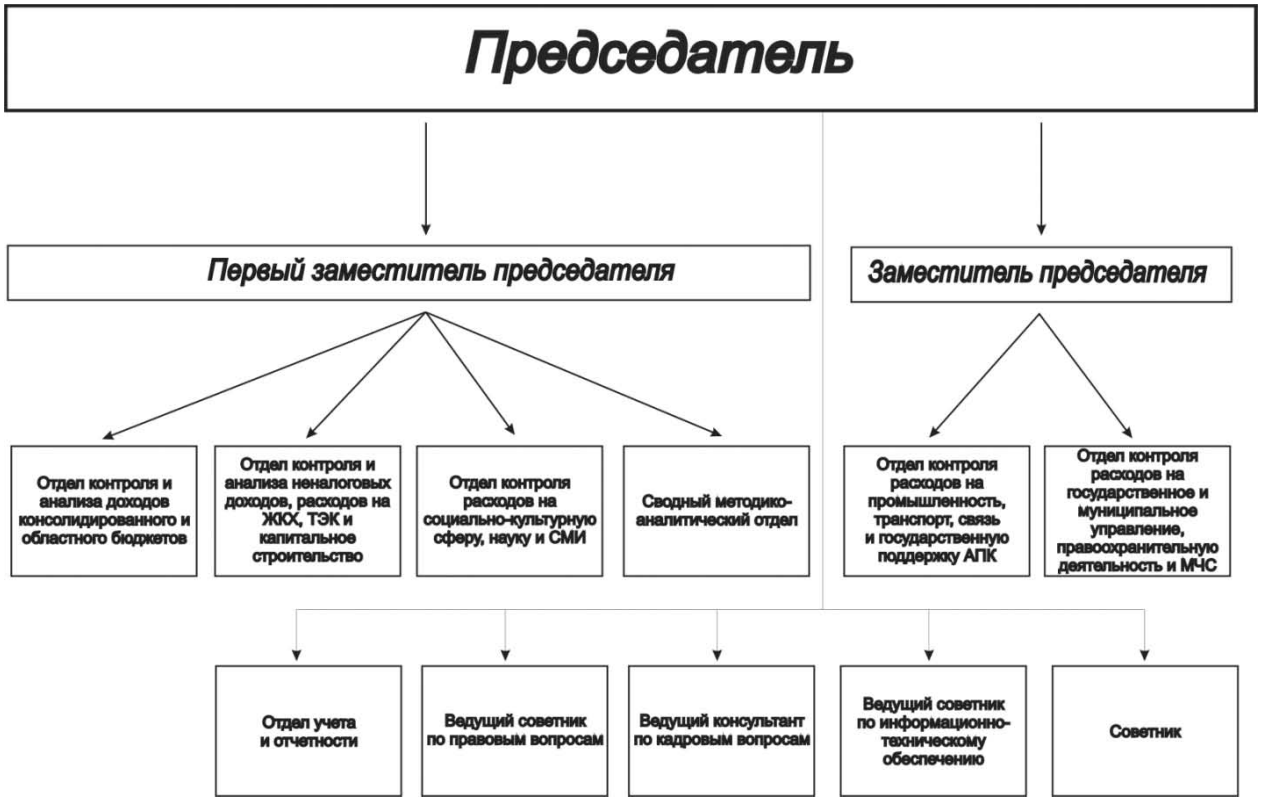
По другому выглядит структура КСО Вологодской области [27].



А вот как выглядит структура Контрольно-счетной палаты Иркутской области [25].



Чтобы показать разнообразие структур посмотрим еще один пример - структуру КСО Воронежской области.



Закон N 6-ФЗ устанавливает в этом отношении строгий, однозначный порядок формирования контрольно-счетного органа, определяет его состав и структуру.

Закон устанавливает, что контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации образуется в составе председателя, аудиторов и аппарата контрольно-счетного органа. Законом субъекта Российской Федерации в составе контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации может быть предусмотрена одна должность заместителя председателя контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации.

Закон №6-ФЗ устанавливает единые принципы внесения кандидатур председателя, заместителя председателя и аудиторов счетной палаты. Для региональных и местных счетных палат сохранена возможность внесения кандидатуры председателя счетной палаты в законодательное собрание не только губернатором или главой муниципалитета, но также председателем или депутатами законодательного собрания. Предложения о кандидатурах на должности заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетного органа субъекта и муниципального образования вносятся в законодательный орган в порядке, установленном законом субъекта или муниципального образования.

Штатная численность счетной палаты субъектов будет определяться с учетом численности населения, постоянно проживающего на территории субъекта, доли субъекта в консолидированном бюджете России и количества муниципальных образований, входящих в его состав.

Должности председателя, заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетного органа могут быть отнесены соответственно к государственным должностям субъекта Российской Федерации или муниципальным должностям в соответствии с законом субъекта Российской Федерации или нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

В законе № 6-ФЗ используются различные термины в отношении состава контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации: председатель, заместитель председателя, аудитор и аппарат (статья 5 часть 1), инспекторы и иные штатные работники (статья 5 часть 6), работники (статья 5 часть 9), должностные лица (статья 8). При этом, согласно части 9 статьи 5 закона работники контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации являются государственными гражданскими служащими, а в части термина «должностные лица» возникает правовая неопределенность – в отношении какой категории из состава контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации применяется данный термин.

Должности председателя, заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетного органа могут быть отнесены к муниципальным должностям в соответствии нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования. Однако, перечень лиц, замещающих муниципальные должности, устанавливается в части 2 статьи 1 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [8], изменения в которую не вносятся.

В названной статье говорится, что «настоящим Федеральным законом не определяется статус депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления, членов избирательных комиссий муниципальных образований, действующих на постоянной основе и являющихся юридическими лицами, с правом решающего голоса, поскольку указанные лица не являются муниципальными служащими [8].

Согласно закону № 6-ФЗ в контрольно-счетном органе может быть образован коллегиальный орган (коллегия). Коллегиальный орган (коллегия) рассматривает наиболее важные вопросы деятельности контрольно-счетного органа, включая вопросы планирования и организации его деятельности, методологии контрольной деятельности. Компетенция и порядок работы коллегиального органа (коллегии) определяются соответственно законом субъекта Российской Федерации или нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования и (или) регламентом контрольно-счетного органа.

Регламент, например Контрольно-счетной палаты Москвы устанавливает, что заседания Коллегии проводятся в соответствии с планом работы, но не реже одного раза в месяц. Внеплановые заседания Коллегии созываются Председателем, либо по предложению членов Коллегии с внесением необходимых для их

проведения материалов.

Работой Коллегии руководит Председатель, в его отсутствие заседанием Коллегии руководит заместитель Председателя. Члены Коллегии обязаны принимать участие в работе Коллегии.

Заседание Коллегии считается правомочным при участии в нем не менее двух третей от количества избранных членов Коллегии и если на заседании присутствует Председатель (Председательствующий). По должности на заседаниях Коллегии должен присутствовать секретарь Коллегии, назначаемый Председателем. На заседание Коллегии по решению Председателя (Председательствующего) могут быть приглашены иные должностные лица.

Решения Коллегии принимаются простым большинством голосов от числа членов Коллегии, принявших участие в заседании. В случае равенства голосов голос Председателя (Председательствующего) является решающим.

Контроль за исполнением решений Коллегии возлагается на структурное подразделение, отвечающее за обеспечение работы Коллегии.

Проект повестки заседания Коллегии формируется на основе предложений членов Коллегии структурным подразделением, отвечающим за обеспечение работы Коллегии, и рассылается членам Коллегии вместе с материалами к заседанию не позднее, чем за три рабочих дня до заседания.

Для внесения вопроса на рассмотрение Коллегии все необходимые материалы должны быть переданы в соответствующее структурное подразделение Палаты, как правило, не позднее, чем за 10 рабочих дней до предполагаемой даты рассмотрения вопроса.

В составе материалов, необходимых для внесения вопроса на рассмотрение Коллегии, вносятся следующие документы:

- пояснительная записка за подписью члена Коллегии с обоснованием необходимости внесения данного вопроса на рассмотрение;
- проект решения Коллегии по данному вопросу, завизированный исполнителями;
- другие документы и материалы, подготовленные по поручению Председателя (Председательствующего).

При обсуждении результатов контрольных мероприятий на рассмотрение Коллегии, кроме названных выше документов, вносятся следующие документы:

- план-задание на проведение контрольного мероприятия, программа проведения контрольного мероприятия;
- отчет (справка, заключение, аналитическая записка) о результатах контрольного мероприятия за подписью руководителя контрольного мероприятия;
- копии актов по результатам контрольных мероприятий;
- проекты представлений, предписаний или информационных писем Палаты;
- критерии и показатели эффективности (в случае проведения аудита эффективности);
- итоговая информация по результатам контрольной деятельности;
- возражения, замечания, пояснения проверяемой организации и справка с их анализом;
- результаты экспертизы проектов итоговых документов.

Документы (проекты документов), представляемые на рассмотрение Коллегии, по поручению Председателя, его заместителя проходят внутреннюю экспертизу. Срок проведения экспертизы не должен превышать трех рабочих дней.

Вопросы на заседании Коллегии рассматриваются в соответствии с утверждаемой членами Коллегии повесткой. Внесение дополнительных вопросов в повестку допускается при согласии всех присутствующих членов Коллегии.

Во время заседания Коллегии никто из участников заседания не может высказываться, не получив согласия Председателя (Председательствующего). Председатель (Председательствующий) может взять слово для выступления в любой момент.

Рассмотрение вопроса, включенного в повестку заседания Коллегии, производится в следующем порядке:

- Председатель (Председательствующий) объявляет название вопроса и предоставляет слово докладчику и содокладчикам, если Председатель поручал (согласовал) подготовку содоклада другому лицу, участвующему в заседании Коллегии;
- время для доклада или содоклада не может превышать 15 минут. В конце выступления докладчик информирует Коллегию о поступивших письменных

замечаниях, предложениях и поправках (далее – поправки), а также дает по ним свой комментарий;

- вопросы докладчику и содокладчику задаются после окончания доклада и содоклада. Право задавать вопросы докладчику и содокладчику имеют только члены Коллегии. Время на вопросы и ответы – до 15 минут, если иное не устанавливается Председателем или Председательствующим;
- во время ответов на вопросы докладчик и/или содокладчик имеют право запрашивать у других членов Коллегии и/или лиц, присутствующих на заседании Коллегии, информацию, необходимую им для ответа на заданный вопрос;
- после ответов докладчика и/или содокладчика на поставленные перед ними вопросы проводится обсуждение вопроса, по которому был сделан доклад. Время повторных выступлений ограничивается одной минутой;
- по результатам обсуждения вопроса докладчик имеет право на заключительное слово перед голосованием. Заключительное слово не может превышать пяти минут;
- после заключительного слова докладчика Председатель (Председательствующий) закрывает обсуждение вопроса и ставит проект решения на голосование «за основу». В случае принятия проекта «за основу» на голосование ставятся поправки, одобренные основным докладчиком. Допускается как голосование по каждой из поправок, так и по всем поправкам сразу. Затем на голосование ставятся остальные поправки. Окончательный вариант проекта решения Коллегии ставится на голосование в целом. По окончании голосования Председатель (Председательствующий) объявляет итоги: «решение принято» или «решение не принято» и закрывает рассмотрение данного вопроса.

На каждом заседании Коллегии ведется протокол заседания. По решению Председателя (Председательствующего) может вестись аудиозапись заседания Коллегии с момента его открытия до момента окончания, которая в десятидневный срок расшифровывается с оформлением стенограммы заседания, заверяемой секретарем Коллегии.

В протоколе заседания Коллегии указываются:

- дата, место проведения заседания, порядковый номер заседания;
- список членов Коллегии, присутствовавших на заседании;
- список лиц, присутствовавших на заседании, не являющихся членами Коллегии, с указанием их должности и места работы;
- вопросы повестки дня и фамилии докладчиков и/или содокладчиков;
- список лиц, выступавших на заседании;
- результаты голосований.

Протокол заседания оформляется в течение трех рабочих дней со дня проведения заседания. Протокол подписывается Председателем или Председательствующим, а также секретарем Коллегии. Копии протокола в установленном порядке рассылается членам Коллегии, а также иным лицам.

Подлинники протоколов, аудиозаписей и их расшифровок (стенограмм) заседаний Коллегии сдаются на хранение в архив Палаты.

Обращает на себя внимание, что предусмотренный законом запрет для граждан, замещающих государственные, муниципальные должности в контрольно-счетном органе субъекта Российской Федерации, муниципального образования, состоять в близком родстве или свойстве (части 5 и 6 статьи 7 закона) применим только в отношении граждан, замещающих в соответствии с частью 3 статьи 5 закона должности контрольно-счетного органа, отнесенные к государственным должностям субъекта Российской Федерации, муниципальным должностям.

Список литературы

1. Лимская декларация руководящих принципов контроля (принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 году) // Контроллинг. – 1991. – № 1. – С. 56-65.
2. Конституция Российской Федерации. – М., 2012.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/ru/law/federal-law
4. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/1999/10/19/fz-284-dok.html
5. Федеральный закон Российской Федерации от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 27. – Ст. 2709.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 29 декабря 2010 г. № 442-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2005/07/26/vybory-izmenenia-dok.html
8. Федеральный закон Российской Федерации от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6228.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 903.
11. Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 1996 г. №1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 31. – Ст. 3696.
12. Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. №815 «О мерах по противодействию коррупции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/175816/
13. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – 2009. 19 мая. – №88.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2004 г. № 608 «О квалификационных требованиях, предъявляемых к руководителю финансового органа субъекта Российской Федерации и к руководителю финансового органа местной администрации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 46 (часть II). – Ст. 4530.
15. Декларация принципов деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации, принята IV конференцией Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/declar-princip-deyatelnosti-tree_files-fl-323.pdf
16. Закон Воронежской области от 05 января 1996 г. №39-з (ред. от 31.10.2011) «О Контрольно-счетной палате Воронежской области» (принят Воронежской областной Думой 21.12.1995) // Молодой коммунар. – 2011. – № 122.
17. Закон Нижегородской области от 8 октября 2010 г. №156-З «О контрольно-счетной палате Нижегородской области» (с изменениями и дополнениями) // Нижегородские новости. – 2010. – № 195.
18. Закон Московской области от 12 ноября 2010 г. № 135/2010-ОЗ «О контрольно-счетной палате Московской области» // Ежедневные Новости. Подмосковье. – 2010. – № 209.
19. Закон Тульской области от 3 декабря 2010 г. №1505-ЗТО «О внесении изменений в статьи 12 и 13 Закона Тульской области «О счетной палате Тульской области» (принят Тульской областной Думой 25 ноября 2010 г.) // Тульские известия. – 2010. – № 184.
20. Закон Красноярского края от 31 марта 2011 г. № 12-5718 «О Счетной палате Красноярского края» // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. – 2011. – № 14(455).
21. Закон Республики Бурятия от 05 мая 2011 г. № 2087-IV «О Счетной Палате» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/buryat/327280/
22. Закон Хабаровского края от 29 июня 2011 г. № 94 «О Контрольно-счетной палате Хабаровского края» // Собрание законодательства Хабаровского края. – 2011. – № 7(108) (часть 1).
23. Закон Смоленской области 23 июня 2011 г. №37-З «О контрольно-счетной палате Смоленской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/smolensk/334558/

24. Закон Томской области от 28 июля 2011 г. № 4569 «О контрольно-счетной палате Томской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duma.tomsk.ru/page/20408/
25. Закон Иркутской области 07 июля 2011 г. №55-ОЗ «О контрольно-счетной палате Иркутской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/irkutsk/338745/
26. Закон Орловской области от 12 июля 2011 г. №1229-ОЗ «О Контрольно-счетной палате Орловской области» // Орловская правда. – 2011. – № 102.
27. Закон Вологодской области от 12 июля 2011 г. №2574-ОЗ «О Контрольно-счетной палате Вологодской области» // Красный Север. – 2011. – № 128.
28. Закон Брянской области от 28 июля 2011 г. от № 86-З «О Контрольно-счётной палате Брянской области» // Информационный бюллетень «Официальная Брянщина». – 2011. – № 9.
29. Закон Приморский края от 04 августа 2011 г. № 795-КЗ «О Контрольно-счетной палате Приморский края» // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. – 2011. – № 194. – С. 71-85.
30. Закон Тюменской области от 28 сентября 2011 г. № 54 «О Счетной палате Тюменской области» (принят Тюменской областной Думой 22.09.2011) // Вестник Тюменской областной Думы. – 2011. – № 8, часть 2.
31. Закон Кировской области от 7 сентября 2011 г. №46-ЗО «О Контрольно-счетной палате Кировской области» // Вятский край. – 2011. – № 180.
32. Закон Мурманской области от 17 сентября 2011 г. №1389-01-ЗМО «О Контрольно-счетной палате Мурманской области» // Мурманский Вестник. – 2011. – № 179. – С. 4.
33. Закон Саратовской области от 27 сентября 2011 г. № 125-ЗСО «О счетной палате Саратовской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/saratov/354393/
34. Закон Омской области от 28 сентября 2011 г. №1389-ОЗ «О Контрольно-счетной палате Омской области» // Ведомости Законодательного Собрания Омской области. – 2011. – № 4(72). – Ст. 4630.
35. Закон Тверской области от 29 сентября 2011 г. № 51-ЗО «О Контрольно-счетной палате Тверской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw4362011-10-14.html
36. Закон Республики Марий Эл от 9 декабря 2011 г. №71-З «О внесении изменений в Закон Республики Марий Эл «О Государственной счетной палате Республики Марий Эл» // Марийская правда. Официальный еженедельник. – 2011. – № 48 (98).
37. Закон Владимирской области от 12 декабря 2011 г. №110-ОЗ «О Счетной палате Владимирской области» (с изменениями и дополнениями) // Владимирские ведомости. – 2011. – № 283 (4345).
38. Закон Липецкой области от 24 февраля 2012 г. № 19-ОЗ «О Контрольно-счётной палате Липецкой области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ksp48.ru/zakon/curent-8.html
39. Закон Санкт-Петербурга от 28 апреля 2012 г. № 177-33 «О внесении изменений в законы Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» и «О Контрольно-счетной палате Санкт-Петербурга» (принят ЗС СПб 04.04.2012) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. – 2012. – № 16.
40. Закон г. Москвы от 30 июня 2010 г. № 30 (ред. от 04.04.2012) «О Контрольно-счетной палате Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. – 2011. – № 9. – Ст. 229.
41. Закон Калининградской области от 12 мая 2012 г. №110 «О внесении изменений в Закон Калининградской области «О контрольно-счетной палате Калининградской области» // Калининградская правда. – 2012. – № 84.
42. Агапцов С. Мы приходим в министерство не обличать, а помогать // Финансовый контроль. – 2012. – № 6 (127). – С. 68-74.
43. Агапцов С.А. Государственный финансовый контроль и бюджетная политика Российского государства. – М.: Финансовый контроль, 2004.
44. Агапцов С.А., Романов Е.Ю. Актуальные вопросы законодательного обеспечения доходов государственных внебюджетных фондов. – М.: Финансовый контроль, 2006.
45. Агапцов С.А., Романов Е.Ю. Доходы социальных фондов. Правовое регулирование доходов государственных внебюджетных фондов: проблемы и решения. – М.: Финансовый контроль, 2007.
46. Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской федерации / Под ред. А.Н. Козырина. – Система ГАРАНТ, 2009.
47. Александров Л. Владимир Путин: «Мы готовы к грядущим испытаниям и свершениям» // Финансовый контроль. – 2012. – № 6 (127). – С. 8-11.
48. Александров Л. Дорожная карта Путина // Финансовый контроль. – 2012. – №5(126). – С. 14-19.
49. Александрова Д. Не наступать на те же грабли: Выступление председателя счетной палаты Сергея Степашина в государственной Думе позволило депутатам наиболее объективно оценить плюсы и минусы бюджетного процесса в Россини // Финансовый контроль. – 2012. – №7 (128). – С. 50-54.
50. Александрова Д. Сергей Степашин: «Пора менять философию межбюджетных отношений» // Финансовый контроль. – 2012. – № 5(126). – С. 60-65.

51. Андрюшин С.А., Дадашев А.З. Научные основы организации системы общегосударственного финансового контроля // Финансы. – 2002. – № 4.
52. Ассоциация контрольно-счетных органов Российской Федерации (информационный сборник, посвященный 10-летию АКСОР) / Ред. коллегия: С.В. Степашин (председатель), С.М. Шахрай, Н.С. Столяров, Н.И. Панченко, В.В. Астафьев, И.П. Никулин, В.И. Перов, А.В. Якубовский. – М.: Проспект, 2010.
53. Атаманчук Г.В. Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем). – М.: РАГС, 2008.
54. Афанасьев М.П., Кривогов И.В. Финансы правового государства // Вопросы государственного и муниципального управления. – Т. 2. – М.: АБиК М-ва финансов РФ, 2007. – №2-3.
55. Боровков С. О чем шумят леса? // Финансовый контроль. – 2012. – №7 (128). – С. 56-59.
56. Боролков С. Счетная палата проверит использование федеральных денег на петербургских объектах // Финансовый контроль. – 2012. – №4(125). – С. 72-74.
57. Владимирова Т. Открытость бюджета и прозрачность контроля // Финансовый контроль. – 2012. – №5(126). – С. 66-69.
58. Владимирова Т. Парламентарии и аудиторы сверили часы // Финансовый контроль. – 2012. – №4(125). – С. 68-71.
59. Волков М. Как подчинить закону финансовые потоки? // Финансовый контроль. – 2012. – № 6(127). – С. 82-85.
60. Воронин Ю.М. Государственный финансовый контроль. Вопросы теории и практики. – М.: Финансовый контроль, 2005.
61. Воронин Ю.М., Селезнев А.З., Чередниченко Л.Г. Россия: экономический рост. – М.: Финансовый контроль, 2004.
62. Горегляд В.П. Бюджет как финансовый регулятор экономического развития. – М.: Экономика, 2002.
63. Горегляд В.П. Бюджетный рубль должен работать // Финансовый контроль. – 2010. – № 10(107). – С. 19-26.
64. Городецкий А.Е., Хоминич И.П. Финансовая безопасность: новые угрозы и вызовы в условиях глобализации // Вестник АНП РФ. Вып. 3. – М., 2003.
65. Государственный аудит в Европе. Достижения и перспективы: Сб. статей. – М.: Финансовый контроль, 2005.
66. Государственный финансовый контроль: социальная сфера и наука / Под ред. Ю.М. Воронина и со вступит. статей С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2003.
67. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. – М.: Юриспруденция, 2000.
68. Грачева Е.Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль в системе социального управления // Финансовое право. – 2003. – № 2.
69. Грачева Е.Ю., Толстопятенко Г.П., Рыжкова Е.А. Финансовый контроль: Учебное пособие. – М., 2004.
70. Грачева Е.Ю., Хорина Л.Я. Правовое регулирование бюджетного контроля в Российской Федерации: Курс лекций. – М., 2004.
71. Данилевский Ю.А., Овсянников Л.Н. Государство и финансовый контроль: Монография. – М., 2003.
72. Денисов С.А. Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право. – 2002. – № 3. – С. 9-16.
73. Дианова А. Выбор сделан. Преобразования будут продолжены // Финансовый контроль. – 2012. – № 6 (127). – С. 12-14.
74. Дианова А. Парламентсикий контроль должен быть действенным // Финансовый контроль. – 2012. – № 5(126). – С. 54-58.
75. Залог социальной стабильности (интервью с Председателем Счетной палаты РФ С.В. Степашиным) // Банковский ряд. – 2006. Весна. Спецвыпуск.
76. Ильина Ю. Принципы финансового контроля // Аудит и налогообложение. – 2005. – № 10.
77. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб., 2002.
78. Карандина Е.А. Федеральное казначейство в системе государственного финансового контроля Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007.
79. Картошкина Е.А., Шаманова Е.А. Развитие парламентского бюджетного контроля на региональном уровне // Финансовое право. – 2006. – № 3.
80. Катренко В. Контролеры помогут навести порядок в социальных расходах // Финансовый контроль. – 2012. – № 4(125). – С. 60-67.
81. Комментарий к федеральному закону «О Счетной палате Российской Федерации» / К.В. Сурков, А.В. Коровников, Ю.Ф. Кваша, С.О. Шохин; Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2002.
82. Кондрат Е.Н. Виды и формы финансового контроля: некоторые вопросы классификации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 89-96.
83. Кондрат Е.Н. Внешний государственный и муниципальный финансовый контроль: законодательные основы и

общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 77-88.
84. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль: основополагающие начала (принципы) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 103-109.
85. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль: понятие и сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 65-72.
86. Кондрат Е.Н. Контроль в финансовой сфере: место государства и рынка // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 80-89.
87. Кондрат Е.Н. Региональный финансовый контроль: конституционно-правовые основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 90-99.
88. Кондрат Е.Н. Финансовый контроль в субъектах Российской Федерации: актуальность проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2011. –№ 3. – С. 118-124.
89. Коровников А.В., Столяров Н.С., Сурков К.В., Шлейников В.И. Контрольно-счетные органы в Российской Федерации (в вопросах и ответах) / Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2001.
90. Леонидов А. Надзорные ведомства не должны дублировать друг друга // Финансовый контроль. – 2012. – № 7 (128). – С. 40-43.
91. Леонидов А. Парламентский контроль усилят законом // Финансовый контроль. – 2012. – № 6 (127). – С. 56-60.
92. Материалы выступления юрисконсульта Счетной палаты Владимирской области И.Н. Журавлевой на Научно-методическом совете Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 18 ноября 2005 г. по теме: «О противоречивости нормативных правовых актов Российской Федерации, касающихся организации внешнего финансового контроля в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spvo.ru/press/news/20051118/20051118-zhur.htm
93. Методология контроля общественных финансовых средств: Мат. междунар. науч.-практ. конф. 20-21 мая 2004 г. – М.: Финансовый контроль, 2004.
94. Научно-практический комментарий «Система органов государственного финансового контроля: полномочия, основные направления деятельности и вопросы их координации» / Под ред. А.А. Ялбулганова. – М.: Новая правовая культура, 2007.
95. Начало государственного аудита. – М.: Финансовый контроль, 2006.
96. Пансков В.Г. О некоторых вопросах государственного финансового контроля в стране // Финансы. – 2002. – № 5.
97. Повышать эффективность «сквозного контроля» (с XI конференции Союза муниципальных контрольно-счетных органов) в Брянске // Финансовый контроль. – 2012. – № 4 (128). – С. 76-81.
98. Погосян Н.Д. Счетная палата Российской Федерации. – М., 1998.
99. Подберезкин А.И., Коровников А.В. Россия и мир в период глобализации: в поисках концепции долгосрочного развития. – М.: Финансовый контроль, 2003.
100. Пожарский Д.В. Контрольно-надзорная деятельность как функция современного государства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2003. – № 4. – С. 33-35.
101. Саунин А.Н. Аудит эффективности в государственном финансовом контроле. – М.: Финансовый контроль, 2004.
102. Саунин А.Н., Коршунов А.Е Некоторые проблемы законодательного обеспечения деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации по контролю эффективности использования государственных средств и предложения по их решению // Компьюлог. – № 5(65) сентябрь-октябрь’04.
103. Сборник законодательства и комментарий к главе 251 Налогового кодекса Российской Федерации «Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов» / Сост. П.Н. Павлов, Т.В. Крамкова, Г.А. Мартьянов. – М.: Финансовый контроль, 2004.
104. Селиванов А.И. Научное обеспечение создания и функционирования системы финансовой безопасности Союзного государства России и Белоруссии // Основные направления обеспечения финансовой безопасности государств – участников Договора о создании Союзного государства. Матер. межгосуд. научно-практ. конф. 18 декабря 2008 г. – М., 2009.
105. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г., Шахрай С.М. Государство и экономика современной России: Реальность и перспективы (политико-правовой анализ). – М., 2006.
106. Синицына Т. Контрольная среда откроет реальность // Финансовый контроль. – 2012. – № 6 (127). – С. 62-67.
107. Соколова Э.Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. – М.: Юриспруденция, 2009.
108. Степашин С.В. Гласность – важнейшее условие повышения эффективности финансового контроля: Вступит. статья // Государственный финансовый контроль: социальная сфера и наука / Под ред. Ю.М. Воронина и со вступит. статей С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2003.
109. Степашин С.В. Государственная антимонопольная политика в современной России. – М.: Финансовый

контроль, 2005.
110. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. – М.: Наука, 2008.
111. Степашин С.В. Качество контроля намного важнее его количества (выступление на совещании в Кремле по вопросу совершенствования государственного контроля в Российской Федерации) // Вестник АКСОР. – 2008. – № 4.
112. Степашин С.В. По государственному счету. Заметки председателя счетной палаты России. – М.: Финансовый контроль, 2005.
113. Степашин С.В., Двуреченских В.А., Чегринец Е.А., Чернавин Ю.А. Власть – демократия – контроль. – М.: Финансовый контроль, 2005.
114. Степашин С.В., Сурков К.В. Государственный аудит: 15-летию Счетной палаты РФ и 10-летию Ассоциации контрольно счетных органов РФ посвящается. – М.: УП Принт, 2010.
115. Тезисы доклада С.В. Степашина на XVII конференции Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 17 марта 2011 года // http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/-17.03.2011.AKSOR_SVS-tree_files-fl-386.pdf
116. Феодосьева Г. Всемирный барометр Финансовых угроз // Финансовый контроль. – 2012. – № 6 (127). – С. 86-91.
117. Хабибулин А.Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 103-109.
118. Хабибулина А.А. Научное обоснование обеспечения финансовой безопасности России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 106-113.
119. Хабибуллин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М., 2008.
120. Шохин С.О., Воронина Л.И. Бюджетно-финансовый контроль и аудит. Теория и практика применения в России: Научно-методическое пособие. – М., 1997.
121. Экономическая безопасность Российской Федерации. В 2-х томах / Под ред. С.В. Степашина. – СПб., 2001.
122. Эффективность управления государственным долгом: Матер. науч.-практ. конф. – Москва, 26 ноября 2003 г. Ассоциация контрольно-счетных органов России. Дела и люди / Сост. Р.С. Столяров, А.В. Коровников, И.П. Никулин, Е.Н. Синева, Д.И. Саморуков. – М.: Финансовый контроль, 2004.

ВИКТОРОВ Геннадий Викторович,
соискатель Московского университета МВД России,
кандидат экономических наук
E-mail: g.startsev@yandex.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством

ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ: К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ПРЕСЕЧЕНИЯ КАНАЛОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы противодействия финансированию террористических и экстремистских группировок. Показано негативное влияние террористической деятельности на процессы модернизации экономики России, выявлены основные источники финансирования терроризма и способы передачи денежных средств, показаны проблемы документирования преступлений в данной сфере, даны предложения по совершенствованию механизма пресечения каналов финансирования терроризма и экстремизма.*

Ключевые слова: *модернизация экономики; перемещение наличных денежных средств; противодействие финансированию; терроризм; экстремизм.*

VIKTOROV G.V.

TO A QUESTION ON PERFECTION OF THE MECHANISM OF SUPPRESSION OF CHANNELS OF FINANCING OF TERRORISM AND EXTREMISM

The summary. *In article questions of counteraction to financing of terrorist and extremist groupings are considered. Negative influence of terrorist activity on processes of modernization of economy of Russia is shown, the basic sources of financing of terrorism and ways of transfer of money resources are revealed, problems of documenting of crimes in the given sphere are shown, offers on perfection of the mechanism of suppression of channels of financing of terrorism and extremism are given.*

Key words: *economy modernization; moving of cash money resources; counteraction to financing; terrorism; extremism.*

Переходу к инновационной модели развития, нацеленной на улучшение качества жизни населения Российской Федерации, угрожают терроризм, наркобизнес, организованная преступность и коррупция. Эти угрозы общественной и экономической безопасности резко снижают качество жизни населения, мешают развитию отечественного предпринимательства и привлечению иностранных инвестиций, препятствуют мировой интеграции.

Обозначенные угрозы тесно связаны между собой, однако наибольшее значение для улучшения морально-психологического и инвестиционного климата имеет борьба с терроризмом, который, как и наркобизнес, носит ярко выраженный международный характер. В Центральной Азии и Российской Федерации есть целые зоны, подвергающиеся после распада СССР атакам международных террористов. Это порождает у населения страх и неуверенность в будущем, стимулирует отток молодежи, высокообразованных и обеспеченных граждан за рубеж. Поэтому борьба с терроризмом в России и других странах – задача общенациональная, в ней участвуют правительства, региональные и муниципальные власти, гражданское общество, а не только правоохранительные ведомства.

Выступая на Давосском форуме 2011 г.,

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подчеркнул: «Все наши усилия по восстановлению, дальнейшему развитию мировой экономики будут тщетны, если мы не победим терроризм, экстремизм и нетерпимость, не объединимся, чтобы навсегда искоренить это зло – зло, представляющее наибольшую опасность для человечества» [1].

Противодействие терроризму – не только важнейшая внутригосударственная задача, без решения которой невозможна успешная модернизация экономики, но и общая задача для всех стран, имеющих безвизовый режим, зону свободной торговли, формирующийся общий рынок капиталов. Наконец, это и общая проблема глобализации мировой экономики, в связи с чем терроризм как явление должен изучаться разными науками, в том числе и экономическими. Представляет интерес изучение социально-экономических корней данной международной угрозы, на основе которого необходимо выработать организационно-экономические рекомендации по противодействию этому злу XXI в.

Получаемая в последние годы информация из средств массовой информации и правоохранительных источников свидетельствует об активизации на территории Российской Федерации террористической и экстремистской деятельности, финансируемой в том числе из-за рубежа. В этом плане наиболее сложным регионом Российской Федерации остается Южный федеральный округ.

Опыт стран, столкнувшихся с таким явлением, как терроризм, показывает, что одними только карательными методами его не победить. Для эффективной борьбы с этим злом необходимо искать корни проблемы и воздействовать на причины, его порождающие. Главным образом, нужно создать определенную социально-экономическую стабильность в обществе, решать вопросы занятости молодежи, заниматься духовно-нравственным и религиозным просвещением, то есть искоренять почву для роста преступности, экстремизма, нетерпимости и, как следствие, терроризма [7].

Представляется, что значительные финансовые ресурсы, поступающие в распоряжение идеологов и организаторов терроризма, также можно отнести к основным факторам, обеспечивающим возможность рекрутировать в бандформирования представителей местного населения и иностранных наемников, готовить и осуществлять террористические акции.

Финансирование бандформирований, действующих на территории Северо-Кавказского региона, осуществляется в значительной мере из стран Ближнего и Среднего Востока, в частности: Турции, Королевства Саудовской Аравии, Иордании, Объединенных Арабских Эмиратов, Катара, Ирана и др. Установлены международные террористические организации и исламские центры, принимающие участие в финансировании северокавказских экстремистов.

По поступающим сведениям международная террористическая организация (далее – МТО) «Братья-мусульмане» направила летом 2011 г. 4 млн. долларов на поддержку «джихада в Чечне и Ингушетии». Данные сведения подтверждаются неоднократно фиксировавшимися встречами эмиссаров этой МТО с доверенными лицами Д. Умарова, на которых осуществлялась передача денег.

Активная деятельность по оказанию финансовой и иной помощи бандформированиям Чеченской Республики развернута в районах компактного проживания чеченских общин, преимущественно в мусульманских странах и Европе. Наиболее распространенной формой является сбор денежных средств общинами или чеченскими общественными организациями, декларирующими своей целью оказание гуманитарной помощи исторической родине. «Добровольные пожертвования» собираются главами общин, организаций и фондов, после чего передаются эмиссарам главарей бандформирований.

Несмотря на финансовую поддержку из-за рубежа лидеров бандподполья, бандиты по-прежнему испытывают недостаток денежных средств и все больше обращаются к внутренним источникам финансирования. Бандформирования и религиозно-экстремистские объединения перенимают методы обычных организованных преступных группировок и фактически переходят на полное «самообеспечение», беря под контроль криминальный бизнес, в частности, торговлю наркотиками, похищение людей, рэкет и вымогательство денег у коррумпированной части чиновников. Поэтому актуальной остается разработка комплекса дополнительных мероприятий по выявлению, предупреждению и пресечению финансирования структур

международных террористических организаций и бандформирований, действующих на Северном Кавказе.

Работа органов Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел Российской Федерации на этом направлении строится в соответствии с решениями совместных заседания коллегий данных ведомств, разрабатываются планы организационно-управленческих и оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и пресечению финансирования террористической и экстремистской деятельности, а также подрыву экономических основ терроризма. Мероприятия по вскрытию и пресечению каналов финансирования терроризма ведутся органами Федеральной службы безопасности в тесном взаимодействии с Главным управлением экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. В рамках совместных планов налажено и осуществляется взаимодействие правоохранительных органов с Центральным банком Российской Федерации, Росфинмониторингом России.

В процессе осуществления мониторинга финансовых операций на основании оперативных материалов, поступающих из органов безопасности и правоохранительных структур, Росфинмониторингом сформирован Перечень организаций и физических лиц, подозреваемых в причастности к экстремистской (террористической) деятельности. По состоянию на 6 июля 2011 г. в перечне присутствуют 194 организации и 401 фамилия международных террористов, 46 организаций и 1510 фамилий - отечественных. Среди них: «Аль-Каида в странах исламского Магриба», «Талибан» или «Братья-мусульмане». Основная часть перечня - структуры с Северного Кавказа: Имарат Кавказ, Совет старейшин балкарского народа, Конгресс народов Ичкерии и Дагестана [6].

Органами безопасности постоянно проводится работа по материалам в отношении юридических и физических лиц, в ходе которой наряду с данными об экономических преступлениях поступает информация об использовании незаконно полученных доходов для финансирования террористической деятельности. В целом в результате проводимых правоохранительными органами профилактических мероприятий на фоне мирового финансового кризиса отмечено снижение объемов финансирования субъектов террористической деятельности из-за рубежа со стороны общественных и религиозных организаций.

Представляется, что негативное влияние на обстановку в сфере пресечения каналов финансирования террористических и экстремистских организаций оказывают следующие факторы:

- несовершенство российского и международного законодательства, не позволяющее отслеживать многоступенчатые схемы финансирования террористических и экстремистских структур, используемые международными террористическими организациями;
- отсутствие законодательного регулирования перемещения в пределах страны наличных денежных средств неизвестного происхождения;
- ограничения, содержащиеся в статье 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности» [3], не позволяющие органам Федеральной службы безопасности, ведущим проверку оперативной информации, до возбуждения уголовных дел знакомиться со сведениями, составляющими банковскую тайну. Вместе с тем, в соответствии со статьей 18 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ такое право имеют органы внутренних дел при осуществлении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению налоговых преступлений;
- сложность выявления государственными финансовыми контролирующими органами (Росфинмониторинг, Федеральная налоговая служба, Центробанк России) перемещений денежных средств внутри национальных общин (прежде всего кавказских и среднеазиатских) посредством использования ими теневой системы денежных переводов, основанных на взаиморасчетах между посредниками (т. н. «хавала»). Пробелы в законодательной базе не позволяют отслеживать подобные операции с денежными средствами, т.к. они не являются банковскими;
- использование «фирм-однодневок», по счетам которых перемещаются значительные суммы денежных средств. Многие фирмы, осуществляющие подобную деятельность,

регистрируются на утерянные паспорта или документы умерших граждан;
- соблюдение мер конспирации лидерами террористических ячеек и их посредниками в ходе реализации финансовых схем, крайне ограниченный круг посвященных в детали и схемы поступления финансовых средств.

Способы передачи денежных средств весьма разнообразны – от использования курьеров и доверенных лиц до применения самых современных легальных методов перевода денег (платежные системы мобильной связи и сети Интернет, а также внебанковские переводы («Вестерн Юнион» и подобные им системы). Существуют также и достаточно сложные, многоступенчатые «офсетные системы» (закупаются партии товара в одной стране, перепродаются в другой, а выручка идет на финансирование экстремистской деятельности). Подобная схема была реализована в 2008 г. в Республике Татарстан эмиссарами турецкой экстремистской секты «Нурджулар» в ходе поставки оборудования для птицефабрики в Набережных Челнах.

На сегодняшний день одной из главных задач в деле пресечения каналов финансирования терроризма остается обеспечение должного контроля за перемещением гражданами наличных денежных средств, что затруднительно с позиций действующего законодательства. Данное обстоятельство используется преступными группировками (как правило, выходцами с Кавказа), регулярно осуществляющими доставку из стран СНГ и Ближнего Востока на территорию Российской Федерации крупных сумм наличной валюты и рублей неустановленного происхождения, которые используются российскими кредитными организациями для проведения операций по обналичиванию денежных средств и могут направляться на финансирование террористической и экстремистской деятельности. К странам, откуда производится ввоз денег, относятся: Киргизия, Азербайджан, Объединенные Арабские Эмираты. В качестве курьеров по перевозке денег выступают, как правило, граждане России – выходцы из Северо-Кавказского региона, Азербайджана, Киргизии.

В условиях повсеместного использования пособниками террористов наличных денег в качестве средства платежа одним из немногих действенных способов выявления каналов получения ими денежных средств, в том числе из-за рубежа, является организация надлежащего контроля за доходами и расходами физических лиц. В России такие механизмы, основанные на положениях ряда статей Налогового кодекса (в первую очередь статьи 86.1, 86.2, 86.3), были действительны с 1 января 2000 г. до июля 2003 года, когда они утратили силу согласно Федеральному закону от 7 июля 2003 г. № 104-ФЗ [4].

Кроме того, в случаях финансирования террористической деятельности сторонними лицами, ряд объективных факторов не позволяет в полном объеме документировать признаки преступлений, предусмотренных статьей 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] («Содействие террористической деятельности»). Даже при наличии установленного факта передачи денег (объективная сторона состава преступления) перспектива привлечения лица, финансирующего бандгруппы и террористические ячейки, крайне затруднительна ввиду отсутствия доказательной базы субъективной стороны преступления (прямого умысла). Подобное возможно лишь в том случае, когда подозреваемый сам подтверждает, что осознал факт содействия террористической деятельности и желает этого. Однако практика доказывания по данным видам преступлений, а также угроза, которую в себе несет сам террористический акт как таковой, указывает на то, что субъективная сторона данного деяния должна характеризоваться как прямым, так и косвенным умыслом, когда подозреваемый в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ мог и должен был предвидеть, что оказываемая им помощь, в том числе и финансовая, шла на террористическую деятельность.

Таким образом, в целях совершенствования механизма пресечения каналов финансирования терроризма и экстремизма целесообразно:
- создать на базе МВД России межведомственную рабочую группу для выработки единого подхода по отработке конкретных фигурантов и коммерческих структур, прямо или опосредованно участвующих в финансировании экстремизма и терроризма, а также для организации совместных мероприятий в рамках отдельных планов;
- активизировать реализацию

законодательных мер, направленных на сокращение объемов наличных расчетов в экономической деятельности, снижение наличной денежной массы, находящейся в обороте;

- проработать вопрос о приведении диспозиции статьи 205.1 УК РФ в соответствие с положениями статьи 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [5] и обязательствами Российской Федерации, принятыми при ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма;
- рассмотреть вопрос о восстановлении в полном объеме механизма контроля за расходами физических лиц в редакции Налогового кодекса, действовавшего в 2000 – 2003 гг.;
- разработать механизм правового регулирования осуществления финансовых расчетов с использованием сети Интернет, а также правового статуса на территории Российской Федерации платежных систем с использованием «электронных денег» с целью улучшения механизма контроля за осуществлением безналичных расчетов в небанковской сфере.

Список литературы

1. Медведев Д.А. Выступление на Давосском форуме 2011 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.kremlin.ru/transcripts/10163 (дата обращения: 23.07.2012).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 июля 2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности: Федеральный закон» (ред. от 29 июня 2012 г.) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. – 1990. – № 27. – Ст. 357.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 7 июля 2003 г. № 104-ФЗ «О признании утратившими силу положений законодательных актов Российской Федерации в части налогового контроля за расходами физических лиц: Федеральный закон» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 28. – Ст. 2873.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму: Федеральный закон» (ред. от 8 ноября 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
6. Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму // Российская газета. – 2011. 6 июля.
7. Шавхалов М. Корни терроризма – в социально-экономических проблемах // Ингушетия. – 2010. – № 109 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazetaingush.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1680:2010-02-18-08-34-00&catid=6:2009-05-05-20-24-47&Itemid=6 (дата обращения: 23.07.2012).

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ.

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО (У) МИД России;
кандидат юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации
E-mail: inkodrat@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. *В статье рассматриваются принципы уголовного судопроизводства, отнесенные автором к процессуальным. Идет речь и презумпции невиновности, состязательности сторон, обеспечении подозреваемому и обвиняемому право на защиту, свободе оценки доказательств и языке уголовного судопроизводства. Все они представляются в исследовании с учетом международно-правовых норм и национального российского законодательства, изучения постановлений конституционного суда Российской Федерации.*

Интересно в работе изложена дискуссия по многим спорным вопросам темы. Заслуживает поддержки позиция автора, солидаризированная с Г.П. Химичевой и другими исследователями о системе, единстве принципов уголовного судопроизводства, обладающем особым интегративным качеством – обеспечение достижения всех целей уголовного процесса, в том числе и обеспечение конкретных прав и законных интересов его участников. Нельзя не согласиться здесь и с мыслью о необходимости корректировки принципов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; процессуальные принципы; презумпция невиновности; состязательность сторон; обеспечение права на защиту; свобода оценки доказательств; язык судопроизводства; система и единство принципов; корректировка принципов.*

KONDRAT I.N.

PROCEDURAL PRINCIPLES OF CRIMINAL JUSTICE AND HUMAN RIGHTS

The summary. *The article considers the principle of criminal proceedings referred by the author to procedural ones. The subject concerns the presumption of innocence, adversary character of the parties, provision of the right to protection for the suspected and accused person, the freedom of evidence assessment and the language of criminal proceedings. All of them are presented in the research paper with a glance to the international rules of law and the national Russian legislation, the study of epy rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation.*

The debate on various disputed issues of the subject is given in the paper with a point of interest. The author's standpoint socialized with G.P. Khimitchev and other researchers on the system, unity of criminal justice principles which have a special integrative characteristic – achievement of all objectives

of criminal proceeding including the ensuring of specific rights and legitimate interests of its participants deserves the support. It is impossible to disagree here on the idea of the need for updating the principles of criminal proceedings.

Key words: *criminal proceedings; procedural principles; presumption of innocence; adversary character of the parties; provision of the right to protection; the freedom of evidence assessment; language of criminal proceedings; the system and unity of principles; update of principles.*

Среди процессуальных принципов уголовного судопроизводства можно назвать презумпцию невиновности, состязательность сторон, обеспечение подозреваемому и обвиняемому право на защиту, свободу оценки доказательств, язык уголовного судопроизводства и право на обжалование процессуальных действий.

Как известно, в юридической литературе существует много дискуссий по вопросам понятия, содержания, классификации, системы принципов уголовного судопроизводства [11; 13; 14; 16; 17; 19; 20; 21; 23; 26; 27; 31; 33; 36; 37; 38; 40; 41; 42]. Эти дискуссии не обошли стороной и процессуальные принципы. Попытаемся рассмотреть их с учетом предложенных в исследованиях дискуссионных позиций.

Презумпция невиновности – одна из важнейших международных юридических норм защиты прав и свобод человека. В европейском праве презумпция невиновности изложена в п. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком» [46].

Европейский Суд дал определение понятию «презумпция невиновности» в деле Минелли против Швейцарии (1983 год). Заявительница жаловалась на то, что ей было предписано возместить судебные издержки по делу, которое стало неподсудным по причине пропуска исковой давности, что, по ее мнению, являлось нарушением презумпции невиновности. Признав нарушение п. 2 ст. 6 Конвенции, Суд постановил, что без предъявления доказательств вины обвиняемого в соответствии с законом и, в частности, без предоставления ему возможности осуществить свои права на защиту судебное решение, касающееся его и отражающее мнение, что он виновен, является нарушением принципа презумпции невиновности.

Принимая решение по делу Барбера, Мессегэ и Хабардо против Испании (1988 год), Суд сформулировал критерии оценки соблюдения или несоблюдения п. 2 ст. 6 Конвенции. Так, при исполнении своих обязанностей члены суда руководствуются следующими положениями: они не должны исходить из предвзятого мнения, что обвиняемый совершил вменяемое ему в вину преступление; задача доказывания вины лежит на обвинении; любое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого. Кроме того, обвинение должно уведомить обвиняемого о том, какие обвинения ему будут предъявлены, чтобы тот мог соответственно подготовить и представить свою защиту, а также оно должно предъявить доказательства, достаточно серьезные для его осуждения [45].

На национальном уровне данный принцип закреплен в ст. 49 Конституции Российской Федерации и находит свое дальнейшее развитие в ст. 14 УПК РФ [1; 2]. Суть этого принципа сводится к следующему: во-первых, подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, поскольку бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения; во-вторых, все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, толкуются в пользу обвиняемого; в-третьих, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях [9; 10; 12; 14; 22; 23; 24; 29; 30; 32; 34; 35; 43].

Состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ).

Согласно этому принципу уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Суд, не являясь органом уголовного преследования, не выступая на стороне обвинения или стороне защиты, создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных

им прав. При этом стороны обвинения и защиты равноправны перед судом [44].

Положения данного принципа не только явились предметом острых дискуссий среди ученых, но и рассматривались Конституционным судом Российской Федерации. Примером тому может служить запрос группы депутатов Государственной Думы Российской Федерации, по мнению которых, поскольку функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо, данное обстоятельство освобождает государственные органы и их должностные лица (прокурора, следователя, дознавателя) от выполнения конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

Конституционный Суд Российской Федерации посчитал, что осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, прокурор (следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения), должен подчиняться предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства, следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным уголовно-процессуальным законом. В соответствии с этим указанные лица обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами: обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11); исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности (ст. 14); обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (ст. 16); принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (ст. 7) в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Каких-либо положений, допускающих освобождение прокурора, следователя, дознавателя от выполнения упомянутых выше обязанностей, уголовно-процессуальный закон, в том числе оспариваемая депутатами Государственной Думы ч. 2 ст. 15 УПК РФ, не содержит.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, согласно которому, по своему конституционно-правовому смыслу положения ч. 2 ст. 15 УПК РФ не исключают необходимость использования прокурором, следователем, дознавателем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Осуществление указанными лицами своей процессуальной функции именно в таком объеме, гарантируемое особым процессуальным статусом и полномочиями прокурора, следователя, дознавателя, а также наличием судебного контроля в отношении их действий и решений, включая контроль со стороны апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, обеспечивает в рамках уголовного судопроизводства выполнение государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, их обеспечению правосудием (ст. 2 и 18 Конституции РФ) [8].

Состязательное начало как гарант прав, законных интересов сторон предполагает процессуальное равноправие сторон, отстаивающих перед судом свои интересы – признание права за состязающимися использовать равные средства и возможности для утверждения своих позиций и права оспаривать требования противоположной стороны.

Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

Этот принцип означает, что подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя. Суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными уголовно-процессуальным законом способами и средствами. В случаях, предусмотренных УПК РФ, обязательное участие защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.

Данное право вытекает из конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ), которое требует своего самостоятельного

рассмотрения.

Свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. В соответствии с ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Данный принцип направлен на то, чтобы исключить принятие произвольных, необоснованных решений. Устранение нарушений, связанных с несоблюдением этих требований, обеспечивается закрепленным в законе порядком обжалования и проверки, в том числе судебной, законности и обоснованности действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Таким образом, не предоставляя органам предварительного расследования и суду право произвольного решения вопроса об относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, указанное нормативное предписание вместе с тем направлено на исключение какого бы то ни было внешнего воздействия на суд, следователя и других лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с целью понуждения их к принятию того или иного решения. Таким образом, мы видим высокую правозащитную и нравственную составляющую рассматриваемых норм.

Язык уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ).

Уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в состав Российской Федерации республик. В свою очередь в Верховном Суде Российской Федерации и военных судах производство по уголовным делам ведется на русском языке. Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Если в соответствии с уголовно-процессуальным законом следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет.

Приведенные нормы уголовно-процессуального закона корреспондируют положениям Федерального закона от 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [3], обязывающим обеспечивать лицам, не владеющим государственным языком Российской Федерации, право на пользование услугами переводчиков (ч. 2 ст. 5), и Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-I «О языках народов Российской Федерации» [4], закрепляющим, что лица, участвующие в деле и не владеющие языком, на котором ведутся судопроизводство и делопроизводство в судах, а также делопроизводство в правоохранительных органах, вправе выступать и давать объяснения на родном языке или на любом свободно избранном ими языке общения, а также пользоваться услугами переводчика.

Лица, не владеющие языком судопроизводства вправе: делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела на родном языке или другом языке, которым он владеют; выступать в суде на родном языке или другом языке, которым он владеют; бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом; требовать перевода на родной язык или язык, которым он владеет процессуальных документов, подлежащих обязательному вручению.

Важно не подчеркнуть, что указанные права неоднократно являлись предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации. Так, в частности, поводом послужила возникшая неопределенность в понятии «лицо, недостаточно владеющее языком, на котором ведется производство по уголовному делу». Конституционный Суд Российской Федерации

разъяснил, что это понятие, как и всякое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике.

Суд, разъясняя сторонам их права и обязанности и создавая необходимые условия для исполнения ими процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 1 ст. 11 и ч. 3 ст. 15 УПК РФ), должен удостовериться в том, что уровень владения участником уголовного судопроизводства языком, на котором оно ведется, со всей очевидностью является достаточным для реализации этим участником его прав и обязанностей.

Вместе с тем нельзя не отметить, что нередки случаи, свидетельствующие о явном злоупотреблении подозреваемым (обвиняемым) своими правами, предусмотренными ст. 18 УПК РФ.

Так, Кемеровским областным судом 14 октября 2008 г. М. осужден по ч. 1 ст. 210, по ч. 4 ст. 188, п. п. «а«, «г» ч. 3 ст. 228.1, по ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. М. был признан виновным в создании преступного сообщества для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, которые незаконно перемещались через таможенную границу Российской Федерации из Киргизской Республики, а также за совершение ряда иных преступлений.

В кассационной жалобе осужденный М. ссылался на нарушение его права пользоваться услугами переводчика и пользоваться родным диалектом китайского дунгана; утверждал, что переводчик, который был у него в ходе предварительного следствия и в суде, по национальности киргиз, не владел этим диалектом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 11 февраля 2009 г. доводы кассационной жалобы оставила без удовлетворения по следующим основаниям.

Согласно положениям ч. 2 и 3 ст. 18 и ст. 47 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый и подсудимый вправе пользоваться услугами переводчика в том случае, если они не владеют либо недостаточно владеют языком, на котором ведется судопроизводство. Гражданство иностранного государства не влечет за собой обязательное назначение переводчика, если лицо в достаточной мере владеет языком, на котором ведется судопроизводство. В ходе предварительного следствия М. был назначен переводчик, владеющий киргизским языком, на том основании, что М. является гражданином Киргизской Республики и, возможно, не все будет понимать на русском языке. Вместе с тем решение следователя не было основано на фактических обстоятельствах дела: с момента задержания и до окончания предварительного следствия М. ни разу не попросил переводчика (ни на киргизском, ни на дунганском языках) и не пользовался услугами назначенного ему следователем переводчика с киргизского языка.

М. в ходе предварительного следствия пояснял, что он в совершенстве владеет русским языком, читает и пишет на русском языке, учился в русскоязычной школе, и неоднократно заявлял о том, что показания он будет давать на русском языке. В судебном заседании М. просил предоставить ему переводчика, который знает диалект китайского дунгана, утверждая, что он плохо понимает киргизский язык, не знает киргизской письменности и не умеет читать на этом языке. При этом М. заявил, что не умеет ни читать, ни писать также и на дунганском языке. Вместе с тем из материалов дела следует, что М. служил в армии на территории РСФСР, длительное время проживал в Российской Федерации. Жена осужденного М. поясняла, что ее муж родился в 1970 году в Киргизской ССР, является по национальности китайским дунганом, но дома они всегда общались на русском языке.

Учитывая изложенные обстоятельства, суд первой инстанции обоснованно рассмотрел дело в отсутствие переводчика, правомерно признав, что М. в достаточной мере владеет русским языком [5].

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что необходимость обеспечения обвиняемому права на пользование родным языком в условиях ведения уголовного судопроизводства на русском языке не исключает того, что с учетом положений ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации (согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц) законодатель вправе установить такие условия и порядок реализации данного права, чтобы они не препятствовали разбирательству дела и решению задач правосудия в разумные сроки, а также защите прав и свобод других участников

уголовного судопроизводства. В свою очередь, органы предварительного расследования, прокурор и суд своими мотивированными решениями вправе отклонить ходатайство об обеспечении тому или иному участнику судопроизводства помощи переводчика, если материалами дела будет подтверждаться, что такое ходатайство явилось результатом злоупотребления правом [7].

Таким образом, в решениях Конституционного Суда Российской Федерации мы видим четкую приверженность достижению двуединой правозащитной цели уголовного судопроизводства, закрепленной в ст. 6 УПК РФ.

Право на обжалование процессуальных действий (ст. 19 УПК РФ).

Действия (бездействие) и решения суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном главами 43-45 и 49 УПК РФ.

В юридической литературе верно отмечается, что жалоба в уголовном процессе – это обращение участника процесса в соответствующий орган или к должностному лицу по поводу нарушения прав и охраняемых законом интересов [15, стр. 157].

При реализации данного права нередко возникает вопрос о возможности обжалования действий (бездействия) вышеуказанных должностных лиц лицами, не обладающими статусом участника уголовного процесса.

Так, Южноуральский городской суд Челябинской области не удовлетворил жалобу гражданки Л.М. Семеновой на постановление дознавателя, отказавшего в возбуждении уголовного дела по факту нанесения ей телесных повреждений, признав постановление законным и обоснованным. В рассмотрении кассационной жалобы на данное судебное решение Л.М. Семеновой было отказано со ссылкой на ч. 4 ст. 354 УПК РФ, предоставляющую право апелляционного и кассационного обжалования судебного решения лишь указанным в данной норме лицам, к числу которых, по мнению суда, Л.М. Семенова не относится.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобу заявительницы, совершенно верно с правозащитных позиций указал, что суды при применении уголовно-процессуального закона должны учитывать, что в соответствии со ст. 19 и 123 УПК РФ и, исходя из сформулированных Конституционным Судом правовых позиций, действия (бездействие) и решения органов дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда могут быть обжалованы как участниками уголовного судопроизводства, так и иными лицами, в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Указанные нормы, носящие общий характер (в единстве с которыми подлежит применению оспариваемая заявительницей ч. 4 ст. 354 УПК РФ), не содержат каких бы то ни было предписаний, позволяющих ограничивать возможности лиц, чьи права и законные интересы оказались непосредственно затронутыми конкретными судебными решениями, по обжалованию этих решений в вышестоящие судебные инстанции [6].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно отметить, что, с одной стороны, принципы уголовного судопроизводства, предусмотренные главой 2 УПК РФ, исторически связаны с прогрессивными завоеваниями в области прав и свобод личности и, как следствие, развивают и конкретизируют международные стандарты в этой сфере; с другой – их подлинная реализация существенно осложнена тем, что сопряжена с попыткой «решить юридическими мерами великое нравственное противоречие между соблюдением абсолютных и неотъемлемых прав человека и эффективной защитой общества от жестокого и бесцеремонного преступного мира конца XX века» [18, стр. 113].

Анализируя это противоречие, И.Я. Фойницкий справедливо указывал, что «государственная помощь сторонам в уголовном деле вытекает из недостаточности их сил для надлежащего служения государственным интересам правосудия. Первоначально заботы государства ограничиваются стороной обвинительной, которой оказывается помощь или денежными средствами, как доныне в Англии, или доставлением общественного почета, как в Древнем Риме, или возложением функций ее на общину, как у племен германских в средние века, или, наконец, учреждением для обвинения особой должности… Но постепенно выясняется необходимость государственной помощи и для стороны обвиняемой ввиду как того, что

государственный интерес правосудия не мирится с осуждением невиновных, так и необходимостью процессуальной равноправности сторон» [39, стр. 12-13].

Следовательно, обеспечение конституционных прав и свобод личности, в том числе, защиты от необоснованного ареста, привлечения к уголовной ответственности и осуждения, а общества от преступных посягательств, должно базироваться на системе взаимосвязанных и взаимообусловленных принципов уголовного судопроизводства. И здесь вполне очевидно, что нарушение либо игнорирование любого из них всегда влечет за собой не только нарушение определенных прав личности в уголовном судопроизводстве, но и странгуляцию других принципов, а в результате ослабевает вся основополагающая система, что, в конечном итоге отражается на обеспечении прав участников уголовного судопроизводства. Принципы уголовного судопроизводства не просто объединены в одну систему, они образуют ее как единое целое, которое обладает особым интегративным качеством. И лишь система принципов способна обеспечить достижение как всех целей уголовного процесса, так и обеспечить конкретные права и законные интересы его участников. Лишь система, в единстве ее принципов, способна на такой результат, чем не обладает ни один из принципов, взятых в отдельности [42, стр. 160; 28, стр. 140].

По справедливому замечанию Г.П. Химичевой принципы уголовного судопроизводства «как исходные, основополагающие положения, определяющие построение всех ситуаций, форм и институтов уголовного судопроизводства и обеспечивающие реализацию его назначения, имеют реальное значение. Они программируют сущность и содержание уголовного судопроизводства в целом, определяют важнейшие его свойства и качественные черты; функции и полномочия органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, правовое положение иных участвующих в деле лиц и т. д. На основе установленных в законе правовых предписаний можно судить, насколько широко в судопроизводстве представлены и защищены права потерпевшего, обвиняемого и иных лиц, как физических, так и юридических [42, стр. 160].

При этом не вызывает сомнения тот факт, что закрепление в национальном законодательстве содержания принципов уголовного судопроизводства далеко от совершенства, что в свою очередь ставит задачу дальнейшей разработки их положений. В частности, нормы, в которых нашли отражение принципы, регламентирующие права личности, закреплены в различных правовых актах. Поэтому в большинстве случаев определять сущность того или иного принципа и вытекающие из него права личности приходится исключительно посредством логического толкования взаимосвязанных положений того или иного нормативного правового акта. Это затрудняет выявление не только сущности каждого принципа в отдельности, но и порядка их взаимодействия в рамках единой системы принципов уголовного судопроизводства и, как следствие, создает существенные препятствия для разработки целостной теоретической модели процессуальных основ при производстве по уголовным делам.

Заслуживает внимания и предложения Г.П. Химичевой о дополнении ныне существующей системы принципов уголовного судопроизводства как минимум двумя положениями, известными по УКП РСФСР 1960 г.: всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела; установление объективной истины как цели уголовно-процессуального доказывания. Прошло 10 лет с момента принятия УПК РФ и не все помнят, пишет Г.П. Химичева «предписания ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. Об обязанности суда, прокурора, следователя, лица, производившего дознание, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а так же смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства, которым корреснодировами правила о всесторонней, полной и объективной проверке и оценке доказательств (ст. 70, 71 УПК РСФСР 1960 г.) В настоящий момент, когда все чаще выдвигаются идеи о создании нового УПК РФ, полагаем возможным предложить установить в уголовно-процессуальном законе принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела и взаимосвязанное с ним положения о цели доказывания-установления объективной истины» [42, стр. 162].

С нашей точки зрения, принятые предложения

Г.П. Химичевой безусловно способствовало бы дальнейшему обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2012.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2012.
3. Федеральный закон от 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ // «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 23. – Ст. 2199.
4. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-I «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 50. – Ст. 1740.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2009 г. № 81-009-4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 г. № 119-О «По жалобе гражданки Семеновой Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 23. – Ст. 2333.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июня 2006 г. № 243-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Череповского Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2804.
9. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лакашевича. – СПб., 2003.
10. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб., 1998.
11. Антонов И.А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователя. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003.
12. Антонов И.А. Уголовно-процессуальная деятельность следователей (нравственно-правовые аспекты) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
13. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Право на возмещение ущерба, причинённого преступлением, в системе прав личности в сфере уголовного судопроизводства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 17-21.
14. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
15. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – М., 2002.
16. Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. – СПб: Юридический цент-Пресс, 2003.
17. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. – СПб.: Юридический центр-пресс, 2003.
18. Головко Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. – М.: СПАРК, 1995.
19. Григонис Э.П. Механизм государства (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. …докт. юрид. наук. – СПб., 2000.
20. Григонис Э.П. Механизм государства: вопросы теории и практики. – СПб., 1999.
21. Гриненко А.В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Воронеж, 2001.
22. Громов В.В. Обеспечение прав человека на стадии предварительного расследования: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2001.
23. Демидов И.Ф. Проблемы прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения). – М.: НИИ ПУЗ и П, 1995.
24. Егоров И.М. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в досудебных стадиях уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
25. Егоров С.Е. Общепризнанные принципы и нормы о правах человека в уголовном процессе России: Автореф.

дис. … докт. юрид. наук. – М., 2003.
26. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004.
27. Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Саратов, 1987.
28. Курс советского уголовного процесса. Часть общая / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М., 1989.
29. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение: вопросы теории и практики. – СПб., 2004.
30. Кутуев Э.К., Антонов И.А. Заключение под стражу и содержание под стражей: состояние, проблемы, перспектива / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001.
31. Логунов О.В. Система принципов современного российского уголовного судопроизводства: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
32. Лукашевич В.З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. – Л.: ЛГУ, 1985.
33. Михайловская И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. – 2002. – № 7.
34. Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадии предварительного расследования). – М.: Спарк, 1996.
35. Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России. – М.: Юрлитинформ, 2002.
36. Тхакушинов М.А. Назначение и принципы современного российского уголовного судопроизводства. – СПб., 2003.
37. Тхакушинов М.А. Прокуратура Российской Федерации как гарант реализации принципов уголовного судопроизводства. – СПб., 2003.
38. Тхакушинов М.А. Реализация принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2003.
39. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. – СПб.: АЛЬФА, 1996.
40. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам и концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Экзамен, 2003.
41. Химичева Г.П. О реализации процессуальных функций прокурора на досудебном производстве по уголовному делу // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2011. – № 12. – С. 220-224.
42. Химичева Г.П. Требуется корректировка принципов уголовного судопроизводства // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2011. – № 11. – С. 160-162.
43. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2000.
44. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2001.
45. Eur. Court H.R. Barbera, Messegue and Jabardo v. Spain, judgment of 6 December 1988, Series A no. 146 para.
46. Eur. Court H.R. Minelli v. Switzerland, Judgement of 25 Mar. 1983, Series A, No.62; para.37.

ИВАНОВ Алексей Владимирович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
E-mail: spb.jurist@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОРЕАЛИЗУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АДВОКАТУРЕ

Аннотация. *В статье анализируются основные направления совершенствования правореализующей деятельности в адвокатуре России. Рассмотрены такие направления, как исполнение правовых обязанностей, организация работы по оказанию юридической помощи.*

Ключевые слова: *реализация права; адвокатура; юридическая помощь; правовые обязанности; деятельность; совершенствование.*

IVANOV A.V.

AREAS OF LAW-IMPLEMENTATION ACTIVITY IMPROVEMENT IN THE ADVOCACY LEGAL PROFESSION

The summary. *The article analyzes the main areas of law-implementation activity improvement in the advocacy of Russia. The consideration is given to such areas as fulfillment of legal obligations, organization of work on provision of legal aid.*

Key words: *law implementation; advocacy; legal aid; legal obligations; activity; improvement.*

Достижение эффективности в стадии использования права связано с возможностью проявления социальной активности адвокатуры в реализации предоставленных правомочий, позволяющего наиболее целесообразно рассчитывать как на действенность осуществляемых личных правомочий, так и затрагивать права иных участников процесса реализации права.

Такая правореализационная форма деятельности адвоката как исполнение правовых обязанностей субъектов выполняет корреспондирующую обязанную функцию по отношению к управомоченному субъекту использования правомочий. В этом случае эффективность исполнения юридических обязанностей связана с качеством процесса претворения обязывающих норм в обществе. Эффективность в этой форме реализации права проявляется не только на основе конкретизации обязывающих юридических норм, но и на выявлении элементов, определяющих механизм регулирования таких норм в сложившихся правоотношениях.

Создание эффективности в правоприменительном процессе связано с определением уровня поставленной цели, с приемами и средствами, положенными в основу ее достижения, с действиями (деятельностью) правоприменителя, значением правоприменительного акта и правоприменительной практики, выполняющими огромную роль в становлении данного процессуального образования.

Для более полной характеристики правореализационного процесса как основополагающего компонента новой правовой категории немаловажное значение имеет исследование его эффективности в сфере деятельности адвокатуры, изучение

эффективности правореализационного процесса как проявления правовой культуры личности и общества.

Одной из составляющих модели новой категории «эффективность правореализационного процесса» является фактор правовой культуры адвоката. Данный фактор определяет высокий уровень правового мышления, связан с выявлением в их сознании и поведении черт сознательной правовой активности, способствует формированию правосознания в обществе и его отражению в действиях (деятельности) адвокатов, реализующих право. Правовая культура адвоката позволяет характеризовать эффективность правореализационного процесса с точки зрения видения его обществом, с позиции выставления оценок социумом по конкретным направлениям деятельности адвокатов, призванных осуществлять предписания закона. Культура способствует развитию профессионального мастерства адвокатов как субъектов правореализационного процесса, их специальных приемов и определенных навыков, что на эффективность применения юридических предписаний.

Поэтому важная роль в анализе и оценке понятия «эффективность правореализационного процесса» принадлежит не только «человеческому фактору» т.е. определенной личности и функционирования адвокатуры, но и от того, насколько четко установлены цели, удовлетворены потребности субъектов, распределены функции, что свидетельствует о результативности данного управленческого процесса.

Деятельность адвоката проходит в особых процессуальных формах. Изучению природы процессуальных решений, механизма их принятия, требований, предъявляемых к ним, гарантии их законности в юридической литературе посвящен ряд работ. Тем не менее, нельзя считать, что эти проблемы решены в полной мере [2, стр. 261].

В этом отношении большое значение имеет общая теория правоприменения. Она представляет собой комплексное исследование гносеологических и правовых основ процессуальных правоприменительных актов, поскольку в нем предпринимается попытка показать и то общее, что присуще всем решениям, и то особенное, что должно быть учтено при принятии некоторых из них [1, стр. 15-20].

К процессуально-правовым основаниям правоприменения следует отнести структуру органов, правомочных принимать решения; санкции за принятие неправильных решений; процессуальный порядок собирания, правил и оценки доказательств; требования доказанности фактических оснований правоприменительных актов. Кроме того, процессуальная форма реализации права должна находиться в неразрывной связи с теми правовыми и нравственными нормами, которым должно отвечать содержание любого решения.

Для того чтобы адвокатура являлась важным звеном в механизме правореализации, а адвокат функционировал эффективно по защите прав и свобод граждан, автор считает необходимым:

1) обеспечить независимость и повысить роль и авторитет адвокатуры в правовой системе государства;
2) ввести самостоятельный институт подготовки и переподготовки кадров;
3) институт адвокатуры должен быть «свободным и независимым;
4) необходимо, чтобы закон более четко регламентировал деятельность адвоката.

В Конституции Российской Федерации нет специальных норм, раскрывающих сущность органов и институтов, оказывающих квалифицированную юридическую помощь. Анализ действующего процессуального законодательства, законодательства об адвокатуре и норм Конституции Российской Федерации (статьи 48) позволяет сделать вывод, что универсальным субъектом оказания квалифицированной юридической помощи и обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина является адвокатура.

В целях реализации функций адвокатской палаты по обеспечению возможности оказания гражданам квалифицированной юридической помощи, ее доступности, организации юридической помощи, оказываемой бесплатно и по назначению органов дознания, предварительного следствия, прокурора и суда, недопущения деятельности недобросовестных адвокатов, представительства интересов адвокатов предлагается вариант назначения в территориальных районах субъектов Российской Федерации представителей совета адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации, важнейшими функциями которых являются следующие:

- обеспечение защиты интересов адвокатов,

осуществляющих деятельность на территории соответствующего образования;

- организация работы по оказанию юридической помощи по назначению органов дознания, предварительного следствия, прокурора и суда на территории соответствующего образования путем разбиения адвокатов (работающих в территориальном образовании) на дежурные бригады, составления графика дежурства бригад и контроля за распределением дел по назначению между дежурными адвокатами.

Отсутствие однозначности, единства понимания норм законодательства об адвокатской деятельности влияет на основы профессиональной независимости адвоката, обеспечение гарантий которой является прямым условием оказания адвокатами юридической помощи на профессиональной основе.

Основные проблемы и перспективы развития механизма реализации права в деятельности адвокатуры на современном этапе реформирования российской государственности и правовой системы заключаются в необходимости совершенствования и развития законодательства об адвокатуре, обеспечении его эффективной реализации и в совершенствовании механизма реализации права в деятельности адвоката.

Список литературы

1. Лебедев М.П. Государственные решения в системе управления социалистическим обществом. – М., 1979.
2. Маликов М.К. Гносеологические основы реализации права: Учеб. пособие. – Уфа: БашГУ, 1998.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО.

МАМЕДОВ Самир Касим-оглы,
соискатель кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
E-mail: samirmamedov@mail.ru

Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НАРОДОВ ГОСУДАРСТВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Аннотация. *В статье рассматривается реализация важнейших принципов международного права: территориальной целостности государств и самоопределения народов. Анализируется их соотношение и содержание в контексте системы международной безопасности.*

Ключевые слова: *принцип; территориальная целостность; государство; самоопределения народов.*

MAMEDOV S.K.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY IN THE CONTEXT OF ENSURING THE RIGHT TO SELF-DETERMINATION FOR THE PEOPLES OF THE STATE

The summary. *The article deals with implementation of the most important principles of international law: territory integrity of states and self-determination of peoples. Their correlation and content are analyzed within the context of the system of international security.*

Key words: *principle; territory integrity of states; self-determination of peoples.*

Принцип территориальной целостности государства – один из основополагающих принципов современного международного права, призванный обеспечить мир и стабильность в межгосударственных отношениях. В этом плане он имеет такую же юридическую силу, как и другие основополагающие принципы этого ряда, включая и право на самоопределение.

Принцип территориальной целостности не может занимать более высокое положение в иерархии основополагающих принципов международного права по той простой причине, что в международном праве такой иерархии принципов нет, и все они обладают одинаковой международно-правовой силой.

Сошлемся на авторитетное мнение Генерального секретаря ООН Бутрос Бутрос Гали, выраженное в его известном докладе «Повестка дня для мира», подготовленном в соответствии с заявлением, принятым 31 января 1992 г. на заседании Совета Безопасности на высшем уровне: «Нельзя допускать того, чтобы суверенитет, территориальная целостность и независимость государств в рамках сложившейся международной

системы и принцип самоопределения народов – в равной степени очень ценные и важные – вступили в будущем в противодействие» [5, стр. 10-11].

Очевидно, что сознательное игнорирование юридического факта взаимодействия равноценных принципов, а тем более попытки поставить один из них – принцип территориальной целостности государств – над другим принципом – самоопределения народов – должно оцениваться как фальсификация норм международного права с целью их нарушения.

Поскольку указанные принципы международного права имеют одинаковое значение и должны толковаться в сочетании, возникает вопрос: может ли принцип территориальной целостности государства отменять или ограничивать право народов на самоопределение путем исключения тех форм самоопределения, которые имеют результатом территориальные передвижки? Или иначе: может ли отделение территории как результат самоопределения народа рассматриваться как посягательство на суверенитет государства, как нарушение его территориальной целостности?

С точки зрения международного права противопоставление принципа территориальной целостности государств принципу самоопределения народов, мягко выражаясь, просто некорректно, ибо принципы эти, хотя они и соприкасаются, юридически непротивопоставимы. Если бы эти принципы взаимоисключали друг друга, то нормативные акты не говорили бы об их сочетании и взаимном дополнении, а действительно установили бы между ними иерархическую подчиненность.

Международное право говорит об их сочетании, их одинаковом и неукоснительном применении по той причине, что каждый из этих принципов имеет свою сферу правовых отношений: они не исключают, а дополняют друг друга.

Действие принципа территориальной целостности государства направлено прежде всего в сферу межгосударственных отношений. Первый же международный акт, воспринявший принцип территориальной целостности государств – Устав Лиги Наций – раскрыл его внешнюю направленность: согласно ст. 10 Устава государства, члены этой всемирной организации обязались уважать и сохранять территориальную целостность государства «против внешней агрессии». Изданный в июне 1919 г. Британский официальный комментарий, характеризуя Устав Лиги Наций как содержавший «взаимную гарантию территории и независимости», обращал внимание на слово «внешний», как показывающее, что «Лига не может быть использована, как использовался Священный Союз, – для подавления национальных или других движений внутри государств-членов ее, а только для предотвращения насильственной аннексии извне». В этом комментарии подчеркивалось также и то, что ст. 10 связана со ст.ст. 11 и 19 и «не имеет своим назначением наложить на новое территориальное устройство печать чего-то священного и навеки неизменного».

Категорически нельзя согласится с мнением о соотношении исследуемых принципов, высказанным в своей работе Ю.Г. Барсеговым: «… Территориальная целостность государства должна основываться на свободном самоопределении народа, а само право на самоопределение никак не может ограничиваться, приостанавливаться или отменяться с целью сохранения территориальной целостности государства или существующих государственных границ», «стремясь исключить саму возможность отделения Нагорного Карабаха как проявления самоопределения народа, в Азербайджане утверждают, будто в международной практике нет прецедентов отделения от государства части его территории на основе самоопределения его населения и что, следовательно, такая возможность международным правом не допускается». В последнем случае даже отсутствует должное обоснование вышеприведенной точки зрения [1, стр. 21].

Применительно к последней фразе вообще любопытно постоянное обвинение азербайджанских авторов применительно к проблеме нагорного Карабаха в непонимании принципов международного права, антиармянской пропаганде и т. п. (об этом подробнее речь пойдет во второй главе). При этом стоит заметить, что армянских работ на этот счет явно больше, а в нарушении территориальной целостности в карабахской проблеме можно обвинить лишь Армению, причем в подтверждение вышесказанного все резолюции ООН по Нагорному Карабаху осуждают нарушение Арменией принципа территориальной целостности.

Бутрос Гали, бывший Генеральный Секретарь ООН, в одном из своих выступлений сформулировал следующее принципиальное положение: «Если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государство, то не будет предела дроблению, и всеобщий мир, безопасность, экономическое благосостояние станут еще более труднодоступной целью. В его высказываниях, посвященных данному вопросу, также отмечалось, что если говорить о проблемах меньшинства в целом, то путем утверждения и отстаивания прав человека мы сможем преодолеть проблемы, которые могут возникать перед меньшинствами в рамках той или иной страны». Бывший Генеральный секретарь ООН сослался также на то, что, на Африканском континенте на момент выступления было 50 государств, а будет 400 – 500, если каждое из них разделится на соответствующее количество племен, кланов и т. д. Сейчас необходимо, чтобы в мире утверждались права человека, защищались права меньшинств, но одновременно ООН не должна способствовать созданию микрогосударств, если только они не создаются с согласия самих государств-членов ООН» [7].

Принцип равноправия и самоопределения народов закреплен в ст.ст. 1 и 55 Устава ООН. Кроме того, в ст. 76 (глава XII «Международная система опеки») говорится о прогрессивном развитии населения территорий под опекой в направлении к самоуправлению и независимости. Формулировка данного принципа в Уставе ООН объединяет, по сути, два принципа, которые могут трактоваться и как самостоятельные. Такая увязка отнюдь не случайна. Нет равноправия между народами, если одни из них обладают государственностью, независимы и суверенны, а другие – нет. То же касается и самоопределения: поскольку все народы имеют на него равные права, любой самоопределившийся, вплоть до обретения государственной независимости, народ вправе, равно с другими народами, рассчитывать на признание своей государственности [3].

В этом документе заложено, на первый взгляд, противоречие между суверенным правом государства в отношении своей территории, обеспечивать свою территориальную целостность и правом народов на самоопределение, реализация которого может привести к территориальной дезинтеграции. Однако в соответствии с этим документом принцип равноправия и самоопределения народов не должен толковаться как санкционирующий или поощряющий любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением этого принципа, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи. Таким образом, государства обязаны в интересах сохранения своей территориальной целостности обеспечить внутреннее самоопределение народов [6, стр. 28].

По мнению Г.М. Вельяминова, противоречия между самими принципами нет. Согласно Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, Хельсинки, 1975 г.) все зафиксированные в нем принципы (в том числе упомянутые выше) должны «одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других» [см.: 3]. С.В. Черниченко также подчеркивает, что ни один из данных принципов международного права не является второстепенным по отношению к другому, основные принципы международного права вообще не должны противопоставляться друг другу, они находятся в балансе друг с другом [см.: 8, стр. 186].

С принципом территориальной целостности государств тесно связан принцип нерушимости государственных границ. Он представляет собой важнейшую основу безопасности каждого государства, мирового сообщества в целом. В доктрине международного права высказываются различные точки зрения относительно соотношения международно-правового принципа территориальной целостности государств и принципа нерушимости государственных границ [см., например: 4, стр. 192].

И.П. Блищенко называет неприкосновенность государственных границ самостоятельным общепризнанным принципом, вытекающим из принципов территориальной целостности и неприкосновенности [2, стр. 73-74].

По мнению Н.В. Явкина, принцип неприкосновенности государственных границ – это составной элемент принципа территориальной целостности и его не следует выделять в качестве самостоятельного правового устоя, так как круг налагаемых им обязательств

полностью поглощается содержанием принципа территориальной целостности и неприкосновенности государств [9, стр. 44].

Принцип территориальной неприкосновенности государства является производным от принципов – принципа неприменения (воздержания от применения) силы или угрозы силой, других взаимосвязанных с ним основных принципов международного права, принципа территориальной целостности государства. В соответствии с Декларацией о принципах международного права 1970 г. каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства, или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров и вопросов, касающихся государственных границ.

Таким образом, рассмотрение вопроса о реализации принципа территориальной целостности государств в контексте обеспечения права народов государства на самоопределение позволяет придти к следующим выводам:

Принцип территориальной целостности государств не обладает верховенством по отношению к праву на самоопределение.

1. Оба принципа находятся во взаимодействии, реализация принципа территориальной целостности государств не предполагает его выбора, приоритета и т. п. по отношению к праву на самоопределение.
2. Реализация принципа территориальной целостности государств включает в себе охрану и защиту границ, защиту прав народа всего государства, а не только его части по национальному или иному признаку в ущерб остальной части населения, борьбу с сепаратизмом.
3. Защита принципа территориальной целостности не может включать в себя действия, прямо запрещенные международным правом.

Список литературы

1. Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. – М.: Междунар. гуманит. фонд арменоведения, 1993.
2. Блищенко И.П. Прецеденты в международном праве. – М.: Международные отношения, 1977.
3. Вельяминов Г.М. Признание «непризнанных» и международное право // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 1. Январь – Февраль.
4. Волова Л.И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 1981. – 192 с.
5. Гали Б.Б. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. – Нью-Йорк, 1992.
6. Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2010.
7. Принцип самоопределения и территориальная целостность государств // Дипломатический вестник. – 2000. Сентябрь
8. Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х тт. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. – М.: НИМП, 1999.
9. Явкин Н.В. Проблема обеспечения единства и территориальной целостности государства в условиях борьбы народов за самоопределение: Дис. ... канд. полит. наук. – Н. Новгород, 2004.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ.

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,
профессор кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор
E-mail: yakub@mail.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,
профессор Саратовского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: naukarf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ТРАДИЦИИ, КАДРЫ ПОЛИЦИИ И ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Аннотация. *В статье представлены размышления о роли и назначении традиций в подготовке полицейских кадров и развитии юридической науки. Материал подается через анализ предметно-деятельной и организующей роли традиций. Идет речь не только о правоохранительных, но и о производственных и трудовых традициях.*

Анализируя правоохранительную деятельность применительно к традициям полиции, авторы подчеркивают ее социально-политические, идеологические, психологические, функционально-целевые установки, с одной стороны, и конкретно-содержательные профессионально-технические компоненты, с другой стороны. С этих позиций они обращаются к деятельности полиции по предотвращению и борьбе с актами терроризма и другими преступными проявлениями. Акцентируют внимание на то обстоятельство, что полиции порой приходится выполнять несвойственные ей политические функции, связанные с обеспечением совместимости государства, общества и граждан, обеспечивать эволюцию очень сложного пути от конфликта к консенсусу, от противоречивости к согласованности. Обсуждают проблемы подготовки кадров полиции и юридического образования.

Заслуживает поддержки стремление авторов подвести итоги своих размышлений в завершении статьи четко сформулированными выводами.

Ключевые слова: *традиции; кадры полиции; юридическая наука; юридическое образование; предметно-деятельная сущность традиции; организующая роль традиций; правоохранительные, производственные, трудовые традиции; социально-политические, идеологические, психологические, функционально-целевые установки; конкретно-содержательные, профессионально-технические компоненты; терроризм; конфликт; консенсус; противоречивость; согласованность; совместимость государства, общества и граждан.*

ALIEV YA.L.
SAL'NIKOV P.P.

TRADITIONS, POLICE PERSONNEL AND LEGAL SCIENCE

The summary. *The article presents reflections on the role and purpose of tradition in the police personnel training and legal science development. The material is presented through the analysis of the subject-active and organizing role of traditions. The matter concerns not only law-enforcement but also production and labor traditions.*

Analyzing the law enforcement activities in respect to the police traditions the authors emphasize its social-and-political, ideological, psychological, functional goal sets, on the one hand, and specific-content vocational and technical components, on the other. From these perspectives they refer to the police activities for prevention and fight against acts of terrorism and other criminal manifestations. The consideration is focused on the fact that the police sometimes have to perform political functions unusual for it which are associated with ensuring the compatibility of the state, society and citizens, to provide the evolution of a very difficult way from the conflict to consensus, from divergence to coherence. The authors discuss the issues of police personnel training and legal education.

The authors' desire to summarize their reflections at the end of the article with clearly formulated conclusions deserves the support.

Key words: *traditions; police personnel; legal science; legal education; subject-active essence of traditions; organizing role of traditions; law-enforcement, production, labor traditions; social-and-political, ideological, psychological, functional goal sets; specific-content vocational and technical components; terrorism; conflict; consensus; divergence; coherence; compatibility of the state, society and citizens.*

Функции традиций полиции, органов внутренних дел, как и функции общих традиций, являются комплексными системными, многоуровневыми. Они разнообразны по характеру, объему, сферам, уровням и формам проявления и реализации. Многообразие, противоречивость, изменчивость и сложность общественной жизни неизбежно вызывают и многообразие традиций и их функций. Однако, несмотря на это многообразие, в традициях и их функциях однозначно выделяются две основные стороны – субъективно-идеальная (духовная) и предметно-деятельная (объективно-материальная). Эти стороны находятся в диалектическом единстве и противоречии. Вместе взятые, эти стороны составляют сущность и традиций, и их функций [4; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 15; 17; 24; 30; 31; 32; 40; 41; 51; 57; 65; 66; 70; 71; 72; 74; 89; 105; 116; 133; 153]. Каждая из указанных сторон является относительно самостоятельной, сложной и многообразной системой.

Определяющей стороной традиций и их функций является предметно-деятельная, то есть объективно-материальная сторона, поскольку она является источником, носителем, основой, движущей силой и критерием эффективности проявления и реализации их идеально-субъективной стороны. Она, эта сторона, является неотъемлемой составной частью всей системы общественных отношений, всего социального уклада, который, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, есть истинный очаг и истинная арена всей истории [88, стр. 29]. По Марксу и Энгельсу, история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями. В силу этого «новое поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [88, стр. 29]. Такое понимание истории, в отличие от идеалистического, «не разыскивает в каждой эпохе ту или иную категорию, а остается все время на почве действительной истории, объясняет не практику из идей, а идейные образования из материальной практики и в силу этого приходит так же к тому выводу, что все формы

и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением их в «самосознании» или превращением их в «привидения», «призраки», «причуды» и т. д., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор [88, стр. 29].

Материалистическое понимание истории, сущность которого сводится к определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, в полной мере относится и к пониманию соотношения предметно-деятельной, объективно-материальной и идеально-субъективной, духовной сторон традиций и их функций. Идеально-субъективная сторона является производной, хотя и не менее существенной и важной, от предметно-деятельной стороны. Это значит, что определяющая роль в общественной жизни принадлежит производственным, трудовым традициям. Политические и государственно-правовые, в том числе правоохранительные и полицейские традиции являются производными от производственных и трудовых традиций. Они представляют собой качественно новый и самостоятельный слепок, интегрированную модель производственных и трудовых традиций. Составляют относительно самостоятельную подсистему. И она, эта подсистема, имеет свои существенные признаки и закономерности возникновения, происхождения, функционирования и реализации. Выполняет свою, относительно самостоятельную социальную роль, реализует свои социальные функции.

В историческом плане правоохранительные традиции возникли гораздо позже по сравнению с производственными и трудовыми традициями, история которых начинается с того исторического момента, когда первобытный человек впервые осознал исключительную ценность труда, орудий труда и производства. Традиции древнего человека и древнего общества были преимущественно производственными (предметно-деятельными) традициями. История правоохранительных традиций начинается с рабовладельческого общества, то есть с возникновения частной собственности, появления классов, государства, его аппарата и механизма [155, стр. 305-325]. Характеризуя возникновение римского рабовладельческого государства и его традиций, Ф. Энгельс пишет: «Вошедшее в обычай избрание старейшин всегда из одной и той же семьи каждого рода создало и здесь первую родовую знать; эти семьи назывались патрициями и претендовали на исключительное право входить в состав Сената и занимать все другие должности. Тот факт, что народ со временем позволил возобладать этим притязаниям, и они превратились в действующее право, нашел свое выражение в сказании о том, что Ромул пожаловал первым сенаторам и их потомству патрициат с его привилегиями» [155, стр. 322]. По Энгельсу, только применение вооруженного насилия, ставшего государственной традицией, дало возможность Древнему Риму не только укрепить рабовладельческое государство, но и превратить его в мировую империю [155, стр. 322-325].

Предметно-деятельная сторона традиции – это конкретно-историческая концентрированная форма поведения, общения и деятельности во всех ее сферах. В правоохранительной деятельности предметно-деятельная традиция выражается в устоявшихся и наиболее эффективных формах общения, поведения, моделях и стереотипах деятельности с учетом действующих социально-политических сил, их интересов, места, времени и конкретной социально-политической ситуации [11; 18; 19; 23; 25; 26; 27; 35; 36; 38; 42; 46; 52; 53; 55; 58; 109; 110; 111; 112; 113; 124; 139; 149; 150; 151].

Предметность традиции выражает ее непосредственность, прямую связь общения, поведения и деятельности с их конкретными объектами, формами, способами, средствами и целями, а также их оплодотворенность социальными потребностями, интересами, волей, чувствами ее субъектов и условиями реальной жизненной ситуации. В правоохранительной сфере она характеризует конкретные, проверенные практикой, доказавшие свою эффективность направления, формы, способы, средства и результаты общения, поведения и деятельности.

Существенными слагаемыми предметности субъектов правоохранительной деятельности, включая деятельность сотрудников полиции, являются:

- опосредованность и включенность в объективных формах этой деятельности всех социально-психологических, идеологических и научных составляющих сознания ее субъектов – их профессиональные и личностные потребности, интересы, взгляды, интеллект,

убеждения, знания, навыки, умения, а также уровень и формы мышления, чувства, воля, эмоции, привычки, настроения, психические и психологические состояния и образования, включая накопленный жизненный опыт и унаследованные природные особенности психики;
- социально-психологические, идеологические и научно-теоретические и иные духовные социальные состояния, образования профессиональных групп и коллективов сотрудников полиции;
- привязанность деятельности сотрудников правоохранительных органов к месту, времени, обстановке, условиям, целям, задачам и функционально-целевым установкам этой деятельности;
- характер, содержание и социальная направленность указанной деятельности с учетом ее конкретных целей и задач;
- строгая определенность форм, способов и средств деятельности;
- ее всестороннее социально-психологическое сопровождение и материально-техническое обеспечение.

Определяющими и решающими составляющими предметности правоохранительной деятельности являются ее социально-политические, идеологические, психологические функционально-целевые установки, с одной стороны, и конкретно-содержательные профессионально-технические компоненты, с другой стороны. Наглядным подтверждением этому являются события, факты и оценки борьбы с актами терроризма [3; 7; 21; 28; 39; 43; 59; 60; 61; 62; 67; 75; 82; 86; 87; 90; 91; 93; 100; 104; 114; 138; 142], имевшими место практически в одно и тоже время в разных странах и на разных концах земного шара.

23-26 октября 2002 г. в Москве был совершен чудовищный акт терроризма в культурно-развлекательном центре, где проходил мюзикл «Норд-Ост». Вечером 23 октября 2002 г. группа чеченских террористов в составе 31 боевика во главе с головорезом-террористом М. Бараевым, руководимая, как установлено, лидером так называемой Ичкерии А. Масхадовым [135], совершила зверский акт терроризма, в результате которого погибли около 120 человек заложников. Более 400 заложников получили различной степени тяжести вред здоровью. Вооруженные до зубов боевики средь бела дня проникли в Российскую Федерацию, минуя многочисленные пограничные кордоны, и 56 часов держали в страхе более 800 зрителей указанного центра. При этом они были готовы на все, в том числе на верную гибель вместе с заложниками.

Хорошо организованная и подготовленная группа российского спецназа умело осуществила операцию по пресечению акта терроризма. Этому способствовала хорошо продуманная организация и умелое проведение операции, мужество, высокие социально-политические, морально-психологические и профессиональные качества сотрудников группы спецназа. Среди моментов, подчеркивающих предметность этой операции, следует выделить слаженность, сплоченность, решительность действий, высокое чувство локтя каждого сотрудника, их безусловный профессионализм и тщательная продуманность каждого акта действия. Ясно, что действия группы были обусловлены возвышенными социальными мотивами, патриотизмом, преданностью и верностью своему делу, профессиональному долгу.

Однако нельзя не обратить внимания на противоречивые и даже противоположные оценки как указанного факта, так и, особенно, причин и факторов, обусловивших его совершение. Официально-правительственные средства информации, с одной стороны, обращали внимание на социально-политическую подоплеку указанного события. С другой стороны, они не касались глубинных его причин. Не указывали на то, что корни этого события, как и терроризма вообще, лежат в политике. Многолетняя война в Чечне, которую почему-то не называют войной, а чаще всего конфликтом, была вызвана не национальной и религиозной рознью, как это нередко подчеркивается средствами массовой информации, а сложными социально-экономическими и политическими процессами в Российской Федерации, связанными и обусловленными так называемыми реформами в стране, начатыми в начале 90-х годов. Эти реформы привели к смене общественного и государственного строя, всех основ общественной жизни. Погоня за прибылью, ставшая основной целью общественного производства в результате курса на тотальную приватизацию средств производства и собственности, помноженная на неумелую непродуманную внутреннюю и внешнюю политику государства, породили

национальный и социальный эгоизм, религиозную рознь, резкое социальное расслоение общества, довели до вооруженного антагонизма имевшиеся в обществе противоречия, до международного конфликта [68].

Отдадим должное мужеству и находчивости бойцов «Альфы» и «Вымпела». Более 200 сотрудников спецслужб рисковали своей жизнью, штурмом взяли здание, уложили многих боевиков, выносили из зала пострадавших. Вереница машин «скорой» помощи мчалась ранним утром по улицам столицы, минуя Государственную Думу, Лубянскую площадь, развозя по больницам и госпиталям заложников. Десятки медиков спасали людей. Сотни сотрудников милиции дежурили в оцеплении у театрального центра, где был прерван 325-ый спектакль «Норд-Оста», поставленный по роману В.Каверина «Два капитана» в жанре классического мюзикла.

Но до сих пор остаются без ответа глубинные вопросы, относящиеся к причинам и условиям указанного события. Кто виновен в том, что средь бела дня крупный отряд вооруженных боевиков на джипе и двух микроавтобусах смог фактически незамеченным преодолеть не одну тысячу километров расстояния и оказаться в Москве в условиях открытого вооруженного противостояния в стране? Почему оказались ввязанными в это противостояние не только Чечня, но и Дагестан, Ингушетия, Москва? Почему спецслужбы, руководившие операцией, не сообщили врачам, боровшимся за жизнь заложников, что при штурме здания использовано нервно-паралитическое оружие? Кто выпустил из здания часть боевиков, пораженных в ходе операции газом? Будет ли дана принципиальная оценка тем демократам в государственной думе и других правящих кругах, которые рядились в тогу миротворцев, требуя сесть за стол переговоров с главарями бандформирований, уступив их требованиям, обеспечить передышку, отсидку в Грузии и других регионах? Как случилось, что бывший член Политбюро Э. Шеварднадзе признает «боевые заслуги» террористов, одна из улиц в Латвии носит имя Д. Дудаева, а в Дании проводится «всемирный чеченский конгресс», на котором свободно присутствуют и выступают представители чеченских террористов? [140]. Остается без ответа и самый принципиальный вопрос: будет ли покончено с терроризмом в стране даже после того, как Совет Федерации выделил дополнительно три миллиарда рублей на борьбу с ним? [137].

В США длительное время хорошо вооруженный преступник держал все население штата Вирджиния в страхе. Совершал серийные убийства, в письмах, адресованных властям и населению штата, угрожал буквально следующим образом: «Нигде и никогда ваши дети не находятся в безопасности», требовал выплатить ему несколько сот миллионов долларов [136].

11-12 сентября 2002 г. весь мир потрясли серия актов терроризма, совершенная в Международном торговом центре Нью-Йорка, в результате которого погибли и были ранены десятки тысяч человек. По данным и оценкам исследователей, причины этих актов кроются, в первую очередь, не в сознании и целях самих террористов и националистического движения «Талибан». И даже не в политике руководящего ядра этого движения «Аль Каида» во главе с исламским фундаменталистом Бен Ладеном, как это утверждают многие и, прежде всего, американские средства массовой информации, а в той политической традиции, которая характеризует всю двухвековую историю Соединенных Штатов.

В Бали на Филиппинах пять террористов совершили серию взрывов в городе Замбоанга. Террористы, как установлено, являются членами сепаратистской группировки «Абу Сайяф», действующей на юге страны и имеющие тесные связи с сетью «Аль-Каида» Усамы бен Ладана [136].

Несмотря на существенные различия в характере эпизодов, событий, картине и оценок причин указанных актов терроризма в разных странах, общим для них является единая социально-политическая и морально-психологическая подоплека – внутренние и внешние социальные антагонизмы, социальное нездоровье государства и общества. В предметно-содержательном плане названные акты выражают единую предметно-деятельную сущность как общих национальных традиций и их функций, так и правоохранительных компонентов этих традиций и функций.

Деятельная природа традиции – это конкретные формы и способы общения, поведения и деятельности. Они, эти формы и способы, проявляются в конкретных формах отношений между субъектами традиций, их поступках, действиях, характере, стиле и манерах

коммуникации, языка и речи.

Предметно-деятельная функция традиций – это направления, характер, степень и результаты воздействия конкретных форм и моделей общения, поведения и деятельности на общественные отношения и социальные процессы. Предметно-деятельная функция полицейских традиций, традиций милиции и органов внутренних дел характеризует собой устоявшиеся, сохраняемые и передаваемые, проверенные практикой формы, модели, способы и средства, а также результаты их воздействия на правоохранительную деятельность и социальные процессы в целом, включая духовную культуру и жизнь общества.

В практике правоохранительной деятельности ее традиции проявляют себя в виде принципов, моделей и стереотипов конкретных поступков, действий и общения субъектов (кадров) этой деятельности. А также - в характере и результатах борьбы с преступностью, ее состоянии, уровне, структуре, количественных и качественных показателях рецидива преступлений, результатах предупреждения совершения преступлений потенциальными правонарушителями, особенно несовершеннолетними и лицами, склонными к правонарушениям [20; 22; 45; 69; 77; 78; 79; 80; 83; 84; 98; 103; 115; 119; 120; 143; 146].

В конечном счете, указанные совокупные формы, способы, средства и результаты воздействия правоохранительных традиций на преступность, общественный правопорядок, жизнедеятельность, поведение и правосознание граждан упираются в уровень и качество организации правоохранительного механизма, подготовки кадров правоохранительных органов, – в характер, стиль, манеры и результаты общения, поведения, поступков и действий сотрудников этих органов и, разумеется, в уровень и качество их правосознания и профессионального мышления.

Подготовка кадров правоохранительных органов, полиции, других органов внутренних дел, их обучение, образование и воспитание - кардинальное, определяющее и решающее направление воздействия традиций на самих сотрудников этих органов и на все социальные процессы. Подготовка, обучение и воспитание сотрудников правоохранительных органов реализуются, прежде всего и главным образом, посредством организационно-административной, кадровой и воспитательной работы [117; 118].

Решающее место и значение для подготовки кадров, кадровой и воспитательной работы имеет кадровая политика государства и его ведомств. В разработке и реализации кадровой политики РФ ключевая роль принадлежит Министерству внутренних дел. Кадровая политика МВД РФ и соответствующих министерств или ведомств других государств – это деятельность указанных ведомств по разработке стратегии, организации, созданию и реализации механизма подготовки, обучения и воспитания сотрудников органов внутренних дел, в том числе полиции и милиции. Она выражается в принципах, целях, задачах и функционировании механизма этой деятельности.

Кадровая политика МВД России является отраслевой модификацией государственной кадровой политики и предназначена для определения путей и методов совершенствования системы работы с кадрами, разработки перспектив развития кадрового потенциала Министерства внутренних дел России [152, стр. 5].

В научной литературе принципы государственной кадровой политики представлены в виде системы, которая включает:

- научность и реалистичность кадровой политики;
- системность и комплексность решения кадровых проблем;
- всеобщность и многоуровневый характер кадровой политики;
- перспективность этой политики и учет ее отдаленных социальных последствий при ее изменении;
- демократичность и учет мнения коллектива при решении кадровых проблем;
- гибкость и новаторство в работе с кадрами;
- социальное партнерство и равный доступ к государственной службе;
- духовность и гуманизм кадровой политики;
- правовая и социальная защищенность кадров [73, стр. 27-28].

Соглашаясь с указанными принципами в целом, нельзя не заметить, что авторы и сторонники этой системы фактически не учитывают и не принимают во внимание её социально-политическую и предметно-деятельную сущность и направленность. Кроме того, они не указывают на внутреннюю противоречивость перечисленных принципов.

Социально-политический аспект системы принципов кадровой политики выражает характер, направленность и механизм взаимосвязи

правоохранительных органов, органов внутренних дел, полиции с народом, обществом, общественными организациями и гражданами. Если эта политика не будет учитывать, а на практике она реально мало или вообще не учитывает, интересы рядовых граждан, различных социально-политических сил и общественных движений и организаций, то не о какой кадровой политике речи быть не может. В условиях наличия острых и даже антагонистических социальных противоречий принцип социального партнерства без создания конкретного и реального механизма взаимосвязи правоохранительных органов с трудящимися, со всеми социальными слоями общества и гражданами превращается в миф, благое пожелание, а не в реальную практику. Практика указывает на достаточно острые противоречия между государством и обществом, в том числе между его правоохранительными органами, полицией и гражданами. Проводимые аналитическими центрами исследования и опросы показывают на достаточно острую отчужденность полиции от граждан. По различным и, следует добавить, невызывающим сомнения, данным этих исследований, доверие к правоохранительным органам, например, в последние десятилетия существования милиции в России, не превышало 52% (1999 г.) от общей массы граждан, подвергшихся исследованию. При этом степень этого доверия имела стойкую и резкую тенденцию к снижению. Если в 1998 г. органам внутренних дел в основном доверяли 41,9% граждан, то в последующие годы этот процент неизменно падал. Остались неудовлетворенными принятыми в ОВД мерами 44,1% граждан. 53,9% граждан не верили, что им могли помочь в милиции. Неудовлетворительную оценку деятельности милиции поставили 26,2% граждан [68, стр. 21-23]. По результатам социологического исследования, проведенного сотрудниками ВНИИ МВД России в 28 регионах РФ, где было опрошено 16 тысяч человек, картина отношений и оценок граждан к деятельности ОВД выглядила следующим образом. Первое место среди отрицательных, порицаемых населением фактов и явлений занимали равнодушие и низкая культура в общении с гражданами (35%). Второе место – низкий профессионализм и некомпетентность – 29%. Практически каждый отметил в анкетах поборы и взяточничество – 21%, использование служебного положения в личных целях [81, стр. 79].

Указанные суждения, данные и факты заставляют, во-первых, дополнить приведенную систему принципов кадровой политики принципом единства кадров ОВД с народом и социальной направленности их деятельности. Во-вторых, с учетом приоритетного характера этого принципа поставить данный принцип на первое место в системе. В-третьих, изменить редакцию принципа социального партнерства, сформулировав его как принцип устранения противоречий между органами внутренних дел и гражданами, общественными организациями. В-четвертых, предусмотреть социально-направленный механизм реализации указанного принципа кадровой политики посредством конкретизации и уточнения принципов комплектования органов полиции, устранения фактически имеющихся ограничений в доступе к государственной службе, в том числе в органах внутренних дел. Подчеркнуть в этих принципах всеобщность и бесплатность получения профессионального образования сотрудниками этих органов.

Целью кадровой политики МВД России на период до 2005 г. являлось формирование высокопрофессионального, стабильного, оптимально сбалансированного кадрового корпуса органов внутренних дел, наиболее полно соответствующего современным и прогнозируемым социально-политическим, экономическим, криминогенным и другим условиям, способного эффективно решать задачи, поставленные перед Министерством, обществом и государством [76; 152, стр. 5].

В приводимой редакции цели кадровой политики МВД вызывает сомнение ее содержательная (неконкретность и декларативность) и, особенно, заключительная часть, а именно фраза: «...способного эффективно решать задачи, поставленные перед Министерством, обществом и государством». Главной целью этой политики должна быть не общая декларация об эффективности решения задач, а её направленность на защиту прав и свобод человека и гражданина, борьбу с преступностью, устранение её причин, обеспечение законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства. Именно на это ориентируют законы «О полиции» [1] и «О службе в органах внутренних дел» [2].

В научной литературе основными

направлениями профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел выделяются: формирование у личного состава глубокого осознания необходимости постоянного профессионального совершенствования, обеспечение эффективности системы профессиональной подготовки, подготовка и проведение целенаправленных мероприятий, создающих у сотрудников этих органов профессиональные качества, знания, умения и навыки [147].

Соглашаясь с указанными направлениями, нельзя не заметить недооценки авторами, исследующими проблемы подготовки кадров ОВД, идейно-теоретической и социально-психологической закалки личного состава этих органов, которая является основой основ этой подготовки. Недооценка имеет место и в современной практике работы с кадрами ОВД. В результате перестройки были ликвидированы или существенно сокращены специализированные учебные заведения, программы и курсы политической, идеологической и морально-психологической работы в органах МВД РФ. Профессиональная ориентация и мотивация специальной подготовки и, особенно, ее конечные результаты, обеспечиваются именно политической, идеологической и морально-психологической работой с личным составом.

Характеризуя направления подготовки кадров, нельзя не заметить то, что сами по себе эти направления, как и формы, способы, а также средства этой подготовки по своей сущности есть не что иное, как своеобразные традиции этих органов, с одной стороны, а также формы и способы реализации этих традиций в подготовке кадров, с другой стороны. Они представляют собой своеобразные сгустки накопленного социального опыта профессиональной подготовки и воспитания кадров. Для них характерны те же существенные признаки, которые являются основополагающими для традиций: сохраняемость, повторяемость, передаваемость, количественное и качественное единство всех их составляющих [33; 34; 127; 128; 129; 130].

Формы и методы работы по формированию традиций включают два их основных уровня:

1. Формы и методы эмоционально-чувственного воздействия, для которых характерны торжественность, церемониальность, музыкальное и красочное художественное оформление, поэтичность, образность. К ним относятся: парады, митинги, собрания, шествия, смотры, конкурсы, экскурсии, фестивали, театрализованные представления, наглядная информация, торжественное награждение, встречи с ветеранами.

2. Формы и методы рационального воздействия, к основным из которых относятся: политическая и профессиональная учеба – все традиционные формы занятий (лекции, семинары, практические занятия, тренировки, деловые игры и т. п.), внеучебные формы массово-политической работы (изучение истории полиции, органов внутренних дел, экскурсии по местам боевой славы с возложением венков к монументам и памятникам, посещение музеев, просмотр и обсуждение кино-, видеофильмов, празднование Дня полиции, встречи с ветеранами, создание и деятельность музеев, залов и комнат боевой славы, торжественное принятие Присяги и вручение оружия, торжественные проводы ветеранов на заслуженный отдых, строевые смотры, проведение Дней памяти павших на боевом посту, спартакиад, шефство над семьями погибших сотрудников, вручение премий, участие в уроках мужества, поисковая работа по оформлению книги Памяти МВД, УВД, разработка проектов и экспозиций музеев, комнат боевой славы и др. [65, стр. 20-21].

Исключительная роль в формировании, насаждении традиций и, особенно, закреплении результатов их воздействия на общественные отношения, их субъектов принадлежит средствам массовой информации, поскольку именно эти средства с наибольшей эффективностью реализуют закономерности, характеризующие сущность и механизм формирования и реализации традиций. Именно эти средства в максимальной мере используют синтезирующую и интегрирующую функции предметно-деятельной стороны традиций. Они оказывают комплексное системное воздействие на адресат. Социально-политический, морально-психологический и профессионально-специальный аспекты в деятельности средств массовой информации присутствуют в самом наглядном и воспринимаемом органами чувств виде.

Проблема информации, информатизации, информирования как полиции, органов внутренних дел, так и общества в целом – одна из ключевых в современных условиях. Ее научному осмыслению уделяется достаточное внимание. Остается сожалеть, что политика государства в этом

плане является недостаточно последовательной. Особенно острым является процесс создания и функционирования коммерческих систем и средств массовой информации, которые нередко реализуют не социально-возвышенные, государственные, а корыстные, эгоистические цели и интересы. Прикрываясь коммерческими мотивами, средства массовой информации насаждают чуждые для россиян чужеродные, часто американские, традиции и ценности. Государство делает вид, что будто не видит этого. И фактически способствует этому процессу.

В США, например, использование средств массовой информации в интересах формирования и реализации традиций поставлено под прямой государственный контроль. И это достигается не прямым государственным вмешательством в организацию и деятельность средств массовой информации, а проведением централизованной и четко управляемой политики информатизации в законодательстве и в деятельности всех органов власти и государственного управления, в том числе путем прямого политического и идейно-теоретического воздействия высших представителей власти на руководящий и исполнительный аппарат средств массовой информации. Особенно это относится к системе образования, к печатным, аудио- и видео средствам информации. Традицией стало издание журналов и газет по истории полиции, распространение печатных материалов, передач по радио и телевидению, посвященных полиции. Полиция в США в средствах массовой информации рисуется исключительно в социально-возвышенных, патриотических, героических и привлекательных тонах [139; 149; 156]. Как пишет А.Л. Кремин, «исследования национального характера … являются полезными для обобщения результатов образования и, как таковые, они могут также оказать помощь в усилении воздействия образования на общество» [157].

Основополагающей функцией воздействия традиций полиции, органов внутренних дел на формирование и совершенствование идейно-теоретических, морально-политических и профессиональных качеств личного состава указанных органов, а также на закрепление старых и привитие новых традиций этих органов является организующее и мобилизующее воздействие традиций как на все внутренние, так и внешние отношения и процессы в органов внутренних дел, полиции, в социуме в целом.

Организующая функция государственно-правовых традиций, включая традиции полиции – это их воздействие на современную теорию и практику деятельности, включая организацию и реализацию правоохранительной деятельности, деятельности полиции.

Мобилизующая функция традиций полиции – это сохранение, передача, количественное и качественное стимулирование и формирование мотивов, идеальных и материальных образцов и эталонов будущего поведения и деятельности сотрудников органов внутренних дел, полиции.

Организующая и мобилизующая функции являются двуединой функцией. Они слиты воедино и действуют как одновременный, однонаправленный и внутренне соединенный процесс воздействия на современную и предстоящую правоохранительную деятельность в виде одних и тех же устойчивых и предметно-чувственных моделей сознания, поведения и деятельности.

Например, до преобразования милиции в полицию Присяга на верность службе в милиции, ее сущность, форма, порядок ее закрепления, принятия и соблюдения ее требований в повседневной деятельности являлось одновременно идеальным образом прошлой деятельности, внутренним стимулом и обязательством на верность государству, обществу, гражданам и службе и реальной материально воплощенной моделью организации и реализации этой службы. Ритуал принятия Присяги был регламентирован Законом РФ «О милиции», «Положением о службе в органах внутренних дел РФ» и приказом МВД РФ № 300 от 25 июня 1993 г. Этот ритуал фиксировал торжественность переживаемого момента и выражает внутренний смысл, содержание традиций, связанных с важнейшим событием в жизни и деятельности органов внутренних дел. Важно, чтоб начало службы сотрудников нынешней полиции было торжественным и возвышенным.

Двуединая организующая и мобилизующая функция полицейских традиций состоит в том, что они, эти традиции:

- обеспечивают внутреннюю, то есть идейную, идейно-политическую, нравственную и социально-психологическую связь и преемственность поколений, времен, народов, государств и их образующих

элементов;
- являются духовным и материальным источником этой связи и преемственности;
- накапливают, аккумулируют и умножают лучшие формы, эталоны, образцы и модели общественного сознания, социального общения, поведения, деятельности, включая правоохранительную деятельность и деятельность полиции;
- служат субъективным и, что более важно, объективным критерием, свидетельством и подтверждением достигнутого уровня деятельности во всех ее направлениях и формах, а также ориентиром и планкой дальнейшего развития деятельности;
- сохраняют, закрепляют, передают и усиливают предметно-чувственный образ конкретных носителей – субъектов деятельности в любых ее формах и проявлениях;
- создают необходимый идеально-материальный количественный запас и базу достигнутых образцов мышления, поведения и деятельности в интересах их дальнейшего развития и совершенствования.

Историческими примерами, подтверждающими указанные тезисы, являются факты, труды и воспоминания известных политических, военных, общественных и научных деятелей России и других государств, в том числе руководителей и героев правоохранительных органов [106; 107].

Самым важным подтверждением связи и преемственности традиций и их соответствующей функции (функции связи и преемственности) является использование предыдущего накопленного опыта организации, функционирования и деятельности органов внутренних дел царской, советской и современной России. И хотя эти элементы (организация, функционирование и деятельность) в современных условиях во многом изменились, однако их фундаментальные основы в виде принципов, направлений, форм, способов деятельности остались неизменными. В Великую отечественную войну широко использовались военные и правоохранительные традиции, заложенные великими военными и политическими деятелями времен Петра I, Екатерины II, А.С. Суворова, М.И. Кутузова, М.В. Фрунзе и другими выдающимися полководцами и деятелями.

Нравственные и профессиональные качества, сформированные в России век и более тому назад, сохраняются и применяются и в настоящее время в деятельности ОВД в виде принципов, требований, уставных и практических образцов поведения и деятельности сотрудников полиции. В работе П. Базикина на личном опыте даются исключительно полезные и имеющие современную ценность суждения и советы, адресованные уряднику. Он пишет: «Прежде всего, урядник должен быть примером для своих подчиненных во всем, как на службе, так и в остальное время. Для этого необходимо твердое знание всего того, что положено ему и его подчиненным, и умение исполнять так, чтобы они не могли его перещеголять, а лишь походили бы на него, хотя сами в то же время были бы молодцами из молодцов ... Налагай только такие взыскания, какие ложены по закону, а не придумывай своих и уж, конечно, кулаков в ход не пускай, потому что это незаконно, обидно для людей и озлобит их против тебя. Да и плохой это будет пример для них, если ты, начальник, делаешь незаконные вещи» [29, стр. 3-5].

Указанные советы, требования сохраняются в современной повседневной практике и нормативно-правовых актах, регулирующих правоохранительную деятельность. Жаль, что они нередко не соблюдались тогда, когда фактически были разрешены телесные наказания, и сейчас, когда они признаются превышением власти, то есть преступлением по закону. Очень важен боевой опыт, накопленный органами внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. В эти годы формировались боевые традиции, значимость которых и сегодня невозможно переоценить [132].

Незабываемыми, символическими, организующими, мобилизующими и бесценными являются героические подвиги сотрудников органов внутренних дел, совершенные в наше время. Слушатели Санкт-Петербургского университета МВД России уже длительное время дважды в год отчисляют часть своего денежного содержания семье погибшего товарища – старшего лейтенанта милиции В.С. Новикова, совершившего героический поступок в Абхазии. В Ставропольском крае более 20 улиц в городах, поселках и станицах носят имена погибших героев-милиционеров и военнослужащих внутренних войск. В Чите улица, на которой расположен батальон патрульно-постовой службы, названа именем милиционера А.В.Липова,

погибшего при задержании преступника. Начальник учебного центра ГУВД Московской области майор милиции В.А. Тиньков в 1995 г. был посмертно удостоен высокого звания Героя Российской Федерации. Его имя присвоено учебному центру ГУВД, расположенному в г. Видное, и улице этого города. В УВД Псковской области на зданиях городских отделов в г. Пскове и Великие Луки установлены мемориальные Доски, увековечившие память погибших в годы войны начальников этих подразделений В.Н. Шубникова и М.Ф. Рушакова. В Санкт-Петербурге на Серафимовском кладбище воздвигнут величественный монумент сотрудникам органов внутренних дел, совершившим героические подвиги и погибшим при выполнении служебного долга в Чечне, посмертно получившим звания героев и другие высокие награды. Таких примеров не единицы. В годы войны героизм и подвиги были системой примерного служения Родине и своему долгу. Они являются свидетельством жизненности и силы великих боевых и профессиональных традиций советской и российской милиции [5; 6; 37; 47; 48; 54; 56; 63; 64; 85; 92; 96; 99; 102; 134; 141] (сегодняшней полиции). Сегодня полиции очень часто приходится разрешать нередко несвойственные ей политические проблемы, связанные с вопросами совместимости государства, общества и человека, обеспечивать эволюцию очень сложного пути от конфликта к консенсусу, от противоречивости к согласованности [49; 50; 68; 94; 97; 101; 108; 121;122; 123; 124; 125; 126; 131; 144; 145; 148;154].

Выводы:

1. Функции традиций полиции, органов внутренних дел, как и функции общих традиций, являются комплексными системными, многоуровневыми. Они разнообразны по характеру, объему, сферам, уровням и формам проявления и реализации. Многообразие, противоречивость, изменчивость и сложность общественной жизни неизбежно вызывают и многообразие традиций и их функций.

2. Традиции полиции выполняют предметно-деятельную и организующую роль в формировании общественного сознания, государственно-правовой практики, правоохранительной деятельности, подготовке кадров и в развитии юридической науки.

3. Предметно-деятельная функция традиций – это направления, характер, степень и результаты воздействия конкретных форм и моделей общения, поведения и деятельности на общественные отношения и социальные процессы. Предметно-деятельная функция полицейских традиций и органов внутренних дел характеризует собой устоявшиеся, сохраняемые и передаваемые, проверенные практикой формы, модели, способы и средства, а также результаты их воздействия на правоохранительную деятельность и социальные процессы в целом, включая духовную культуру и жизнь общества.

4. Подготовка кадров правоохранительных органов, полиции, их обучение, образование и воспитание – кардинальное, определяющее и решающее направление воздействия традиций на самих сотрудников этих органов и на все социальные процессы.

5. Решающее место и значение для подготовки кадров, кадровой и воспитательной работы имеет кадровая политика государства и его ведомств. В разработке и реализации кадровой политики РФ ключевая роль принадлежит Министерству внутренних дел. Кадровая политика МВД РФ и соответствующих министерств или ведомств других государств – это деятельность указанных ведомств по разработке стратегии, организации, созданию и реализации механизма подготовки, обучения и воспитания сотрудников органов внутренних дел, в том числе полиции. Она выражается в принципах, целях, задачах и функционировании механизма этой деятельности.

6. Основополагающими функциями воздействия традиций полиции, ОВД на формирование и совершенствование идейно-теоретических, морально-политических и профессиональных качеств их личного состава, а также на закрепление старых и привитие новых традиций этих органов являются организующее и мобилизующее воздействие традиций как на все внутренние, так и внешние отношения и процессы в полиции и в социуме в целом.

7. Организующая функция государственно-правовых традиций, включая традиции полиции, – это их воздействие на современную теорию и практику деятельности, включая организацию и реализацию правоохранительной деятельности, функционирование полиции.

8. Мобилизующая функция традиций полиции – это сохранение, передача, количественное и качественное стимулирование

и формирование мотивов, идеальных и материальных образцов и эталонов будущего поведения и деятельности сотрудников органов внутренних дел, полиции.

9. Двуединая организующая и мобилизующая функция традиций полиции состоит в том, что они:

- обеспечивают внутреннюю идейную, идейно-политическую, нравственную и социально-психологическую связь и преемственность поколений, времен, народов, государств и их образующих элементов;
- являются духовным и материальным источником этой связи и преемственности;
- накапливают, аккумулируют и умножают лучшие формы, эталоны, образцы и модели общественного сознания, социального общения, поведения, деятельности, включая правоохранительную деятельность;
- служат субъективным и объективным критерием, свидетельством и подтверждением достигнутого уровня деятельности во всех ее направлениях и формах, а также ориентиром и планкой дальнейшего развития деятельности;
- сохраняют, закрепляют, передают и усиливают предметно-чувственный образ конкретных носителей - субъектов деятельности в любых ее формах и проявлениях;
- создают необходимый идеально-материальный количественный запас и базу достигнутых образцов мышления, поведения и деятельности в интересах их дальнейшего развития и совершенствования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7020.
3. Абрамов В.А. Международный терроризм – возрастающая угроза национальной безопасности России. – Чита: ЧитГУ, 2005.
4. Аверенцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М., 1976.
5. Аврутин Ю.Е. Эффективность в деятельности органов внутренних дел (Опыт системного исследования). – СПб.: СПб. ун-т МВД России, 1998.
6. Аврутин Ю.Е., Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспективы развития). – СПб.: СПб. ун-т МВД России, 1998.
7. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат И.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
8. Алиев Я.Л. Традиции органов внутренних дел Российской Федерации и законность. – СПб., 2006.
9. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 25-33.
10. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-19.
11. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
12. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Правовая реальность и формирование традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 61-75.
13. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
14. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 7-18.
15. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: государственно-правовая сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
16. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые особенности // Юридическая наука: история и

современность. – 2012. – № 7. – С. 7-15.
17. Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33.
18. Андреев А.Г. Охранительная функция государства в современных условиях: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002.
19. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
20. Антонян Ю.М. Глобализация и преступность // Российской государство и углубление реформ в контексте глобализации мирровых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Матер. конф. Вып. 1. – Калуга, 2001.
21. Аслаханов А.А. Эволюция мирового терроризма. М., 2003.
22. Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. – СПб.: СПбФ ИС РАН, 1995.
23. Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской Империи: теоретические и ретроспективные аспекты анализа. – СПб.: СПб. ун-т МВД России, 2008.
24. Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Политические исследования. – 2001. – № 3.
25. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-63.
26. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
27. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологическая основа охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 130-138.
28. Багиев Г.Л. и др. Проблемы человечества – терроризм. – М.: Норма, 2007.
29. Базикин П. Каким должен быть урядник на службе и дома. – Новоселица: Тип. М. Шнайдера, 1911.
30. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
31. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
32. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.
33. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Профессиональная культура юриста: некоторые современные проблемы формирования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 116-126.
34. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
35. Бобуа З.Б. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник. – Новосибирск, 2002.
36. Болотина Е.В. Правоохранительная функция государственной власти (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
37. Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. Полиция и милиция России: страницы истории. – М., 1995.
38. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). – М., 1991.
39. Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В.В. Уголовное преследование терроризма: Монография. – М.: Юрайт, 2008.
40. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права (Сборник статей по философии и истории права). – СПб., 2002.
41. Вихров А.А., Алиев Я.Л. Традиции полиции: основные противоречия // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 15-22.
42. Воронцов С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. История и современность. – Ростов-на-Дону, 2001.
43. Гаврилин Ю.В, Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. – М.: Инфра-М, 2007.
44. Генералы духа: В 2-х тт. / Отв. ред. Ю.И. Сыроежина. – СПб.: Петрополис, 2001.
45. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2009.
46. Глущенко П.П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (теория и практика): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998.

47. Городенец Ф.М. Правовое государство и милиция (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1995.
48. Горожанин А.В. Взаимосвязь учения о полиции и государстве в истории правовой мысли. – СПб.: Санкт-Петербургский МВД России, 1999.
49. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011.
50. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006.
51. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
52. Григонис Э.П. Правоохранительные органы. – СПб., 2002.
53. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007.
54. Гуценко К.Ф. Правоохранительные органы: Хрестоматия. – М., 2001.
55. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. – М., 1996.
56. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы: Учебник. – М., 2005.
57. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб., 1996.
58. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2000.
59. Гушер А.И. Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества // Еврожурнал. – 2003. – № 3.
60. Джегутанов Б.К. Терроризм и экстремизм как проповедь национализма: причины и последствия // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4(12). – С. 35-45.
61. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характетра (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006.
62. Дикаев С.У. Терроризм и преступления террористической направленности (опыт системного анализа) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
63. Зубов И.Н. Система МВД России: современные проблемы функционирования и развития. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
64. Зубов И.Н., Смирный А.Н., Петров В.М. О состоянии борьбы с преступностью и об укреплении правопорядка в Российской Федерации в современных условиях. Аналитические материалы / Под ред. П.Т. Маслова. – М., 1996.
65. Иванов П.В., Луцкин В.В. Воспитание сотрудников на традициях органов внутренних дел: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
66. Идейное наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада: Научно-аналитический обзор. – М., 1983.
67. Илларионов С.И. Глобальная террористическая война. – М.: ПрофЭко, 2006.
68. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
69. Ишков Ю.И. Женская преступность в России и ее особенности в местах лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 3(23). – С. 111-115.
70. Квачева П.И. Социогенезис власти, общества, личности и государства. – М., 2002.
71. Козлов Т.Л. Региональная правовая традиция. Иудейское право // Юридические науки. – 2008. – № 2 (30).
72. Козлов Т.Л. Региональная правовая традиция. Мусульманское право // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 9-12.
73. Колодкин Л.М. Государственная кадровая политика в системе работы с кадрами в органах внутренних дел // Организация работы с кадрами в органах внутренних дел: Курс лекций. – М.: Академия управления МВД России, 1997. – С. 27-28.
74. Колотова Н.В. Мораль и право: анализ традиции и исследования ценностных аспектов проблемы // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
75. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общественной безопасности общества. – М., 1997.
76. Концепция развития органов внутренних дел и внутренних войск Российской Федерации: Приказ МВД России № 145. – М., 1996.
77. Криминология XX век: Я.И. Гилинский, А.И. Долгова, Д.А. Шестаков, С.М. Милюков, В.Н. Бурлаков, Х. Кири,

Д.В. Ривман, В.В. Колесников, Б.В. Волженкин, В.Д. Ларичев, В.П. Сальников, В.С. Устинов, Э.Ф. Побегайло, В.Т. Лисовский. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 1999.
78. Кудрявцев В.Н. Популярная криминология. – М.: Спарк, 1998.
79. Кудрявцев В.Н. Транснациональная преступность и противоречия глобализации // Российской государство и углубление реформ в контексте глобализации мирровых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Матер. конф. Вып. 1. – Калуга, 2001.
80. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. – М.: Норма, 2006.
81. Кукушин В.М. Проблемы повышения авторитета и престижа сотрудников ОВД среди населения. – СПб., 1996.
82. Лекарев С.В. Источники и каналы финансирования террористов и методы противодействия этой деятельности // Финансовый мониторинг потоков капитала с целью предупреждения финансирования терроризма / Под ред. С. Годдарда, А.Т. Никитина, Л.Л. Фитуни. – М.: МНЭПУ, 2005.
83. Лунеев В.В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – №3(17).
84. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые региональные и российский тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
85. Лысенко В.В. Полиция и нравственность. – СПб., 1996.
86. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. – М.; Ростов-на-Дону, 1999.
87. Манацков И.В. Политический терроризм (региональный аспект): Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 1998.
88. Маркс К., Энгельс Ф. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений: I глава «Немецкой идеологии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1979.
89. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи: традиции военной службы и воинская ментальность. – СПб.: Филологический факультет ЛГУ; Акра, 2006.
90. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма // Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: годаhttp://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.
91. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Под общ. ред. А.В. Возженикова. – М.: Эксмо, 2006.
92. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел: Учебник для вузов. – М., 2005.
93. Мурадян С.В. Проблемы квалификации финансирования терроризма по международному праву // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 92-97.
94. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
95. Невирко Д.Д. Социология милиции. – Красноярск, 2000.
96. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802-2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
97. Оль П.А., Ромашов Р.А. Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М.: Юристъ, 2005.
98. Организованная преступность, миграция, политика. – М., 2002.
99. Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. – М.: Норма, 2007.
100. Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложников, бандитизм: вопросы теории и практики. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011.
101. Парк Р.Э. Современное общество. Личность. Культура. Общество. – М., 2001.
102. Петров С.М. Соотношение функций обеспечения безопасности и правоохраны в деятельности правоохранительных органах // Власть. – 2000. – № 11.
103. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). – М.: Юристъ, 1999.
104. Полиция США (сравнительно-правовой анализ) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
105. Поколения в истории: ритмы духовности / Научн. ред.: И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: АРЕАЛ, 2012.
106. Полководцы гражданской войны. – М.: Молодая гвардия, 1960.
107. Полководцы и военачальники Великой отечественной войны. – М.: Молодая гвардия, 1970.
108. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
109. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. А.Я. Сухарев. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2003.

110. Правоохранительная деятельность и правоохранительные органы / Под общ. ред. В.А. Галкова. – Белгород, 2001.
111. Правоохранительные органы Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Божьего. – М., 2005.
112. Правоохранительные органы: Курс лекций / Под ред. В.И. Качалова, О.В. Качаловой. – М., 2006.
113. Правоохранительные органы: Учебник для вузов / Под ред. О.А. Галустьяна. – М., 2005.
114. Преступления террористической направленности: уголовное преследование на досудебных стадиях / Под науч. ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003.
115. Преступность в России и проблемы борьбы с ней. – М., 2001.
116. Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
117. Проценко Е.Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России (историко-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
118. Проценко Е.Д. Профессиональное образование в органах и войсках МВД России: история, теория, практика: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.
119. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб., 2002.
120. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004.
121. Роль интеллигенции в формировании идеологии среднего класса / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: Синтагма, 2010.
122. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб.; Пушкин, 1998.
123. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизации к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8.
124. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России: Учебное пособие. – СПб., 2008.
125. Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы правопонимания и пути решения: Науч.-практ. конф. (3 – 4 октября 2001 г.) / Под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП, 2001.
126. Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
127. Сальников В.П. Зная тенденции развития страны, мы готовим кадры с опережением // Юридический мир. – 2004. – № 7. – С. 47-59.
128. Сальников В.П. О модернизации и совершенствовании российского образования // Наша власть: дела и лица. Специальный выпуск: Реформа образования в России. – 2006. – С. 44-46.
129. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 1.
130. Сальников В.П. Служа закону – служить народу // Наша власть: дела и лица. – 2004. – № 2 (38). – С. 70-71.
131. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России). – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
132. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань, 1999.
133. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
134. Сальников С.П., Тищенко А.Г. Полицейская функция государства: понятие, цель, средства и методы реализации // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 16-20.
135. Санкт-Петербургские ведомости. 2002. 1 ноября.
136. Санкт-Петербургские ведомости. 2002. 24 октября.
137. Санкт-Петербургские ведомости. 2002. 31 октября.
138. Сафонов И.И. Организация раскрытия и расследования терроризма. Монография / Под ред. А.С. Подшибякина. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2004.
139. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России: Науч. изд. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000.
140. Советская Россия. 2002. 31 октября.
141. Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. – Омск, 1993.
142. Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006.
143. Суворова Н.Г. Организованная преступность в конкретном региональном исследовании // Проблемы борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом. – М., 2001.
144. Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 11-19.
145. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетия // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 24-32.

146. Топильская Е.В. Организованная преступность. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 1999.
147. Формы и методы работы органов внутренних дел с самодеятельными организациями: Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. Л.Г. Перекрестова. – Л., 1989.
148. Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). – СПб., 1999.
149. Чарльз М.Т. Современное состояние и перспективы профессиональной подготовки сотрудников полиции (милиции) США и России: Науч. изд. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алитейя, 2000.
150. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
151. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
152. Шамаров В.М., Лойт Х.Х. Воспитательная работа с личным составом органов внутренних дел / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001.
153. Шамсурин В.И. Политическая традиция в исторической ретроспективе // Вестник Моск. ун-та. Серия 12: Политические науки. – 1997. – № 1.
154. Шахназаров Г.Х. Современная цивилизация и Россия. – М., 2003.
155. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения: В 3-х тт. Т. 3. – М.: Политиздат, 1979.
156. Cremin L.A. Traditions of American education. New York. 1977. P. 137-141.
157. Ibid. P. 156-157.
158. Morgan L. Ancient society. London, 1877. Ch. 1.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной юридико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации составляет не более двух месяцев со дня регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присылается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный междустрочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [10, стр. 81].
   - в затекстовой ссылке: 10. Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25
тел. / факс: (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2012, № 9

Подписано в печать 20.08.2012. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 20,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 389.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru